

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

УФИМСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ
ИНСТИТУТУ МВД РОССИИ-55 ЛЕТ!

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Материалы Международной конференции,
посвященной принятию Всеобщей декларации
прав человека
4 декабря 2025 года

ISBN 978-5-7247-1222-4

© Уфимский ЮИ МВД России, 2025 г.

Об издании – [2](#), [3](#)

УДК 341.231.14(082)
ББК 67.911.11я431
А43

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

**Под общей редакцией:
кандидата юридических наук, доцента О. С. Носкова**

Редакционная коллегия:

И. Р. Аминов, кандидат юридических наук;
А. А. Степанова, кандидат юридических наук, доцент;
Е. В. Пономарева, кандидат юридических наук, доцент;
И. Р. Диваева, кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Латыпов, доктор юридических наук, доцент;
А. Ф. Мухаметшин, кандидат юридических наук;
П. А. Мухаметов, кандидат исторических наук, доцент;
Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент;
А. А. Исаев, кандидат философских наук, доцент;
Е. А. Петрова, доктор филологических наук, доцент;
С. С. Султанов, б/с, б/з;
А. З. Хасанов, б/с, б/з;
А. Н. Бисярина, кандидат юридических наук, б/з

А43 Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина [Электронное издание] : материалы Международной конференции, посвященной принятию Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 4 декабря 2025 года / под общ. ред. О. С. Носкова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (2,4 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1222-4

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников Международной конференции «Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека)».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 341.231.14(082)
ББК 67.911.11я43

© Уфимский ЮИ МВД России, 2025

Научное издание

**Актуальные проблемы государства и общества в области
обеспечения прав и свобод человека и гражданина**

Материалы Международной конференции,
посвященной принятию Всеобщей декларации прав человека

Редакторы

Г. Ф. Сурагулова
Е. А. Карамзина
Р. Р. Гафарова

Корректурa,
компьютерная верстка

Г. Ф. Сурагулова

Дизайн обложки

Т. Д. Латыпова

Дата подписания к использованию: 22.12.2025

Объем издания: 702 МБ (2,4 МБ)

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж: 10 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Абдуллина Л. Р., Баринова Е. Д.</u> ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРИНЦИПУ.....	8
<u>Акилов Д. З., Акилова Р. В.</u> ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	13
<u>Алешин С. В.</u> К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОЛИЦИЯ».....	17
<u>Амиров Р. З.</u> ЗАКОН 1807 ГОДА «О МЯТЕЖЕ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В США.....	21
<u>Антонова А. И.</u> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЛИЯНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ.....	25
<u>Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю.</u> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ УГРОЗАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	31
<u>Белявская Р. Р.</u> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН.....	36
<u>Бондаренко Ю. В.</u> МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.....	42
<u>Гайдин А. И., Морин А. В.</u> ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ВИНОВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	48
<u>Галиуллина Р. Х., Улимаев Р. Ю.</u> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА.....	59
<u>Гумерова Р. Р.</u> ДОЛЖНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ.....	64
<u>Гумерова Р. Р.</u> ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ.....	67
<u>Дурнева Н. С.</u> ОСОБЕННОСТИ УСЛОВИЙ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ЛИЦ, ИСПОВЕДУЮЩИХ КАТОЛИЦИЗМ И ЛЮТЕРАНСТВО, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА.....	70
<u>Ермолаев О. И.</u> ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С ПРАВОВЫМ МЕХАНИЗМОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	76

<u>Игбаева З. Р.</u> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	81
<u>Игнатова З. Р.</u> К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	86
<u>Исмагилова А. Р.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....	89
<u>Каац М. Э.</u> ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	93
<u>Каримова Г. Ю.</u> ВЛИЯНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	97
<u>Кийко А. Ю., Кудина С. А.</u> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА СЕМЬИ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ СОТРУДНИКАМ РОСГВАРДИИ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	101
<u>Киричек Е. В.</u> ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	107
<u>Ковган Е. Ю.</u> ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	112
<u>Колесников В. А.</u> КОНСТИТУЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ИНДИВИДА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ.....	115
<u>Кутушев Г. З.</u> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКОЙ АССР).....	121
<u>Маликов Б. З.</u> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОЛИТИКО-НОРМАТИВНЫЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ, РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИНУЖДЕНИЯ.....	127
<u>Масягутова Г. Р.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: К 78-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	133
<u>Миняшева Г. И.</u> ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	138
<u>Морин А. В.</u> ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	146

<u>Морозова М. Н., Морозов В. Н.</u> ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПОДЛЕЖАЩИХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ ВЫДВОРЕНИЮ, КОТОРЫЕ СОДЕРЖАТСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ.....	152
<u>Набиев Ф. Ф.</u> К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	157
<u>Небрятенко О. О.</u> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА.....	161
<u>Нугуманов А. Р.</u> СТРУКТУРА И СИСТЕМА ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГВИНЕЯ-БИСАУ.....	164
<u>Одиназода И. А.</u> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	167
<u>Острякова А. Ф.</u> КОРРУПЦИЯ И ПРАВО: МЕРЫ БОРЬБЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	171
<u>Поезжалов В. Б.</u> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИБЕРХИЩЕНИЙ.....	174
<u>Полякова В. В.</u> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ПРАВО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	179
<u>Пономарева О. М.</u> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ.....	186
<u>Прудников А. С.</u> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	190
<u>Рахимов Э. Х.</u> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ОБОРОТА ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ.....	195
<u>Рябов С. А.</u> НЕНОРМИРОВАННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РАБОТНИКОВ.....	199
<u>Самигуллин В. К.</u> ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ В ПРАВЕ И В СПЕЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	205
<u>Сибатуллин Ф. Ф.</u> СТАТЬЯ 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	211

<u>Смирнов С. В.</u> НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ.....	215
<u>Соловьев Д. Н.</u> ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	219
<u>Сухоплюев П. А.</u> ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО_ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	227
<u>Тепляшин И. В.</u> ФОРМЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	231
<u>Тингаева И. В., Имаева Ю. Б.</u> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	236
<u>Толкачев К. Б.</u> ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	240
<u>Топилина А. В.</u> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА И СВОБОДЫ ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ.....	245
<u>Хусаинов Р. Р.</u> УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ.....	250
<u>Хуснутдинова Р. Р., Амиров Р. З.</u> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДИГМЕ «СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ»: СОВЕТСКАЯ ПРАВООПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА 1920-Х ГОДОВ.....	255
<u>Чернова Э. Р.</u> КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ...	260
<u>Ширгазина Г. Э.</u> БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	265
<u>Янбухтин Р. М.</u> ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	268

Абдуллина Л. Р. – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России;

Барина Е. Д. – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРИНЦИПУ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ современных вызовов, стоящих перед реализацией принципа презумпции невиновности в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Исследуется феномен формирования «судов общественного мнения» в цифровом пространстве, анализируются механизмы воздействия медиасреды на участников уголовного процесса, предлагаются конкретные пути совершенствования правового регулирования. Особое внимание уделяется поиску баланса между свободой массовой информации и правом на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовное судопроизводство, цифровые медиа, справедливое правосудие, Всеобщая декларация прав человека, право на защиту, суд общественного мнения, правовые гарантии.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current challenges facing the implementation of the principle of presumption of innocence in the context of the digital transformation of public relations. The phenomenon of the formation of «public opinion courts» in the digital space is investigated, the mechanisms of the media environment's impact on participants in the criminal process are analyzed, and specific ways to improve legal regulation are proposed. Special attention is paid to finding a balance between freedom of the media and the right to a fair trial.

Keywords: presumption of innocence, criminal proceedings, digital media, fair justice, Universal Declaration of Human Rights, right to defense, court of public opinion, legal guarantees.

Всеобщая декларация прав человека, принятая 75 лет назад, заложила фундамент современной системы защиты прав и свобод личности. Ста-

тья 11 [1] этого исторического документа провозгласила презумпцию невиновности краеугольным камнем правосудия, гарантировав каждому человеку, обвиняемому в совершении преступления, право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком. Этот принцип, получивший закрепление в конституциях большинства государств и в уголовно-процессуальном законодательстве, традиционно рассматривался как важнейшая гарантия от произвола государственной власти. Однако в XXI веке, в эпоху цифровой революции и тотальной медиатизации общественной жизни, возникли новые, ранее не известные вызовы реализации этого фундаментального принципа. Доктрина презумпции невиновности, направленная на защиту людей от незаконного преследования их чести и репутации, устранение сомнений в их добропорядочности до определения их виновности в установленном законом порядке на основе судебного решения является важнейшей гарантией осуществления правосудия в демократическом государстве. Соблюдение данного принципа и следование ему в ежедневной практике зависит не столько от законодательного регулирования, сколько от демократических традиций и уровня правовой культуры [2, с. 16].

Цифровая среда создала условия для развития так называемого «суда общественного мнения» [3, с. 18], который функционирует параллельно с официальным правосудием, но по собственным законам. Социальные сети, блоги, новостные порталы и интернет-издания становятся площадкой для проведения альтернативного «разбирательства», где отсутствуют процессуальные правила, не действуют стандарты доказывания и не обеспечиваются права обвиняемого. Особую тревогу вызывает то, что этот «суд» начинается часто на самых ранних стадиях уголовного преследования, когда еще не собраны доказательства, не допрошены свидетели и не проведены необходимые экспертизы. В информационном пространстве формируется образ обвиняемого как заведомо виновного, при этом публикация оправдательных или смягчающих вину обстоятельств отходит на второй план.

Современные исследования демонстрируют, что воздействие цифровых медиа на уголовное судопроизводство осуществляется через несколько взаимосвязанных каналов. Первый канал связан с психологическим давлением на участников процесса. Судья, будучи публичной фигурой, не может игнорировать тот общественный резонанс, который вызывают громкие уголовные дела. Постоянное освещение в средствах массовой информации (далее – СМИ) деталей дела, публикация компрометирующих материалов, активное обсуждение в социальных сетях создают невидимое, но осязаемое давление, которое может влиять на судебское усмотрение. В таких условиях принятие процессуальных решений, особенно тех, которые могут быть восприняты общественностью как «мягкие» или «попустительские», требует от судьи особой гражданской смелости и профессиональной независимости.

Второй канал воздействия касается формирования коллегии присяжных заседателей. Институт присяжных, являющийся важнейшей гарантией независимого правосудия, оказывается особенно уязвимым в условиях информационного прессинга. Несмотря на тщательный отбор и предупреждения со стороны суда, практически невозможно обеспечить полную изоляцию кандидатов в присяжные от массива информации, распространяемой по каналам цифровых медиа. Многочисленные исследования подтверждают, что предварительное знакомство с деталями дела через СМИ формирует у потенциальных присяжных определенные установки и предубеждения, которые крайне сложно преодолеть в ходе судебного разбирательства. Новейшая форма влияния медиaprостранства на деятельность суда присяжных, существенно отличающаяся от иных видов, проявляется в формировании особой модели поведения присяжного при рассмотрении им уголовного дела, она вызвана просмотром различных продуктов телевидения. Этот феномен, долгое время непризнаваемый в зарубежной научной литературе, был объективно выявлен в результате ряда эмпирических исследований, в том числе путем опроса лиц, выполнявших функции присяжных и вынесших наиболее резонансные вердикты [4, с. 241].

Третий канал влияния затрагивает положение свидетелей и потерпевших. В условиях тотальной публичности они могут испытывать страх перед возможной травлей в социальных сетях, что нередко ведет к отказу от дачи показаний или изменению первоначальных показаний. Особенно остро эта проблема стоит в делах, имеющих высокий общественный резонанс, где любое слово свидетеля немедленно становится предметом бурного обсуждения и критики в интернет-пространстве.

Четвертый канал воздействия связан с положением защиты. Адвокат в современных условиях вынужден вести борьбу не только в зале суда, но и в информационном поле. Необходимость комментирования хода процесса для СМИ, опровержения распространяемой ложной информации, защиты репутации доверителя от нападков в социальных сетях – все это отвлекает значительные ресурсы и может негативно сказываться на качестве собственно процессуальной деятельности.

Особую проблему представляет необратимость цифрового клейма. Информация, опубликованная в интернете, приобретает характер вечной. Даже последующее оправдательное решение суда или прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям далеко не всегда способно полностью стереть сложившийся в общественном сознании негативный образ. Компрометирующие материалы продолжают циркулировать в цифровом пространстве, влияя на репутацию человека и его социальный статус после окончания судебного процесса.

Правовое регулирование в данной сфере сталкивается с серьезными вызовами. С одной стороны, необходимо обеспечить эффективную защиту принципа презумпции невиновности от деструктивного влияния цифровых

медиа. С другой стороны, важно не переступить грань, за которой защита прав обвиняемого превращается в неоправданное ограничение свободы массовой информации. Поиск этого баланса представляет собой одну из наиболее сложных задач современной юриспруденции.

В настоящее время в законодательстве многих стран присутствуют нормы, направленные на ограничение публичности на досудебных стадиях уголовного процесса. Однако их эффективность в условиях цифровой среды оказывается недостаточной. Традиционные механизмы ответственности за нарушение презумпции невиновности в СМИ часто не успевают за скоростью распространения информации в интернете. Санкции, применяемые к отдельным СМИ, не могут остановить лавинообразное распространение информации через многочисленные каналы цифровой коммуникации.

В этой связи представляется необходимым развитие комплексного подхода к решению данной проблемы. Первое направление связано с совершенствованием законодательства. Целесообразно рассмотреть вопрос о введении более строгих процедурных правил, ограничивающих возможность распространения информации о ходе расследования до завершения предварительного следствия. При этом такие ограничения должны быть соразмерными и не превращаться в инструмент сокрытия информации о злоупотреблениях в правоохранительной системе.

Второе направление предполагает развитие саморегулирования в медиасреде. Профессиональные журналистские ассоциации могли бы разработать и внедрить этические стандарты освещения уголовных процессов, предусматривающие взвешенный подход к подаче информации, отказ от использования языка, предполагающего виновность обвиняемого, обеспечение пропорционального освещения позиции защиты.

Третье направление касается повышения правовой грамотности общества. Важнейшей задачей является формирование у граждан понимания того, что публикация обвинительных материалов в СМИ не является доказательством вины, а «суд общественного мнения» представляет собой грубое нарушение фундаментальных прав человека. Просветительская работа в этой сфере должна вестись на системной основе с привлечением образовательных учреждений и гражданского общества.

Четвертое направление связано с развитием судебной практики. Суды должны активно использовать имеющиеся процессуальные инструменты для защиты принципа презумпции невиновности от вмешательства цифровых медиа. Это может проявляться в более частом использовании практики переноса судебного разбирательства в другую местность при наличии объективных свидетельств предвзятого отношения, в тщательном отборе присяжных заседателей с применением расширенного вопросника, в предоставлении дополнительных гарантий защиты при наличии признаков давления на участников процесса через каналы цифровых медиа.

Отдельного внимания заслуживает международный опыт регулирования данной проблемы. Европейский суд по правам человека в своей практике неоднократно указывал на обязанность государств обеспечивать эффективные гарантии против предвзятости в освещении уголовных процессов. В решениях суда подчеркивается, что свобода выражения мнения не должна подрывать право на справедливое судебное разбирательство. Национальные законодатели и правоприменители должны учитывать эти правовые позиции при разработке мер противодействия новым вызовам презумпции невиновности.

В контексте 75-летия Всеобщей декларации прав человека проблема защиты презумпции невиновности в цифровую эпоху приобретает особое звучание. Исторический документ, принятый в другую технологическую эпоху, продолжает оставаться актуальным ориентиром в поиске баланса между различными правами и свободами. Задача современного общества состоит в том, чтобы найти адекватные ответы на новые вызовы, не поступаясь фундаментальными принципами, заложенными в Декларации.

В заключение следует подчеркнуть, что защита презумпции невиновности в условиях цифровой трансформации требует комплексных усилий со стороны законодателей, правоприменителей, профессионального журналистского сообщества и гражданского общества. Необходим постоянный диалог между всеми заинтересованными сторонами для выработки сбалансированных подходов, позволяющих, с одной стороны, обеспечить независимость и объективность правосудия, а с другой стороны – сохранить достижения в области свободы информации. Только таким образом можно обеспечить действительную, а не декларативную реализацию принципа презумпции невиновности, провозглашенного во Всеобщей декларации прав человека как неотъемлемый элемент справедливого правосудия.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гаджиев Х. И. Доктрина презумпции невиновности в век цифровых технологий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4 (83). С. 16–30.

3. Идилов А. И., Абубакарова М. М. Влияние интернет-общественного мнения на судебную справедливость // Актуальные проблемы юриспруденции : материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Грозный, 15 июня 2023 года. Грозный : Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2023. С. 15–19.

4. Стрелкова Ю. В. Медиапространство и суд присяжных в современном мире : риски и пути их нейтрализации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-i-sud-prisyazhnyh-v-sovremennom-mire-riski-i-puti-ih-neytralizatsii> (дата обращения: 17.09.2025).

© Абдуллина Л. Р., 2025

© Баринова Е. Д., 2025

УДК 376.1

Акилов Д. З. – заместитель главы Администрации муниципального района Куюргазинский район Республики Башкортостан по социальной политике;

Акилова Р. В. – исполнительный секретарь местного отделения политической партии «Единая Россия» Куюргазинского района Республики Башкортостан

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена проекту, который сыграл положительную роль в патриотическом воспитании несовершеннолетних. Проект представляет собой инициативу по созданию серии документальных фильмов о детях войны, живущих в Куюргазинском районе. Реализованный с участием несовершеннолетних, включая детей с ограниченными возможностями здоровья и состоящих на учете, он способствует сохранению исторической памяти, укреплению связей между поколениями и развитию профильных навыков у молодых участников. В рамках проекта проходило обучение основам режиссуры, сценаристики и видеомонтажа, а также проводился отбор героев для съемок. Итогом стали короткометражные фильмы, размещенные на собственном онлайн-канале, обеспечивающие широкое распространение исторических свидетельств и воспоминаний. Проект способствует формированию у детей ценности памяти, патриотизма и уважения к прошлому, а также служит платформой для социализации особенных детей, расширяя их круг общения и вовлекая их в культурно-образовательную деятельность.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, несовершеннолетние лица, профилактика правонарушений.

Abstract. The project "The Childhood Touched by War" is an initiative to create a series of documentary films about children affected by war living in the Kuyurgazinsky District. Implemented with the participation of minors, including children with disabilities and those under various records, it promotes the preservation of historical memory, strengthens intergenerational connections, and develops specialized skills among young participants. As part of the project, participants received training in directing, screenwriting, and video editing, and a selection of heroes for filming was conducted. The result was short films, published on a dedicated online channel, facilitating wide dissemination of personal stories and memories. The project fosters the values of remembrance, patriotism, and respect for the past among children, while also serving as a platform for the socialization of children with special needs, expanding their social circle and engaging them in cultural and educational activities.

Keywords: patriotic education, minors, crime prevention.

«Вариантов добиваться нужного нам результата, в том числе и в патриотическом воспитании, очень много. И здесь, конечно, нужно очень творчески подходить. Вот если думать, всегда можно найти то, что будет интересно для тех людей, ради которых мы это делаем. А если это интересно, то это ложится надолго и оказывает нужное нам воздействие на формирование человека», – сказал В. В. Путин в рамках встречи с сотрудниками и подопечными фонда «Защитники Отечества» [1].

Сегодня детям войны уделяется все больше заслуженного внимания, поскольку их подвиги и страдания остаются важной частью истории нашей страны. Наш проект, реализованный в Куюргазинском районе Республики Башкортостан, – яркое дополнение к этим инициативам. Он носит название «Детство, которого коснулась война» и заключается в создании цикла документальных фильмов о детях войны, проживающих на территории муниципального района [2].

Что особенно важно, проект реализовывался с участием несовершеннолетних, среди которых есть дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, состоящие на различных видах учета, а также обучающиеся во Всероссийском детско-юношеском военно-патриотическом общественном движении «Юнармия» [3]. Они выступали в роли корреспондентов, сценаристов, монтажеров – именно так создавались фильмы. Такой подход помогает не только сохранить память, но и развить у молодых участников навыки, востребованные в современном мире, а также в будущем, возможно, их профессиональные интересы будут связаны с кино- и медиаиндустрией.

Особое значение в реализации проекта занимает патриотическое воспитание несовершеннолетних как один из важнейших аспектов профилактики правонарушений. Формирование патриотических чувств способствует

укреплению гражданской ответственности, развитию уважения к своей Родине и ее истории, а также способности осознавать ценность мира и согласия. Исследования показывают, что воспитание патриотизма в подростковом возрасте является эффективным средством профилактики негативных проявлений и правонарушений, так как формирует у ребят позитивное отношение к своим корням, способствует развитию патриотических ценностей, укрепляет духовно-нравственную базу личности. Вовлечение молодежи в такие проекты, как создание фильмов о героях войны, содействует развитию критического мышления, толерантности и социальной ответственности.

В ходе реализации проекта были сняты получасовые фильмы о трудной и часто трагической судьбе детей, чье детство было омрачено войной. В Куяргазинском районе проживает 1 117 пожилых людей со статусом «дети войны», что говорит о масштабах исторической памяти, которую важно сохранить. К сожалению, охватить всех невозможно, однако каждое свидетельство, запечатленное на камеру, становится бесценным наследием для будущего.

Первые месяцы были посвящены обучению участников основам режиссуры, написанию сценариев и съемке short-фильмов. Дети с удовольствием осваивали новые навыки и компетенции, и есть вероятность, что кто-то из них свяжет свою судьбу с работой в сфере кино или медиа. Таким образом, проект выполняет и профориентационную функцию, показывая реальные возможности для самореализации.

Параллельно с этим осуществлялся отбор героев для фильмов – живое общение с потенциальными героями, их семьями, местными руководителями, музеями и общественными деятелями. Следующий этап – съемка видеоматериалов, взятие интервью, монтаж и публикация готовых фильмов. Заключительный этап – распространение материалов через собственный канал на платформе RuTube, социальные сети, сайты образовательных учреждений [4]. Также запланированы просмотры и обсуждения фильмов на классных часах, что способствует формированию у молодежи уважения к истории и росту патриотического сознания.

Впервые в Куяргазинском районе реализуется подобная практика – история из первых уст, запечатленная на камеру, становится бесценным наследием для будущих поколений. Жизни и подвиги тех, кто прошел через войну, достойны широкой огласки. Каждый герой, переживший подобное, – пример мужества и стойкости.

Война разрушила тысячи детских судеб, забрала беззаботное детство и превратила их в свидетелей и участников исторических событий. Дети войны приближали победу своими малыми силами, несмотря на горе и страдания. Сегодня трудно понять, как жилось этим мальчикам и девочкам, выросшим в военное время, и что значит для них слово «Победа». Фильмы,

книги и воспоминания помогают лучше понять их страдания, а также воспитывают чувство благодарности и ответственности за будущее.

Реализация проекта – это память о подвигах детей, вынужденных быстро стать взрослыми, сохранение исторической памяти и укрепление связей между поколениями. В современных условиях – это и вклад в архивное наследие, и важная форма воспитания гражданственности, патриотизма и социальной ответственности. Для участников проекта это возможность социализации, расширения круга общения и знакомства с реальной историей, а не только с учебниками. Свидетельства тех тяжелых времен помогают повысить ценность простых вещей, окружающих нас сегодня, понять, что такое ценности, единство и Победа. Важно также заинтересовать молодых в изучении истории и научить их отличать реальные события от виртуальных игр, дать почувствовать «запахи» и ощущения тех времен.

В современном мире придается особое значение инклюзивному образованию – обучению детей с ограниченными возможностями здоровья в общих школах. Формирование доброжелательного отношения общества к таким детям – важный элемент их полноценного развития и социальной интеграции. Совместная деятельность с юнармейцами и героями фильмов способствует их социализации и формирует ценностное отношение к своей истории.

Таким образом, патриотическое воспитание способствует формированию у несовершеннолетних ценностных ориентиров, укреплению чувства патриотизма, гордости за Родину и уважения к ее историческому наследию. Вовлечение молодежи в рассказы о героическом прошлом, создание памятных фильмов и участие в патриотических акциях помогают формировать правильное мировосприятие и укрепляют иммунитет молодого поколения против негативных рисков, среди которых правонарушения и экстремизм. Патриотическое воспитание помогает развить чувство ответственности, понять свою роль в обществе и стимулирует не прибегать к правонарушениям, ведь они противоречат высоким ценностям – уважению к Родине и своему народу.

Библиографический список

1. Путин высказался о патриотическом воспитании // РИА Новости. 2025. 6 марта. URL: <https://ria.ru/20250306/putin-2003489185.html> (дата обращения: 20.11.2025).

2. Детство, которого коснулась война // Президентский фонд культурных инициатив. URL: <https://xn--80af5akm8c.xn--h1adou.xn--p1ai/public/application/item?id=73982551-ad35-4e93-8bb4-6a2c79b74d47> (дата обращения: 20.11.2025).

3. Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия». URL: <https://yunarmy.ru/> (дата обращения 20.11.2025).

4. Детство, которого коснулась война // RuTube. URL: <https://rutube.ru/channel/25936591/> (дата обращения: 20.11.2025).

© Акилов Д. З., 2025

© Акилова Р. В., 2025

УДК 342.9

Алешин С. В. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

К ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПОЛИЦИЯ»

Аннотация. В статье проанализировано содержание законодательства Российской Федерации о полиции, а также некоторых стран Содружества Независимых Государств, в части наличия определения «полиция». Сформулировав понятие «полиция», автором предлагается закрепление данного понятия в ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», совместив понятие с назначением полиции.

Ключевые слова: понятие «полиция», законодательство о полиции, полиция, органы полиции, органы внутренних дел, правоохранительные органы.

Abstract. The article analyzes the content of the legislation of the Russian Federation on the police, as well as some countries of the Commonwealth of Independent States, in terms of the definition of "police". Having formulated the concept of "police", the author proposes the consolidation of this concept in art. 1 of the Federal Law "On Police", combining the concept with the appointment of the police.

Keywords: the concept of "police", legislation on police, police, police agencies, internal affairs agencies, law enforcement agencies.

Обеспечение законности и правопорядка в обществе, предупреждение и противодействие преступности и административным правонарушениям являются одними из основных задач, решаемых на государственном уровне. На выполнение данных целей направлена деятельность органов полиции.

В системе правоохранительных органов полиция занимает центральное место. Сказанное обусловлено ее назначением.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации

(далее – РФ), иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств.

Полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов РФ, иным государственным органам, органам местного самоуправления, иным муниципальным органам, общественным объединениям, а также организациям независимо от форм собственности, должностным лицам этих органов и организаций в защите их прав.

Полиция является «одним из наиболее массовым и вместе с тем эффективным правоохранительным органом, обеспечивающим конституционный правопорядок» [1, с. 26].

В 2011 г. законодательство в сфере правового регулирования деятельности полиции было подвергнуто реформированию. В результате проведенной реорганизации милиция была преобразована в полицию. Основным специальным законом, регулирующим правовое положение и организационную структуру органов полиции, стал Закон о полиции. В дополнение к вышеуказанному закону были приняты подзаконные нормативные правовые акты (указы Президента РФ).

Практически за 14 лет действия Закон о полиции подвергался многочисленным поправкам и дополнениям. Это вполне закономерный процесс, ведь на момент принятия закона нельзя учесть всех моментов, которые могут возникнуть, в ходе его реализации. Несмотря на обновление отечественного законодательства в исследуемой сфере, сохраняют свою актуальность отдельные проблемы, оставшиеся вне поля законодательного разрешения.

По результатам анализа норм действующего российского законодательства можно прийти к выводу о том, что в нем отсутствует официальная дефиниция исследуемого понятия. Закон о полиции начинается со ст. 1 «Назначение полиции». Анализ данной статьи закона позволяет сделать вывод о целях и задачах органов полиции, а не о сущности и содержании самого понятия «полиция» или «органы полиции».

Официальная дефиниция исследуемого понятия представлена в Модельном законе «О полиции (милиции)», принятом на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 20-12 от 7 декабря 2002 г.) [2].

В соответствии со ст. 1 вышеуказанного закона полиция (милиция) – система государственных органов исполнительной власти, призванная защищать жизнь и здоровье человека, его права и свободы, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, наделена правом принуждения, предусмотренным данным законом и другими законами.

Для сравнения отметим, что в законодательстве большинства государств Содружества Независимых Государств раскрывается официальная дефиниция исследуемого понятия. Так, например, понятие «органы внутренних дел» содержится в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [3], Законе Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» [4].

Органы внутренних дел Республики Беларусь – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них настоящим Законом и иными законодательными актами.

Органы внутренних дел Республики Казахстан являются правоохранительным органом, предназначенным для защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Принимая во внимание положительный опыт зарубежных стран в исследуемой сфере, признаем целесообразным дополнить Закон о полиции официальным определением понятия «полиция».

В научной среде учеными предлагаются различные авторские подходы к раскрытию сущности и содержания понятия «полиция».

Как отмечает С. И. Адиньяев: «Полиция в современной России – это система самостоятельных, структурированных, функционально обособленных, специализированных органов государственной власти, обладающих специальной компетенцией и государственно-властными полномочиями, являющихся компонентом аппарата исполнительной власти, реализующих в механизме государства правоохранительную функцию и являющихся частью отраслевой системы государственного управления, основной сферой деятельности которых является охрана и защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, борьба с преступностью, профилактика преступлений и правонарушений, обеспечение нормального функционирования органов государственной власти, государственных и общественных институтов, хозяйствующих субъектов, охрана правопорядка и общественного порядка» [5, с. 29].

По мнению В. С. Вирабова «полиция – подразделения, входящие в единую централизованную систему федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, предназначенных для защиты жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности, охраны правопорядка, собственности, и наделенных правом применения мер государственного принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими нормативными правовыми актами» [6, с. 42].

Итак, органы полиции являются основным звеном в системе правоохранительных органов. При этом, в отличие от других правоохранительных органов (например, прокуратуры) законодателем не уделено внимание раскрытию сущности и содержания понятия «полиция», в чем нами усматривается недостаток действующего российского законодательства в исследуемой сфере, нуждающийся в устранении.

В целях восполнения данного пробела нами предлагается следующее определение полиции: «Полиция в Российской Федерации – система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, для обеспечения общественной безопасности. Полиция наделена правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами. Полиция входит в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации».

В рамках проведенного сравнительно-правового анализа зарубежных стран мы пришли к выводу о том, что в законодательстве большинства государств Содружества Независимых Государств раскрывается официальная дефиниция рассматриваемого понятия. Анализ доктринальных источников также свидетельствует о том, что отсутствие законодательного определения данного понятия является предметом научных исследований. Учеными неоднократно обращалось внимание на необходимость закрепления законодательного понятия «полиция».

Принимая во внимание положительный опыт зарубежных стран в рассматриваемой сфере и мнение ученых, признаем целесообразным внести изменения в название и содержание ст. 1 Закона о полиции, закрепив в данной статье понятие и назначение полиции.

Библиографический список

1. Безруков А. В., Савоськин А. В. Конституционно-правовые основы деятельности и роль органов внутренних дел в механизме обеспечения конституционного правопорядка в России // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 25–31.

2. О полиции (милиции) : модельный закон (принят на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 20-12 от 7 декабря 2002 г.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.09.2025).

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30548533&pos=23;-58#pos=23;-58. (дата обращения: 22.09.2025).

4. Об органах внутренних дел Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31538985&sub_id=10000&pos=44;-54#pos=44;-54. (дата обращения: 21.09.2025).

5. Адиньяев С. И. Полиция в системе правоохранительных органов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 234 с.

6. Вирабов В. С. Правовые основы деятельности полиции в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 219 с.

© Алешин С. В., 2025

УДК 342

Амиров Р. З. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ЗАКОН 1807 ГОДА «О МЯТЕЖЕ» В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В США

Аннотация. В статье анализируется порядок и условия привлечения воинских формирований президентом Соединенных Штатов Америки для обеспечения защиты гражданских прав в отдельных штатах на основании Закона 1807 года «О мятеже».

Ключевые слова: гражданские права, гражданские беспорядки, расовая сегрегация, Национальная гвардия, федеральные войска.

Abstract. The article analyzes the procedure and conditions for the involvement of military units by the President of the United States of America to ensure the protection of civil rights in individual states on the basis of the Law of 1807. «About the rebellion».

Keywords: civil rights, civil unrest, racial segregation, National Guard, federal troops.

Закон о мятеже (The Insurrection Act) 1807 года является федеральным законом США, который наделяет президента полномочиями использовать вооруженные силы или привлекать войска Национальной гвардии для обеспечения внутренней безопасности США. Официально закрепленный в Своде законов США, этот закон является исключением из закона Posse Comitatus (Закон о полномочиях шерифа) 1878 года, который ограничивает участие военных в обеспечении правопорядка внутри страны. Статья

333 раздела 10 главы 13 Свода законов США разрешает президенту использовать Вооруженные силы для подавления любого «мятежа, домашнего насилия, незаконного объединения или заговора», если правоохранительные органы в штате сталкиваются с препятствиями, а местные правоохранительные органы не в состоянии защитить людей, или если незаконные действия «препятствуют исполнению законов Соединенных Штатов или затрудняют отправление правосудия» [2].

Принятие Закона о мятеже было связано с определенными историческими событиями, которые потребовали от законодателя наделения главы государства полномочиями для реагирования на внутренние угрозы. Вследствие значительных потерь американской армии в сражении 1791 года в ходе Северо-Западных индейских войн, в следующем году Конгресс принял два закона о милиции (Единый закон о милиции и Закон о призыве на военную службу). При наличии определенных условий президент получил право, ограниченное двухлетним сроком, призывать ополченцев из штатов на федеральную службу.

Джордж Вашингтон был первым президентом, который в 1794 году (перед истечением срока действия закона 1792 года) использовал предоставленные полномочия для подавления вооруженного сопротивления введению налога на виски в Западной Пенсильвании. 7 августа 1794 года Вашингтон издал прокламацию, в которой сослался на закон и призвал губернаторов направить отряды ополченцев для обеспечения сбора налога. Сам президент возглавил армию, которая должна была подавить восстание. Губернаторы Вирджинии, Мэриленда, Нью-Джерси и Пенсильвании предоставили 13 000 вооруженных ополченцев. В соответствии с Законом о милиции 1795 года указанные полномочия президента стали осуществляться на постоянной основе.

В связи с заговором Аарона Берна в конце 1806 года президент Томас Джефферсон попросил Конгресс принять закон, который дал бы ему право использовать войска внутри страны, т. к. Конституция таких полномочий не предоставляла. В 1807 году Конгрессом был принят Закон о мятеже, который может быть применен в случае массовых беспорядков, если правительство штата обратится за федеральной помощью для восстановления порядка. Он также может быть применен в определенных случаях нарушений федеральных законов. Кроме того, Закон о мятеже устанавливает, что президент может задействовать сухопутные или военно-морские силы для подавления мятежа.

Закон о мятеже неоднократно применялся на протяжении американской истории. Впервые он был использован в 1831 году Эндрю Джексоном для подавления восстания рабов под предводительством Ната Тернера. В то же время данный закон использовался не только для борьбы с антиправительственными выступлениями, но и для защиты прав американских граждан в различных кризисных ситуациях. Вскоре после Гражданской войны (1861–1865 годов) Конгресс принял положение, которое давало президенту

право применять этот закон без прямого разрешения штата, если этот штат не обеспечивал защиту конституционных прав своих граждан. Во время Реконструкции Конгресс внес в закон дополнительные поправки, разъясняющие, что в юрисдикцию военных входит обеспечение соблюдения новых конституционных поправок и любых связанных с ними законов, направленных на обеспечение их соблюдения. В частности, Закон о мятеже использовался федеральными властями для противодействия проявлениям расовой сегрегации, осуществляемой под покровительством властей отдельных, южных прежде всего, штатов. Так сопротивление попыткам добиться равного статуса для недавно освобожденных рабов привело к принятию Конгрессом Закона о гражданских правах 1871 года (также известного как «Закон о Ку-клукс-клане»), который, среди прочего, добавил новое положение о восстании, разрешающее президенту использовать сухопутные и военноморские силы для обеспечения соблюдения гражданских прав. Это право было использовано сразу же после вступления в силу закона, когда президент Улисс Грант издал прокламацию, привлекающую внимание к новому закону и заявляющую о своей готовности применить его в случае необходимости. Несколько месяцев спустя за этим последовала прокламация в соответствии с новым законом, приказывающая заговорщикам в девяти округах Южной Каролины разойтись в течение пяти дней и сдать свое огнестрельное оружие, боеприпасы и средства маскировки местным маршалам или военным офицерам, а вскоре после этого прокламация, приостанавливающая действие *habeas corpus*, как это разрешено разделом 4 закона. Для наведения порядка в штате президентом были направлены федеральные войска. Сотни подозреваемых членов Ку-клукс-клана были арестованы в течение следующих месяцев и предстали перед федеральным судом [3].

В контексте десегрегации Закон о мятеже вновь приобрел актуальность во время Движения за гражданские права в 1950-х и 1960-х годах. Статья 333 раздела 10 главы 13 Свода законов США обеспечивает реализацию Четырнадцатой поправки Конституции США, принятой по окончании Гражданской войны 9 июля 1868 года и гарантирующей равную защиту для всех граждан страны [4]. В данном случае для федерального вмешательства не требуется запрос или даже разрешение губернатора соответствующего штата. Это положение не применялось достаточно длительный период – с окончания Реконструкции до 1957 года, когда президент Дуайт Дэвид Эйзенхауэр приказал ввести подразделения 101-й воздушно-десантной дивизии в город Литл-Рок для обеспечения исполнения судебного постановления, разрешающего девяти чернокожим ученикам посещать среднюю школу для белых. Причем накануне губернатор штата приказал военнослужащим Национальной гвардии оцепить здание школы для воспрепятствования исполнению судебного постановления. Однако на основании статей 332 и 333 Раздела 10 Свода законов США президент подчинил себе Национальную гвардию Арканзаса. Таким образом, федерализовав Национальную

гвардию штата, президент фактически лишил губернатора сил, которые несколькими днями ранее использовались им для обеспечения собственного взгляда на закон и порядок. Ввиду протестов белого населения города против судебного решения, чернокожих школьников по пути на учебу и домой сопровождали военнотружущие армии США.

Президенты Джон Кеннеди и Линдон Джонсон последовали примеру Литл-Рока, чтобы справиться с сопротивлением десегрегации, предписанной судом, в ряде южных штатов. В 1962 году, после того как губернатор Миссисипи попытался помешать чернокожему студенту Джеймсу Х. Мередиту поступить в Университет Миссисипи в Оксфорде, президент Джон Кеннеди попытался обеспечить исполнение судебного постановления с помощью федеральных маршалов. Когда маршалы столкнулись с сопротивлением со стороны властей штата, а позже и с бунтующей толпой, Джон Кеннеди федерализировал Национальную гвардию Миссисипи и приказал действующим армейским войскам, уже собравшимся в этом районе, принять меры по поддержанию правопорядка. В прокламации президента о подавлении гражданских беспорядков были названы губернатор и другие должностные лица штата как формирующие незаконные собрания, препятствующие исполнению судебного постановления, сославшись на статьи 332, 333 и 316 Титула 10. Президент Джон Кеннеди дважды в 1963 году следовал аналогичному курсу действий, чтобы противостоять сопротивлению штата, предписанной судом десегрегации в Алабаме. Президент Линдон Джонсон сослался на то же полномочие в 1965 году, чтобы направить войска в составе подразделений регулярной армии и федерализированной Национальной гвардии в Алабаму для защиты маршей за гражданские права из Сельмы (штат Алабама) до Монтгомери.

Таким образом, несмотря на декларируемую американским обществом и государством идею о приоритете прав человека, федеральному правительству на протяжении истории США неоднократно приходилось прибегать к применению вооруженной силы для обеспечения конституционных прав человека и гражданина. При этом данная практика продолжает иметь место и в современных условиях. В частности, это касается решений президента Дональда Трампа, принятых в 2025 году, о применении Закона о мятеже с привлечением военнотружущих Национальной гвардии и федеральных войск для обеспечения правопорядка и общественной безопасности в нескольких штатах США [1].

Библиографический список

1. Сергеев О. Военно-полицейская операция Трампа приближает хаос в Америке // Фонд стратегической культуры. 2025. 6 октября. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2025/10/06/voenno-policeyskayaoperaciya-trampa-priblizhaet-khaos-v-amerike.html> (дата обращения: 27.09.2025).

2. Title 10, United States Code Armed Forces. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CPRT-112HPRT67342/pdf/CPRT-112HPRT67342.pdf> (дата обращения: 27.09.2025).

3. The Posse Comitatus Act and Related Matters: The Use of the Military to Execute Civilian Law. Congressional Research Service R42659. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 27.09.2025).

4. 14th Amendment. U.S. Constitution // The Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiv> (дата обращения: 27.09.2025).

© Амиров Р. З., 2025

УДК 343.1

Антонова А. И. – адъюнкт адъюнктуры
Уфимского ЮИ МВД России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЛИЯНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые влияния уровня и содержания профессионального правосознания следователей и дознавателей на фактическую реализацию конституционного права на защиту в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Анализируются ключевые компоненты правосознания правоприменителя, а также его основные деформации, такие как обвинительный уклон, правовой формализм и нигилизм. Автор устанавливает прямую причинно-следственную связь между внутренними ценностными и психологическими установками сотрудников органов предварительного расследования и систематическими нарушениями процессуальных гарантий личности. В заключении предлагаются пути минимизации негативного влияния деформированного правосознания на правоприменительную практику.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, право на защиту, предварительное расследование, обвинительный уклон, профессиональная деформация, следователь, дознаватель, гарантии прав личности, уголовный процесс, презумпция невиновности.

Abstract. The article examines some of the effects of the level and content of professional legal awareness of investigators and interrogators on the actual implementation of the constitutional right to protection in the pre-trial stages of criminal proceedings. The key components of the law enforcement officer's legal

consciousness are analyzed, as well as its main deformations, such as accusatory bias, legal formalism and nihilism. The author establishes a direct causal relationship between the internal values and psychological attitudes of the staff of the preliminary investigation bodies and systematic violations of the procedural guarantees of the individual. The conclusion suggests ways to minimize the negative impact of a distorted legal awareness on law enforcement practice.

Keywords: professional legal awareness, right to defense, preliminary investigation, accusatory bias, professional deformation, investigator, inquirer, guarantees of individual rights, criminal procedure, presumption of innocence.

Стадия предварительного расследования в уголовном процессе России традиционно характеризуется как наиболее уязвимая для прав и законных интересов личности. Именно на этом этапе закладывается доказательственная база по делу, формируется правовая позиция обвинения и правовая позиция защиты, именно здесь лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, в наибольшей степени нуждается в эффективных механизмах защиты. Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляют широкий спектр гарантий права на защиту, однако их формальное наличие в законе не всегда тождественно фактической реализации.

Разрыв между «de jure and facto» состоянием защищенности личности во многом определяется не столько несовершенством законодательства, сколько качеством профессионального правосознания субъектов, ведущих расследование [1, с. 2–4]. Внутренний мир следователя и дознавателя как специфического правоприменителя, его ценности, установки и стереотипы выступают в роли невидимого, но мощного фильтра, через который преломляются нормы права.

Эффективность правовых норм, закрепляющих гарантии личности в уголовном судопроизводстве, не является абсолютной и в значительной степени опосредуется личностью применяющего право и закон в ходе предварительного расследования. Именно профессиональное правосознание сотрудника органа предварительного расследования выступает в качестве той призмы, через которую преломляются нормативные предписания, приобретая свое реальное, практическое воплощение. Данное правосознание представляет собой сложно-структурированный феномен [2, с. 345–348], в котором для целей нашего анализа целесообразно выделить три взаимосвязанных компонента.

1. Когнитивно-интеллектуальный компонент. Данный уровень правосознания составляет его рациональную основу и включает в себя совокупность формализованных знаний. Речь идет не только о знании конкретных статей УПК РФ, но и о глубоком понимании иерархии правовых норм, где конституционные принципы (в частности, ст. 48–51 Конституции Рос-

сийской Федерации [3]) занимают главенствующее положение. К когнитивному компоненту относится также знание разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, формирующих принципиальное толкование института права на защиту [4, С. 992].

Однако критически важно понимать, что простое наличие знаний, их формальное усвоение не гарантирует правомерного и справедливого правоприменения. Поверхностное, формалистическое понимание, например, принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) приводит к его трактовке не как руководящего начала всего расследования, а как формального требования, относящегося лишь к стадии судебного разбирательства. Таким образом, дефицит не столько в объеме знаний, сколько в их глубине и системности, которые создают почву для образования противоречия между «духом» закона и его «буквой».

2. Аксиологический (ценностно-нормативный) компонент является ядром профессионального правосознания и отражает внутреннее, субъективное отношение следователя к праву, его принципам и институтам. Именно на аксиологическом уровне происходит трансформация объективной правовой нормы в личное убеждение. Ключевое значение имеет ценностный выбор, который делает для себя правоприменитель: воспринимается ли право на защиту как фундаментальная ценность правового государства, как неотъемлемый элемент справедливого правосудия и важнейшая гарантия от следственных и судебных ошибок, или же это право рассматривается лишь как процессуальная помеха, формальное препятствие, которое только затрудняет и замедляет процесс раскрытия преступления?

Ответ на этот вопрос напрямую предопределяет модель поведения следователя. В первом случае он будет видеть в адвокате не процессуального противника, а полноправного участника процесса, содействующего установлению истины. Во втором – он будет считать любые шаги защиты юридическими уловками, воспринимая любую активность стороны защиты как попытку «развалить дело» и увести виновного от юридической ответственности.

3. Психологический (эмоционально-волевой) компонент является практическим выражением первых двух и включает в себя сложившиеся психологические установки, профессиональные стереотипы, а также эмоциональное состояние и волевую готовность действовать определенным образом. На этом уровне проявляются последствия профессиональной деформации, вызванной такими факторами, как высокая служебная нагрузка, «палочная система» отчетности и постоянный стресс.

Эмоциональное выгорание и развивающийся на его почве профессиональный цинизм приводят к упрощению картины мира по принципу «мы – они» и к дегуманизации восприятия подозреваемого (обвиняемого). Он перестает быть личностью, наделенной правами, и превращается в «объект»

расследования, «материал», с которым нужно работать для достижения плановых показателей. В таком состоянии следователь психологически готов к игнорированию жалоб, применению методов психологического давления и восприятию процессуальных гарантий как ненужных формальностей, отнимающих время и ресурсы. Лишь неразрывное единство всех трех компонентов формирует целостную правовую культуру конкретного сотрудника. Именно эта культура, а не только текст закона, становится главным фактором, который в конечном итоге определяет, будут ли нормы о праве на защиту действующим инструментом правосудия или останутся лишь декларацией на бумаге.

Однако на практике эта целостность часто нарушается. Под воздействием системных и психологических факторов правовая культура сотрудников подвергается эрозии, что приводит к формированию устойчивых профессиональных деформаций правосознания.

Теоретическая модель профессионального правосознания, основанная на уважении к закону и признании прав личности высшей ценностью, на практике зачастую уступает место его деформированным формам. Они могут выражаться в переоценке профессионалами, в т. ч. юристами своих знаний, снижении самокритичности в отношении принимаемых решений, пренебрежении формальными требованиями закона, если они расходятся с их мнением, в угодничестве [5, с. 66]. Из-за влияния системных факторов, таких как ведомственная установка на количественные показатели раскрываемости («палочная система»), высокая служебная нагрузка и психологическое выгорание, у сотрудников органов предварительного расследования формируются устойчивые негативные установки.

Рассмотрим наиболее типичные и опасные виды профессиональной деформации и их прямое влияние на реализацию права на защиту.

Обвинительный уклон является наиболее распространенной и системной деформацией правосознания в досудебном производстве [6, с. 45–47]. Его сущность заключается в формировании у следователя (дознателя) заранее заданной установки, внутренней убежденности в виновности лица еще до сбора и анализа всей совокупности доказательств. Данная деформация фундаментально подменяет целевую ориентацию расследования: вместо всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ) его целью становится подтверждение первоначальной, обвинительной версии любыми доступными средствами.

Такая подмена цели расследования не остается лишь внутренним убеждением следователя (дознателя), она неизбежно проявляется в его практических действиях, нанося прямой ущерб фундаментальным принципам уголовного судопроизводства.

Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) из руководящего начала всего производства превращается в пустую декларацию. «De facto»

бремя доказывания перекладывается на сторону защиты, от которой требуют опровергнуть уже сформировавшуюся у следователя «внутреннюю убежденность».

К подозреваемому и обвиняемому относятся не как к невиновным, а как к лицам, чья вина лишь требует процессуального оформления.

Ходатайства защиты, направленные на сбор и приобщение доказательств, опровергающих версию обвинения (например, о допросе свидетелей, подтверждающих алиби; о проведении экспертиз, ставящих под сомнение выводы обвинения), систематически отклоняются. Часто используются формальные предлоги, такие как «не имеет отношения к делу» или «направлено на затягивание следствия», что является прямым нарушением права на представление доказательств. Процесс доказывания становится односторонним. Вопреки закону следователь концентрирует усилия исключительно на поиске и фиксации уличающих доказательств, игнорируя факты, которые не укладываются в его версию. Это приводит к созданию искусственно непротиворечивой, но неполной и необъективной доказательственной базы, которую стороне защиты крайне сложно оспорить в дальнейшем.

Правовой формализм выражается в фетишизации «буквы» закона при полном игнорировании его «духа», цели и назначения. Процессуальные гарантии и права личности воспринимаются следователем не как сущностные элементы справедливого правосудия, а как формальные процедуры, которые необходимо лишь грамотно зафиксировать в протоколах для создания видимости законности. Целью становится не обеспечение прав, а подготовка «процессуально безупречных» материалов дела, которые выдержат проверку со стороны надзирающего прокурора и суда.

Формализм часто проявляется в приглашении так называемого «карманного» или «дежурного» адвоката по назначению, который занимает пассивную, соглашательскую позицию и не создает реальных препятствий для следствия. Формально право на защитника соблюдено, но фактически защита является фиктивной, что нарушает принцип состязательности сторон [8, с. 112–115].

Права обвиняемому (подозреваемому) зачитываются скороговоркой, без реального удостоверения в том, что лицо поняло их содержание и правовые последствия отказа от их использования. В протоколе ставится подпись, подтверждающая разъяснение, что делает право иллюзорным, так как лицо не может принять осознанное решение.

Однако превращение права в иллюзию достигается не только через формальные уловки, рассчитанные на неосознанность лица. Нарушения могут носить и более прямой, деятельный характер, затрагивая саму возможность практической реализации защиты. Ключевым примером здесь является создание препятствий для конфиденциального общения с адвокатом. Следователь может ограничивать время беседы, проводить ее в условиях,

исключающих приватность, что подрывает адвокатскую тайну и доверительные отношения между защитником и его подзащитным.

Правовой нигилизм и цинизм являются наиболее радикальной формой искажения правосознания. В. И. Гойма подчеркивает, что правовой нигилизм есть в общественном или индивидуальном сознании устойчиво пренебрежительное или иное негативное отношение к праву [9, с. 3–7]. Она выражается в осознанном пренебрежении нормами права, в убежденности, что для достижения «общественно полезной» цели – раскрытия преступления и наказания виновного – допустимо использовать любые, в том числе, и незаконные методы. Закон и права личности воспринимаются как второстепенные, условные ценности, которыми можно пренебречь ради «результата любой ценой».

Применение психологического давления и манипуляций, выражающееся в уговорах отказаться от услуг адвоката («он тебе только навредит, признайся – получишь условный срок»), введении в заблуждение относительно имеющихся улик, угрозах, шантаже, создании ложной дилеммы для склонения к даче признательных показаний.

Применение незаконных методов ведения следственных действий: проведение многочасовых допросов без перерыва, в ночное время (в нарушение ст. 164 УПК РФ), проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий под видом процессуальных действий и т. д.

Прямая фальсификация доказательств наиболее опасное проявление нигилизма, подрывающее основы правосудия. Это может быть внесение в протоколы допросов сведений, которые свидетель или обвиняемый не сообщил, подбрасывание улик, сокрытие или уничтожение оправдательных доказательств. Такие действия не только нарушают право на защиту, но и являются должностными преступлениями.

Библиографический список

1. Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.

2. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М. Н. Марченко. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 345–348.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. М. : Проспект, 2021. 992 с.

5. Самигуллин В. К. Правосознание : корень добра и справедливости. 2-е изд., перераб. и испр. Уфа : Изд-во «Диалог», 2011. 180 с.

6. Воскобитова Л. А. Обвинительный уклон : теория и практика // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1195–1201.

7. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 150–158.

8. Кучерена А. Г. Адвокатура : учебник. М. : Юрист, 2006. С. 112–115.

9. Гойма В. И. Правовой нигилизм : пути преодоления // Советская юстиция. № 9. 1990. С. 3–7.

© Антонова А. И., 2025.

УДК 340

Асеев И. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России;

Каримов Р. Р. – доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук;

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ УГРОЗАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты борьбы правоохранительных органов Российской Федерации с террористическими угрозами нового уровня. Проведен анализ современных методов борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: правоохранительные органы, террористическая угроза, национальная безопасность, вооруженный конфликт.

Abstract. The article examines the legal aspects of the struggle of the law enforcement agencies of the Russian Federation against terrorist threats of a new level. The analysis of modern methods of combating terrorism is carried out.

Keywords: law enforcement agencies, terrorist threat, national security, armed conflict.

Террористическая угроза остается серьезным вызовом для безопасности Российской Федерации (далее – РФ). На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что террористические преступления в России значительно участились. Этот факт подтверждает и статистика: в России в 2024 году был зарегистрирован 1191 теракт против 410 в 2023 году. Число преступлений террористического характера также выросло с 2382 в 2023 году до 3714 в 2024 году. Число осужденных по делам о теракте (статья 205 Уголовного кодекса Российской Федерации) также выросло. Если в 2019–2023 годах их число колебалось от 14 до 43 (по основной статье), то в 2024 году – уже 75. В качестве дополнительной квалификации эта статья в 2019–2023 годах фигурировала в приговорах от 9 до 33 осужденных, а в 2024 году – у 57 [1].

Как правило, террористические акты являются частью спланированной кампании, нередко поддерживаемой прямо или косвенно некоторыми зарубежными государствами. Так, например, в октябре 2025 года Федеральной службой безопасности Российской Федерации предотвращен террористический акт, планировавшийся спецслужбами Украины в отношении высокопоставленного сотрудника МВД по Республике Крым. Задержан 19-летний житель города Симферополя, гражданин РФ, завербованный противником посредством мессенджера Telegram [2].

Терроризм представляет собой серьезную угрозу для национальной безопасности многих стран, включая Россию, которая активно сотрудничает с различными государствами в данном направлении. Эффективное противодействие терроризму возможно благодаря совместным усилиям различных стран, их спецслужб и правоохранительных органов. Однако такое сотрудничество может быть успешным только в том случае, если интересы государств в области борьбы с терроризмом совпадают [3, с. 155].

Терроризм преследует цель не только психологического воздействия на противника, но и его ослабление, причем террористическое нападение направлено в основном на население. Такая скрытая война является в определенной степени формой военного конфликта, которая, по нашему мнению, не должна признаваться таковой. Эта борьба направлена против военных, человеческих и материальных ресурсов с целью ослабить противника.

Формы терроризма в настоящее время разнообразны и многолики. Необходимо отделять терроризм от других угроз. Таковыми являются формы внутригосударственной и межгосударственной угрозы. Таким образом, терроризм и борьба с ним стали одним из проблемных вопросов правоохранительных органов РФ в деле обеспечения внутренней безопасности.

Следует отметить, что в России принят ряд нормативных правовых актов, направленных на противодействие терроризму. Среди них можно выделить следующие:

– Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

– Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

– Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года);

– Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610).

В условиях проведения РФ специальной военной операции наблюдается тенденция к росту терроризма, и, таким образом, борьбу с ним можно называть «войной». Часто тяжесть и виды совершенных насильственных акций мало отличаются от военных действий (нападение с воздуха, сотни пострадавших, огромный материальный ущерб).

Новая форма угрозы терроризма требует принятия ответных мер. Необходимо выработать концепцию и обозначить ее контуры с тем, чтобы можно было сделать вывод о качественных характеристиках нового уровня терроризма. Известно, что термин «война» имеет отношение к вооруженным конфликтам, однако после второй мировой войны появившийся тогда термин «холодной войны» использовался также для обозначения резкой конфронтации государств, но без применения оружия. Вместе с тем в общепринятом понимании применение организованной силы, насилия для реализации политических целей является важным, существенным признаком «войны». Применение силы в ходе вооруженного конфликта принципиально отличается от применения силы в сфере обеспечения внутренней безопасности, например, силами полиции, которая может использовать ее в виде исключения только тогда, когда нет других соответствующих средств для предупреждения преступления.

Терроризм со стадии борьбы с ним как с насильственной преступностью перешел в качественно новую стадию и при определенных условиях может приобрести качество вооруженного конфликта с вытекающими из этого широкомасштабными последствиями. Необходимо выработать критерии, которые позволят провести разграничительную черту между новыми видами террора, такими, как вооруженное нападение и иными формами террора.

В сущности, терроризм – это политическая стратегия, преследующая цель воздействовать на процесс принятия политических решений. Возможно определить степень интенсивности действий террористов с тем, чтобы из многих форм террора и борьбы с терроризмом выделить один, которому в большей степени подходит характеристика вооруженного конфликта. Если действия террористов направлены преимущественно на достижение легитимных целей, даже если в них прослеживается некое участие в относительно крупной акции, то это является сферой компетенции правоохранительных органов, которые должны обеспечивать безопасность и принимать соответствующие меры. Если же террористические акты направ-

лены против основ государства, например, против территориальной независимости, с использованием военной силы, средств и методов, тогда требуются уже не только полицейские средства и методы борьбы с террором, но и военные. В этой связи мы можем согласиться с мнением профессора С. А. Модестова, который отметил, что «в руководящих документах по стратегическим действиям ВС РФ должен быть учтен принципиальный переход противника к террористической деятельности (в том числе и при поддержке введенного им в заблуждение населения) ...» [4, с. 57].

Современные разведывательные технологии, такие как GPS и системы спутникового мониторинга обеспечивают эффективное наблюдение за движениями подозрительных групп или лиц. Это позволяет службам безопасности не только осуществлять мониторинг, но и применять тактику «превентивного удара». Большая точность в определении местоположения и вовремя собранная информация значительно повышают вероятность успешных операций по нейтрализации террористов [5].

Новой чертой террора может стать использование оружия массового уничтожения, что вполне возможно. Терроризм выйдет за рамки конвенционального уровня, достигнув наивысшей стадии вооруженного конфликта.

Выбор конкретных средств для отражения террора и борьбы с ним связан с квалификацией актов как вооруженного нападения согласно статье 51 Устава Организации Объединенных Наций [6].

Таким образом, новые качественные характеристики терроризма возможно квалифицировать как вооруженный конфликт, что определяет специфику актуальных мероприятий, направленных на предупреждение терактов и борьбы с ними адекватными мерами. Отличительной чертой современного терроризма является то, что стало возможным применение вооруженной силы, т. е. с противником можно бороться с помощью военной силы с соблюдением правовых ограничений. В настоящее время для терроризма характерны признаки не только общеуголовных преступлений, но и преступлений, относящихся к категории военных. Терроризм, достигший нового качества, с учетом вышеперечисленных критериев, следует характеризовать как вооруженный конфликт, который отличается от обычного терроризма размером применяемой военной силы.

Новая качественная характеристика терроризма как вооруженного конфликта означает, что к подобного рода террористическим организациям, а также отдельным террористам могут применяться средства и методы, используемые в ходе войны.

В перспективе возможно использование правоохранительными органами военных элементов ведения борьбы с терроризмом, что безусловно повлияет на организацию структур, выбор тактики, снаряжения и вооружений.

Перспективы борьбы с терроризмом следует рассматривать как современную тенденцию, но сам феномен терроризма не является новым. Это вполне может быть примером взаимодействия гражданских и воинских вла-

стей в случае войны и/или вооруженного конфликта, где с милитаризованным противником ведется борьба вооруженными силами, с одной стороны; с другой стороны, выявляются действующие в подполье противоборствующие силы (например, силы врага, занимающиеся шпионажем и саботажем) средствами полиции.

Если же данный терроризм рассматривать как одну из форм проявления вооруженного конфликта, то в этом случае его участников и их действия, также как и принятие соответствующих контрмер, следует поставить в один ряд с уже имеющимися понятиями и нормами, требующими лишь незначительной корректировки.

Защита государственных учреждений и не только их, ввиду нового качества террористической угрозы возможно обусловит и выдвижение требований, как-то: усиление личного состава правоохранительных органов (включая их спецподразделения), изменение структуры их деятельности, обеспечение техническими средствами. Можно предположить, что могут быть задействованы стратегические разведывательные ресурсы с тем, чтобы правильно и своевременно собрать интересующую информацию, ее проанализировать и суметь своевременно предоставить заинтересованным структурам. В настоящее время исчезли традиционные границы между такими категориями как внутренняя и внешняя безопасность, дальнейшее стирание этих границ, по существу, приводит к тому, что именно критическая информация либо не воспринимается, либо теряется.

И, наконец, требует осознания тот факт, что борьба с террористической угрозой, достигшей определенной степени интенсивности, должна вестись скорее по правилам вооруженного конфликта, чем по правилам поддержания внутренней безопасности.

С точки зрения общей военной подготовки новая угроза требует распространения знаний о том, что работа правоохранительных органов в будущем все больше будет считаться работой с использованием военных методов.

Необходимо объединение усилий по дальнейшему расширению военных мер самозащиты, направленных на борьбу с преступными акциями и проявить готовность бороться с такими формами насилия, размер и содержание которых, собственно говоря, следует оценивать как военную угрозу, даже если она исходит не только от террористической организации, но и отдельного преступника.

Представляется целесообразным направить усилия на то, чтобы в полной мере осознать проблему безопасности в соответствии с новым уровнем терроризма.

Библиографический список

1. Как выросло в России число зарегистрированных терактов // Интернет-портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3?ysclid=mhbfpqwuy8949871154> (дата обращения: 28.10.2025).

2. ФСБ России предотвращен теракт в Республике Крым // Официальный сайт ФСБ России. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440443%40fsbMessage.html> (дата обращения: 28.10.2025).

3. Каримов Р. Р., Асеев И. А. Некоторые проблемы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина». 2021. № 1. С. 152–156.

4. Модестов С. А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 52–59.

5. Противодействие терроризму и экстремизму // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1848368/ (дата обращения: 28.10.2025).

6. Устав ООН. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Асеев И. А., 2025

© Каримов Р. Р., 2025

© Каримова Г. Ю., 2025

УДК 342.715 (470)

Белявская Р. Р. – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию выдворения иностранных граждан из Российской Федерации в рамках соблюдения прав человека. В центре внимания находятся как правовые, так и этические аспекты административного наказания. Актуальность проблемы защиты прав человека в процессе административного выдворения обусловлена необходимостью обеспечения баланса между интересами государства и правами индивида. Статья посвящена рассмотрению основных аспектов соблюдения прав иностранных граждан при административном выдворении, включая соблюдение процедурных норм, право на справедливое судебное разбирательство и защиту от произвольного задержания.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, административное наказание, выдворение, центр временного содержания.

Abstract. This article is devoted to the study of the expulsion of foreign citizens from the Russian Federation in the framework of respect for human rights. The focus is on both the legal and ethical aspects of administrative punishment. The urgency of the problem of human rights protection in the process of administrative expulsion is determined by the need to ensure a balance between the interests of the State and the rights of the individual. The article examines the main aspects of the observance of the rights of foreign citizens during administrative expulsion, including compliance with procedural rules, the right to a fair trial and protection from arbitrary detention.

Keywords: foreign citizen, stateless person, administrative punishment, expulsion, temporary detention center.

Проблематика соблюдения прав человека в рамках процедуры административного выдворения иностранных граждан становится все более актуальной ввиду роста числа мигрантов и ужесточения мер миграционной политики государства. Помимо живущих в нашей стране граждан – представителей различных национальностей на территорию Российской Федерации ежегодно въезжает огромное количество иностранных граждан со всех частей света [1, с. 288–293]. Наряду с интенсивным притоком иностранных граждан в Российскую Федерацию наблюдается значительный отток населения из страны, включая случаи принудительного выезда по инициативе государственных органов. Согласно документу главы МВД Владимира Колокольцева, проведено более 300 тысяч проверок, результатом комплексного подхода стало увеличение более чем в 2,5 раза количества лиц, выявленных и депортированных за пределы Российской Федерации [2].

Процедура административного выдворения нуждается в особом внимании к исполнению правовых норм и обеспечению уважения прав лиц, подвергшихся данному виду наказания. Настоящая статья направлена на изучение и анализ положений российского законодательства, регламентирующих процедуру административного выдворения иностранцев, выявление возможных нарушений прав человека, возникающих в ходе данного процесса, а также рассмотрение перспектив улучшения сложившейся ситуации.

Для понимания сути проблемы необходимо разобраться в природе определения терминологии выдворения.

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, одной из основных задач миграционной политики, проводимой государством, является совершенствование механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресе-

чения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции [3].

В соответствии со ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) под административным выдворением за пределы Российской Федерации иностранного гражданина и лиц без гражданства понимается «принудительное и контролируемое перемещение указанных граждан и лиц через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – контролируемом самостоятельном выезде иностранного гражданина и лиц без гражданства из Российской Федерации» [4].

При назначении иностранному гражданину или лицу без гражданства административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации суд может принять решение о помещении таких лиц в специальное учреждение, предусмотренное Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5]. По действующим до 5 февраля 2025 года нормам, административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации как мера административного наказания могла назначаться исключительно судьей. Теперь административное наказание в виде выдворения смогут назначать и сотрудники МВД России. Принимать решения о выдворении смогут начальники и заместители глав территориальных органов, руководители структурных подразделений по вопросам миграции территориальных органов и их заместители, руководители структурных подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД.

Основной смысл и назначение процедуры выдворения заключаются в обеспечении соблюдения миграционного законодательства и защите национальных интересов государства. Данная процедура направлена на предотвращение нарушений закона, создание условий для поддержания общественного порядка и безопасности интересов государства Российской Федерации.

Можно выделить основные цели выдворения:

1. Обеспечение законности. Выдворение применяется в качестве меры ответственности за нарушение правил въезда, пребывания или проживания на территории Российской Федерации.
2. Защита общественных интересов. Предупреждение совершения противоправных деяний, поддержание общественной безопасности и стабильности.

3. Исполнение судебных решений. Исполнение постановлений об административном выдворении иностранных граждан, вынесенных должностными лицами пограничного органа, производится путем:

- официальной передачи иностранного гражданина представителю государства, на территорию которого данное лицо выдворяется;
- контролируемого самостоятельного выезда иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению, из пункта пропуска через государственную границу России на территорию государства, откуда он прибыл в Россию, либо в государство, гражданином которого данное лицо является.

Административное наказание в виде выдворения назначается за следующие виды административных правонарушений:

- нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию или режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ);
- незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации (ст. 18.10 КоАП РФ);
- предписание ложных сведений при осуществлении миграционного учета (ст. 19.27 КоАП РФ) и пр.

Процедура административного выдворения регламентируется КоАП РФ. Процесс начинается с привлечения иностранного гражданина или лица без гражданства к административной ответственности. Суд принимает решение о выдворении на основании материалов дела об административном правонарушении. Если решение суда предполагает самостоятельный выезд, нарушителю предоставляется пять дней на отъезд за пределы Российской Федерации. Факт пересечения границы фиксируется в специальном сервисе. Несоблюдение сроков добровольного выдворения влечет административную ответственность и переход к принудительному порядку.

Преимущества добровольного выдворения:

- минимизация затрат государства на обеспечение процесса;
- сохранение возможности в будущем ходатайствовать о снятии запрета на въезд (если соблюдены установленные сроки).

Когда определено принудительное выдворение, иностранного гражданина или лицо без гражданства помещают в спецучреждение МВД (Центр временного содержания иностранных граждан). Содержание под стражей может продолжаться до 90 суток, в исключительных случаях – даже дольше. Когда процедура определена, миграционные органы сопровождают иностранного гражданина до границы. В этом случае затраты на выдворение оплачивает либо российское государство, либо организация, которая признана ответственной за незаконное приглашение данного лица.

Последствием принудительного выдворения часто становится запрет на въезд в Россию на длительный срок (до 10 лет). Выбор формы выдворения влияет на дальнейшие права и обязанности иностранного гражданина, а также расходы государства на проведение соответствующей процедуры. Но даже самое точное регулирование порождает ряд практических трудностей, связанных с соблюдением прав иностранного гражданина. Например, такими как нарушение права на достоинство личности, право на свободу передвижения и возможность реализации права на защиту.

В процессе выдворения иностранные граждане часто подвергаются психологическому давлению. Тем самым нарушается один из важнейших принципов международного права – это уважение человеческого достоинства. Например, принудительная форма выдворения предполагает задержание и помещение в центры временного содержания. Данные процедуры могут негативно сказываться на психическом здоровье и благополучии выдворяемых лиц [6].

Информирование о причинах и основаниях выдворения, а также разъяснения относительно возможных последствий и процедур обжалования являются важными элементами соблюдения принципа уважения человеческого достоинства. При этом согласно ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Целью административной ответственности не может являться унижение чести и достоинства гражданина, совершившего административное правонарушение, либо нанесение ему физических страданий. Сотрудники правоохранительных органов обязаны действовать профессионально и уважительно.

Выдворение как вид административного наказания неизбежно нарушает право на свободное передвижение, так как эта мера представляет собой форму ограничения, гарантированного Конституцией права на свободу и личную неприкосновенность. Суд должен выносить свое решение исходя из тщательного и непредвзятого анализа всех относящихся к делу факторов. Среди значимых факторов следует учитывать вид совершенного административным правонарушением деяния, поведение нарушителя, срок проживания на территории России, наличие постоянного места жительства, семейное положение, состояние здоровья и прочие обстоятельства. Эти меры применяются государственными органами в целях защиты общественного порядка, национальной безопасности и соблюдения миграционного законодательства. В стандартной судебной практике распространены три срока:

- 1) при первом нарушении – на три года;
- 2) при повторных нарушениях – на пять лет;
- 3) при самых тяжелых нарушениях закона – на десять лет.

Срок выдворения отсчитывается не с момента постановления суда, а с даты фактического выезда за пределы России. После выдворения иностранным гражданам запрещается въезжать в Россию, что серьезно влияет на свободу перемещения.

Нормы закона, определяющие порядок выдворения, нередко характеризуются неопределенностью, усложняя иностранным гражданам осознание их прав и обязанностей. Одной из главных проблем является невозможность большинства иностранных граждан получать необходимые юридические консультации и адвокатские услуги. Создание специализированных организаций, предоставляющих бесплатные юридические консультации, существенно сократит количество нарушений прав граждан. Система бесплатного представительства для нуждающихся категорий иностранных граждан, столкнувшихся с угрозой выдворения, поможет в защите нарушенных прав.

Административное выдворение следует применять лишь тогда, когда оно выступает единственной необходимой мерой для соблюдения баланса общественных и индивидуальных интересов при рассмотрении дел соответствующей категории, принимая во внимание перечисленные критерии: тяжесть и характер проступка; длительность нахождения на территории страны; прошедший период времени после нарушения и поведение лица за указанный промежуток; гражданство вовлеченных сторон; семейные обстоятельства субъекта, продолжительность брачных отношений и прочие значимые факторы. Лишь посредством комплексного подхода возможно гарантировать защиту конституционных прав и свобод иностранных граждан в ходе осуществления административного выдворения.

Рассматриваемые инициативы являются одним из способов преодоления трудностей, возникающих при нарушении прав иностранцев при выдворении.

Необходимо отметить, что процедура выдворения должна проводиться строго в рамках Конституции Российской Федерации и международно-правовых норм, соблюдая баланс между государственными интересами и правами конкретных индивидов. Эффективное функционирование института выдворения предполагает постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, повышение уровня квалификации сотрудников правоохранительных органов и судебной системы, а также развитие общественных институтов, занимающихся мониторингом соблюдения прав иностранных граждан. Формирование грамотно функционирующей процедуры выдворения иностранных граждан является важной задачей для нашего государства, учитывая, как внутренние, так и международные политические аспекты.

Библиографический список

1. Никитин Н. В. Некоторые аспекты массового выдворения иностранных граждан // Закон и право. 2024. № 1. URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-1-288-293> (дата обращения: 13.10.2025).

2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации, Генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании Совета Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/document/36732316> (дата обращения: 13.10.2025).

3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 г.) : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Административное выдворение иностранных граждан из России : как 100 % избежать в 2025 г. URL: <https://vc.ru/migration/2140093-kak-izbezhat-administrativnogo-vydvoreniya-iz-rossii-v-2025-godu> (дата обращения: 13.10.2025).

© Белявская Р. Р., 2025

УДК 340.131.4:616-051(47) «195»

Бондаренко Ю. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье освещаются отдельные организационно-правовые аспекты реализации политики советского государства по восстановлению законности правопорядка в период хрущевской «оттепели».

Ключевые слова: социалистическая законность, Л. П. Берия, Особое совещание, дело врачей, Н. С. Хрущев, XX съезд КПСС.

Abstract. The article highlights certain organizational and legal aspects of the implementation of the policy of the Soviet state to restore the rule of law during the Khrushchev «thaw».

Keywords: socialist legality, L. P. Beria, Special Conference, the case of doctors, N. S. Khrushchev, XX Congress of the CPSU.

После смерти И. В. Сталина внутреннюю политику советского государства характеризовало стремление руководства страны сохранить преемственность социально-политического курса с одной стороны, с другой – понимание необходимости смягчения репрессивной политики, угрожавшей положению самой государственно-партийной номенклатуры.

Осуществленный передел власти 6 марта 1953 года позволил занять руководящие посты в государстве Г. М. Маленкову, объединившему в своих руках пост Председателя Совета министров и Первого секретаря ЦК КПСС, и его четырем заместителям – Л. П. Берии, В. М. Молотову, Н. А. Булганину и Л. М. Кагановичу, но уже 14 марта пост главы Секретариата ЦК был передан Н. С. Хрущеву.

Став первым заместителем Г. М. Маленкова Л. П. Берия одновременно занял пост министра внутренних дел, объединив 5 марта 1953 года Министерства внутренних дел СССР (далее – МВД СССР) и Министерство Государственной Безопасности СССР (далее – МГБ СССР) в единое ведомство. Объединение двух силовых ведомств под единым началом предоставляло Л. П. Берии на этом посту огромные полномочия.

С первых же дней прихода к власти Л. П. Берия выступает с рядом инициатив, представивших всесильного главу МВД СССР в «новом амплуа». Можно лишь предполагать об истинных мотивах предпринятых им шагов, но несомненно, что они положили начало изменению внутриполитического курса советского государства.

24 марта 1953 года Л. П. Берия направил записку в президиум ЦК КПСС с предложением принять Указ Президиума Вооруженные силы СССР об амнистии для достаточно широкой категории осужденных. Амнистия, объявленная 27 марта Верховным Советом СССР, стала первым шагом нового руководства, демонстрирующим намерение отступить от прежней политики. На свободу вышли 1 181 264 человек, среди них – значительное число уголовников, что резко обострило криминогенную обстановку. Амнистия в то же время не коснулась большей части осужденных по политическим статьям, предусматривавшим существенно более длительные сроки лишения свободы.

4 апреля 1953 года Л. П. Берия подписал приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», в котором предписывалось «ликвидировать в Лефортовской и Внутренней тюрьмах организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить» [1, с. 246–247].

В тот же день по инициативе Л. П. Берии было положено начало пересмотру результатов политических процессов: 4 апреля 1953 года в газете «Правда» было опубликовано сообщение МВД СССР о результатах осуществленной проверки материалов предварительного следствия по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства. Проверка показала, что обвинения были ложными, основанными на показаниях арестованных, полученных работниками следственной части бывшего МГБ «путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия» [2]. На основании заключения следственной комиссии МВД арест привлеченных по этому делу фигурантов бывшим МГБ СССР был признан незаконным, привлеченные по этому делу были полностью реабилитированы и освобождены из-под стражи.

Последовавшим вскоре Постановлением ЦК КПСС органы госбезопасности были обвинены в недопустимых превышениях полномочий и массовых нарушениях законности. Непосредственно вина за дело врачей была возложена на М. Д. Рюмина и В. Д. Игнатъева. Дело по обвинению М. Д. Рюмина было рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Итоги судебного процесса, проходившего с 2 по 7 июля 1954 года, стали достоянием общественности, получив освещение в печати: «Судебным следствием установлено, что М. Д. Рюмин в период его работы в должности старшего следователя, а затем и начальника следственной части по особо важным делам бывш. Министерства государственной безопасности, действуя как скрытый враг советского государства, в карьеристских и авантюристических целях встал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины...» [3; 4, с. 72–75]. Суд признал его виновным и приговорил к высшей мере наказания – расстрелу.

5 апреля 1953 года решением ЦК КПСС был освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС С. Д. Игнатъев ввиду «допущенных т. С. Д. Игнатъевым серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР».

Стремясь переложить вину за допущенные массовые нарушения законна исключительно на плечи госбезопасности и выступая поборником «социалистической законности», Л. П. Берия одновременно наносил удар и по своим политическим оппонентам, стремясь укрепить свою власть и продвигая с этой целью необходимые креатуры как в центре, так и на местах.

Опасаясь растущего влияния Л. П. Берии, партийной верхушкой при непосредственной поддержке военного руководства 26 июня 1953 года был тайно инициирован и осуществлен его арест. 29 июня Президиумом Верховного совета СССР было принято постановление «Об организации следствия

по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». На июльском Пленуме ЦК КПСС Л. П. Берия был выведен из состава ЦК КПСС и исключен из Коммунистической партии, а затем снят со всех государственных постов.

По итогам организованного следствия по делу Л. П. Берии, длившегося 6 месяцев, под руководством Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко 23 декабря 1953 года состоялся судебный процесс в «лучших традициях» политических процессов сталинской эпохи. Обвинительным приговор Специального Присутствия Верховного Суда СССР приговорил Л. П. Берию к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор обжалованию не подлежал. Французский историк и советолог Николя Верт в своей оценке данных событий писал, что могущество госбезопасности не оставляло противникам Берии иного выхода, кроме заговора и немедленной его казни, которая позволяла предотвратить возможную попытку его сторонников организовать контрзаговор [5, с. 380].

7 сентября 1953 года по предложению Г. М. Маленкова Пленумом ЦК КПСС на пост Первого секретаря ЦК КПСС был избран Н. С. Хрущев. Период его правления символично вошел в историю как время «оттепели».

Вслед за устранением Л. П. Берии последовал ряд серьезных изменений в руководимом им ранее правоохранительном ведомстве. 8 февраля 1954 года Президиум ЦК КПСС принял решение о выделении структур органов госбезопасности из МВД в самостоятельное ведомство. Официально необходимость данных реорганизационных мер объяснялась стремлением преобразовать громоздкую структуру МВД, освободив его от ряда функций. Но не в меньшей степени это решение было предопределено и опасением советского руководства в сохранении потенциальной угрозы единства столь могущественного ведомства. Назначенный его председателем генерал-полковник И. А. Серов уже являлся креатурой Н. С. Хрущева. 13 марта 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР из состава МВД был выведен в качестве самостоятельного ведомства союзно-республиканский орган государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности (далее – КГБ) при Совете Министров СССР, деятельность которого была поставлена под строгий контроль прокуратуры.

Ряд реорганизационных мер был осуществлен еще ранее. 1 сентября 1953 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел СССР – орган внесудебной репрессии 1930-х – 1940-х годов.

В целях выявления случаев необоснованного осуждения граждан и последующей их реабилитации была образована комиссия во главе с Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко. Комиссии было поручено тщательно проверить законность каждого обвинительного постановления, выне-

сенного Особым совещанием за период с июня 1945 года по день его упразднения. В случае обнаружения фактов нарушений закона соответствующие постановления Особого совещания должны были быть представлены на рассмотрение Верховного Суда СССР для вынесения решений об их отмене.

В докладной записке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко на имя Н. С. Хрущева о пересмотре дел в отношении лиц, осужденных Особым совещанием в 1934–1953 годов приводились цифры, согласно которым за это время Особым совещанием было осуждено 442 531 человек, в том числе к высшей мере наказания привлечены 10 101 человек. Признавалась и осуждалась практика недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР, вскрывались недостатки предварительного следствия и грубейшие нарушения советских законов в виду того, что рассмотрение дел на Особом совещании проходило в отсутствие обвиняемых и свидетелей. Имели место повторные аресты и предъявление обвинений лицам, осужденным ранее за государственные преступления и уже отбывшим наказание. После завершения работы комиссии в разговоре с Н. С. Хрущевым Р. А. Руденко отмечал, что «...с точки зрения юридических норм никаких данных для осуждения этих людей не существовало. Все основывалось только на личных признаниях, а личные признания, добытые путем физических и моральных истязаний, не могут служить базой для осуждения людей» [6, с. 319].

Р. А. Руденко было также поручено возглавить работу над подготовкой нового Положения о прокурорском надзоре в СССР. Положение было утверждено Президиумом Верховного Совета СССР 24 мая 1955 года. Согласно Положению, на всех прокуроров возлагалась обязанность внимательно следить за тем, чтобы ни один гражданин не был незаконно привлечен к уголовной ответственности. Прокуратура в контроле за точным соблюдением законов формально становилась независимой от местной партийной и советской администрации. Полномочия Прокуратуры и Генерального Прокурора СССР были расширены.

Наиболее зримым в повороте внутривластного курса периода «оттепели» стал XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 года. Выступив с разоблачительным докладом «О культуре личности и его последствиях» Н. С. Хрущев не только положил начало процессу десталинизации и последующей реабилитации жертв сталинских репрессий, но одновременно породил и вполне обоснованные опасения среди тех партработников, кто мог быть так или иначе причастен к реализации сталинской политики и кого могли в последующем затронуть аналогичные разоблачения. 30 июня 1956 года члены ЦК КПСС приняли постановление «О преодолении культа личности и его последствий», существенно смягчившего риторику доклада Н. С. Хрущева. В постановлении ЦК КПСС преступления И. В. Сталина были расценены как «некоторые ограничения внутривластной и советской

демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». Столь сдержанная формулировка отражала вполне естественное стремление партийного руководства оградить авторитет и единство партии от разрушительных сомнений и признания возможных ошибок отдельных руководителей, и не допустить умаления значения достижений партии как движущей силы в деле социалистического строительства. В разрешении противоречий между великими целями и методами их достижения все было сведено к ошибкам И. В. Сталина.

Сложное и неоднозначное наследие сталинской эпохи, сопряженное с осознанием руководством причастности к массовым нарушениям законности прошлых лет, не позволило сдержать последующее нарастание консервативных настроений, обуславливая непоследовательность и ограниченность мер по развитию либерализации общественно-политической жизни советского общества. Содержание и масштаб мероприятий по восстановлению социалистической законности и правопорядка определялись интересами партии в сохранении и укреплении ее руководящего положения в жизни общества. Вместе с тем было положено начало постепенному признанию законности как самостоятельной правовой ценности и отходу от противопоставления ее целесообразности.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1299. Л. 246–247.
2. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апреля. № 80 (9236).
3. Докладная записка министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву о пересмотре дел в отношении лиц, осужденных Особым совещанием в 1934–1953 годов. Декабрь, 1953 год // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 33. Л. 1–5.
4. Реабилитация : как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 72–75.
5. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1996. 544 с.
6. Крашенинников П. В. На пути к сверхдержаве. Государство и право во времена войны и мира (1939–1953). М., 2025. 400 с.

© Бондаренко Ю. В., 2025

Гайдин А. И. – начальник кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Морин А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ВИНОВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются обязательства вследствие причинения вреда виновными действиями сотрудников органов внутренних дел. Авторы на основе анализа научной литературы, действующего законодательства и судебной практики рассматривают общие и специальные условия, при которых наступает обязанность возместить вред.

Ключевые слова: деликтные обязательства, обязательства вследствие причинения вреда, возмещение вреда, регрессные требования.

Abstract. This article examines liabilities arising from harm caused by the culpable actions of law enforcement officers. Based on an analysis of scientific literature, current legislation, and judicial practice, the authors examine the general and specific conditions under which the obligation to compensate for harm arises.

Keywords: tortious liabilities, liabilities arising from harm, compensation for harm, recourse claims.

Суть обязательств вследствие причинения вреда или деликтных обязательств в том, что они возникают в силу закона из самого факта нарушения охраняемого законом чужого субъективного права (причинения вреда личности или его нематериальным благам, уничтожения или повреждения имущества физического или юридического лица), когда лица не состоят ни в каких правоотношениях, либо хотя и состоят (в договорных), но вред явился следствием нарушения не конкретной своей обязанности в данном правоотношении, а общего запрета посягать на права и законные интересы других лиц, т. е. на абсолютные субъективные права [1]. Выполняя охранительную и одновременно компенсационную функцию, они призваны служить целям защиты и восстановления нарушенного права.

Результаты анализа главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывают на то, что в обязательствах вследствие причинения вреда «сталкиваются» две противоположные презумпции: общая (всякий вред, возникающий из поведения, противоправен и подлежит возмещению) и специальная (согласно которой всякий вред, причиненный уполномоченными на то законом лицами, правомерен и возмещению не подлежит, за исключением случаев, предусмотренных законом) [2].

Следует обратить внимание как на общие, так и на специальные условия, при которых наступает обязанность возместить вред, причиненный сотрудником органов внутренних дел.

Общие условия отражены в статье 1064 ГК РФ. К ним относятся: вред, противоправность поведения причинителя вреда, причинная связь между наступившим вредом и поведением причинителя вреда, вина причинителя вреда.

Специальные же условия прямо отражены в статьях 1069 и 1070 ГК РФ. Так, если вред возмещается по правилам статьи 1069 ГК РФ, то он должен явиться результатом совершения незаконного действия (бездействия), либо результатом издания, не соответствующего закону или иному правовому акту акта органа внутренних дел, а причинителем вреда должен быть орган внутренних дел, либо должностное лицо этого органа. В случае же возмещения вреда по статье 1070 ГК РФ необходимо говорить о том, что он явился результатом незаконного привлечения к уголовной ответственности, либо незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, а причинителя вреда законодатель уже поименовал – должностное лицо органа дознания. Общие условия возмещения вреда, причиненного деликтом, с которых мы бы хотели начать свое рассмотрение, достаточно широко освещены в юридической литературе. Мы же хотели бы ограничиться анализом этих условий применительно к предмету нашего исследования [1].

Прежде всего обратим внимание на вред как общее условие гражданско-правовой ответственности. Вред, исходя из анализа ГК РФ, может быть выражен в любом из следующих самостоятельных элементов: имущественный вред; физический или телесный вред; вред, причиненный чести, достоинству или деловой репутации; вред, причиненный другим нематериальным благам; моральный вред.

Возмещение вреда можно одновременно рассматривать и как меру ответственности, и как меру защиты. Как видно из содержания статьи 1069 и статьи 1070 ГК РФ, причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования. От имени казны выступают соответствующие финансовые органы Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования (статья 1071 ГК РФ), т. е. обязанность возместить вред, причиненный сотрудником органов внутренних дел, при наличии соответствующих условий лежит ни

на нем самом, ни на органе внутренних дел, в котором он проходит службу, а на казне Российской Федерации, не являющимися нарушителями субъективного права. При определении размера компенсации морального вреда необходимо руководствоваться принципами и критериями, заложенными в гражданском законодательстве Российской Федерации, а именно в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимание фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав [3].

Отдельно следует упомянуть и о том, что в соответствии со статьей 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей; лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Конкретизирующими, в части регрессного порядка требований к лицу причинившему вред, являются положения содержащиеся в ч. 4 статьи 33 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [4], в которой указано, что за ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, территориальному органу, подразделению полиции либо организации, входящей в систему указанного федерального органа, сотрудник полиции несет материальную ответственность в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации (речь идет о применимости положений, содержащихся в главе 39 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)). Также отметим, что в соответствии уже со статьей 250 ТК РФ при разрешении спора по иску органа внутренних дел о привлечении сотрудника к материальной ответственности суду следует учитывать нормы статьи 250 ТК РФ, указывающие на возможность снижения размера ущерба исходя из материального и семейного положения работника.

Что характерно, размер компенсации морального вреда не установлен законом и в каждом конкретном случае суд оценивает обстоятельства дела и решает, какую сумму взыскать. При этом принимаются во внимание степень вины причинителя вреда, характер и последствия страданий, обстоятельства дела и судебная практика по аналогичным делам. Суд может учесть возраст, состояние здоровья, общественное положение, характер и последствия противоправных действий. Кроме того, суд может снизить размер компенсации, если потерпевший сам спровоцировал конфликт. По общему правилу моральный вред, причиненный органами внутренних дел, компенсируется именно в денежной форме.

Что касается противоправности, то незаконными действия сотрудника органов внутренних дел выступают с точки зрения административного, уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права, т. к. являются результатом нарушения норм именно этих отраслей. Однако данное утверждение не означает, что гражданско-правовая противоправность имеет место в случаях нарушения норм как непосредственно гражданско-правовых, так и этих отраслей права. Гражданско-правовая противоправность всегда является результатом нарушения норм гражданского права, и в этом смысле не являются исключением и обязательства, вследствие причинения вреда сотрудником органа внутренних дел. Дело в том, что незаконные действия сами по себе не влекут гражданско-правовых последствий и являются юридически безразличными. Однако если результатом его поведения явилось причинение вреда указанными лицами, появляется необходимость в реализации соответствующих норм гражданского права, т. е. встает вопрос о возмещении причиненного вреда. Причем, как совершенно верно, на наш взгляд, указано А. П. Куном, «...механизм гражданско-правового возмещения вреда вступает в действие не потому, что акты власти противоправны сами по себе, а потому, что причинение вреда незаконными актами власти, ущемляя соответствующие субъективные права потерпевшего, нарушают и охраняющие их гражданско-правовые по природе нормы права, то есть являются противоправными с точки зрения непосредственно гражданского права» [2].

Таким образом, ответственность за вред, причиненный незаконным действием (бездействием) сотрудника органов внутренних дел, предполагает наличие противоправности гражданско-правовой и соответствующей отрасли права (административной, уголовной и т. д.).

Противоправность действий сотрудника органа внутренних дел устанавливается в рамках проводимой органом служебной проверки в соответствии с положениями Приказа МВД России № 161 от 26 марта 2013 года [5]. В соответствии со статьей 13 данного нормативного правового акта основанием для проведения служебной проверки является необходимость выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником дисциплинарного проступка, подтверждения наличия или отсутствия обстоятельств, предусмотренных статьей 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также заявление сотрудника. В случае же обнаружения в действиях сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, признаков состава преступления или события административного правонарушения, указанная информация подлежит регистрации и проверке в установленном порядке [6].

В целях признания деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудником органов внутренних дел, необходимо установить наличие

юридически значимой причинной связи между действием (бездействием) сотрудника и наступившим вредоносным результатом.

Особенность установления причинной связи в рассматриваемых нами деликтах заключается в том, что указанная связь наблюдается в действиях одновременно достаточно большого числа лиц, особенно если мы говорим об ответственности по статье 1070 ГК РФ. Так, в частности незаконное привлечение к уголовной ответственности может стать результатом сложения действий одновременно сотрудника органа внутренних дел, следователя, прокурора и суда соответственно.

Общие положения гражданского законодательства указывают на то, что для деликтной ответственности причинителя вреда, ни форма его вины, ни ее тяжесть (степень) не имеют значения кроме случаев, указанных в законе, например, при учете вины потерпевшего. Так, в части первой статьи 1083 ГК РФ указано, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит.

Существенным исключением, подтверждающим правило, отраженное в части первой, рассматриваемой нами статьи является ситуация самооговора лица и последующее привлечение данного лица к соответствующей (например, уголовно-правовой) ответственности.

Большинство теоретиков и практиков склоняются к мысли о том, что самооговор не должен исключать права на возмещение ущерба [7]. Данный тезис основывается на специфике сбора, оценки и фиксации доказательств по делу необходимых и достаточных для привлечения лица к соответствующей ответственности, а также на том, что суд не может основываться исключительно на показаниях лица, в отношении которого ведется соответствующее производство.

В соответствии со статьей 1069 ГК РФ деликтное обязательство за вред, причиненный сотрудником органов внутренних дел, наступает за вред, причиненный умышленно или по неосторожности в момент причинения вреда, и только если этот момент сопряжен со служебной деятельностью сотрудника органа внутренних дел.

Одновременно с этим необходимо отметить, что в соответствии со статьей 45 Указа Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 года № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» при совместном нарушении служебной дисциплины несколькими сотрудниками дисциплинарные взыскания налагаются на каждого сотрудника в отдельности и только за совершенное им нарушение [8].

Акцентируя внимание на вопросах деятельности органов внутренних дел отметим, что ее сущность состоит в проведении в жизнь законов и подзаконных актов, регулирующих общественные отношения в сфере внутренних дел государства, охраняющих общественный порядок, общественную безопасность, путем предупреждения и ведения борьбы с преступностью

и с иными правонарушениями. Сами же органы внутренних дел осуществляют различную деятельность для достижения стоящих перед ними целей и задач по борьбе с преступностью. В зависимости от того, в каком из этих видов деятельности причинен вред, и будет строиться обязательство по возмещению вреда. Так, если вред причиняется в результате хозяйственно-технической деятельности (например, автомобиль ГИБДД совершил наезд на пешехода), деликтная ответственность наступает на общих или других основаниях (по статье 1064 либо 1079 ГК РФ). Если же вред причинен незаконными действиями во властно-административной, учетно-регистрационной, оперативно-розыскной, уголовно-исполнительной и т. д. сферах деятельности, то ответственность наступает по статье 1069 ГК РФ. В отличие от предусмотренного виновного причинения вреда по статье 1069 ГК РФ, принципиально иное решение этого вопроса содержится в п. 1 статье 1070 ГК РФ, где говорится, что ответственность за вред, причиненный незаконными действиями, указанными в п. 1 статье 1070 ГК РФ, наступает независимо от вины должностных лиц органов дознания [1, с. 16].

Специальные условия наступления деликтного обязательства по статье 1069 ГК РФ представляются в виде «незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления» [9].

Как отметил в одной из своих работ А. Н. Кузбагаров, незаконные действия сотрудника органов внутренних дел можно определить как действия, направленные на выполнение сотрудником органов внутренних дел конкретных функций, если они выполнены с нарушением правовых актов, регулирующих его служебную или связанную с ней деятельность или выполнены с нарушением норм правовых актов, регламентирующих пределы их выполнения; или же как выполняемые сотрудником органов внутренних дел функции, не соответствующей необходимому исполнению общеслужебных или должностных обязанностей, или такому же осуществлению служебных прав сотрудником органов внутренних дел. Для признания противоправным бездействия необходимо, чтобы на субъекте лежала обязанность совершения положительного действия. Обязанность совершения этих действий должна вытекать из прямого указания закона или подзаконных актов, а сам факт противоправности устанавливается чаще всего по результатам проведенной служебной проверки [1].

Акцентируем внимание и на том, что вред, причиненный в результате издания, не соответствующего закону или иному правовому акту государственного органа, также подлежит возмещению в рамках статьи 1069 ГК РФ. Исходя из смысла и содержания словосочетания «акт государственного органа» под ним следует понимать именно правовой акт, издаваемый министерством внутренних дел или его должностным лицом.

В качестве иллюстрации применимости положений указанной статьи, а также в обоснование авторского видения положений настоящего исследования приведем выдержки из решения Альшеевского районного суда Республики Башкортостан № 25/37986 от 07 августа 2025 года по делу № 2-431/2025 [10].

Гражданин Т. обратился в суд с исковым заявлением, в котором просит взыскать с Министерства финансов РФ в лице Управления Федерального казначейства РФ по Республике Башкортостан компенсацию морального вреда в сумме 100000 рублей, убытки в виде расходов на представителя по административному делу в размере 70000 рублей, судебные расходы за составление иска в размере 5000 рублей, расходы по оплате государственной пошлины в размере 4000 рублей, почтовые расходы в сумме 1100 рублей.

В обоснование иска указано, что участковым уполномоченным полиции отдела Министерства внутренних дел Российской Федерации по Альшеевскому району младшим лейтенантом полиции Щ. в отношении Т. был составлен протокол об административном правонарушении № ***, предусмотренном статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Постановлением мирового судьи судебного участка № 1 по Альшеевскому району РБ от 16 марта 2025 г. производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.1.1 КоАП РФ, в отношении Т. прекращено за отсутствием состава административного правонарушения. С целью защиты своих нарушенных прав и отстаивание законных интересов, истец как правонарушитель, понес фактически убытки в виде затрат по оказанию представителем юридической помощи в размере 70000 рублей. Считает, что истец имеет право на возмещение расходов об оплате юридических услуг, поскольку данные расходы являются убытками истца, которые должны быть возмещены ему за счет средств Управления МВД России по Республике Башкортостан как причиненные в результате незаконных действий государственного органа. За составление иска было оплачено 5000 рублей, расходы по оплате государственной пошлины составили 4000 рублей, почтовые расходы по направлению иска сторонам составили 1100 рублей.

Исследуя материалы дела суд обратил внимание на то, что пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [10] содержит разъяснение, в соответствии с которым расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица,

оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании статей 15, 1069, 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу данного лица за счет средств соответствующей казны (казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации). Из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что по общему правилу убытки возмещаются при наличии вины причинителя вреда.

Одновременно с этим суд учел и то, что согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 года № 36-П [11] недоказанность незаконности действий (бездействия) должностных лиц или их вины не является основанием для отказа в возмещении расходов на оплату юридической помощи и иных расходов, являющихся по своей сути судебными издержками, понесенными лицами, в отношении которых дело об административном правонарушении прекращено на основании пунктов 1 или 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ (отсутствие события или состава – административного правонарушения) либо пункта 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы). Таким образом, убытки, понесенные в связи с восстановлением права лицом, в отношении которого постановление о привлечении к административной ответственности отменено в связи с отсутствием события или состава правонарушения либо в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых оно вынесено, по существу являются судебными расходами.

Возмещение проигравшей стороной правового спора расходов другой стороны не обусловлено установлением ее виновности в незаконном поведении – критерием наличия оснований для возмещения является итоговое решение, определяющее, в чью пользу данный спор разрешен.

Согласно части 1 статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

При определении размера издержек суд руководствовался пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [12]. В соответствии с ним разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Относительно компенсации морального вреда судом было отмечено, что в соответствии со статьей 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В силу пункта 1 статьи 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 (статьи 1064–1101 ГК РФ) и статьей 151 ГК РФ.

Согласно пункту 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [13] при рассмотрении дел о компенсации морального вреда причиненного незаконными действиями (бездействием) – органов государственной власти или их должностных лиц, лицу, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием события (состава) административного правонарушения или ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение (пункты 1 и 2 части 1 статьи 24.5, пункт 4 части 2 статьи 30.17 КоАП РФ), применяются правила, установленные в статьях 1069, 1070 ГК РФ. Требование о компенсации морального вреда, предъявленное лицом, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено по указанным основаниям, может быть удовлетворено судом при наличии общих условий наступления ответственности за вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (за исключением случаев, когда компенсация морального вреда может иметь место независимо от вины причинивших его должностных лиц).

Руководствуясь статьями 194–199 ГПК РФ, суд решил: исковые требования гражданина Т. к Отделу МВД России по Альшеевскому району, Министерству внутренних дел по Республике Башкортостан, Министерству финансов Российской Федерации в лице Управления Федерального казначейства Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации о компенсации морального вреда, взыскании убытков в виде расходов на представителя по делу об административных правонарушениях, судебных расходов, удовлетворить частично.

Взыскать с Российской Федерации в лице Министерства внутренних дел Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу

Т. убытки по оплате услуг представителя по делу об административном правонарушении в размере 20000 рублей, компенсацию морального вреда 2000 рублей, расходы за составление искового заявления 3000 рублей, судебные расходы по уплате государственной пошлины в размере 4000 рублей, всего взыскать 29000 (двадцать девять тысяч) рублей.

Библиографический список

1. Кузбагаров А. Н. Обязательства вследствие причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 202 с.

2. Кун А. П. Противоправность и вина в обязательствах по возмещению вреда, причиненного гражданину актами власти // Правоведение. 1984. № 3. С. 91–95.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 5-КГ19-207, 2-447/2018. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй : (постатейный) / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор О. Н. Садилов ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Изд. 5-е, испр. и доп., с использованием судеб.-арбитраж. практики. М. : Контракт : ИНФРА-М, 2006. I-XXII ; Прокудина, Л. А. Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов : научно-практический комментарий / Л. А. Прокудина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Городец, 1998.

8. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (текст с изменениями и дополнениями

от 13 декабря 2024 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Решение Альшеевского районного суда Республики Башкортостан № 25/37986 от 7 августа 2025 г. по делу № 2-431/2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 6 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобами граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарафутдинова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 г. № 36-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гайдин А. И., 2025

© Морин А. В., 2025

Галиуллина Р. Х. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского ЮИ МВД России, кандидат исторических наук, доцент;

Улимаев Р. Ю. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА

Аннотация. В статье авторами рассмотрены некоторые проблемы правового регулирования одного из институтов гражданского права России – завещательного отказа. Несмотря на длительный срок правового регулирования в России, институт завещательного отказа не получил должного развития. Авторы обращают внимание на имеющиеся пробелы правового регулирования завещательного отказа, в частности неопределенность предмета завещательного отказа, проблему реализации права пользования жилым помещением по завещательному отказу, проблему соотношения завещательного отказа с правом собственности нового приобретателя, проблему обременения завещательным отказом жилого помещения при его переходе в общую долевую собственность нескольких наследников. Авторы отмечают, что для надлежащего исполнения легата в завещании следует максимально детализировать его условия. По результатам рассмотрения указанных проблем в статье высказаны предложения о совершенствовании действующего законодательства России.

Ключевые слова: наследодатель, завещательный отказ (легат), наследник, отказополучатель (легатарий), завещание.

Abstract. In the article, the authors consider some problems of legal regulation of one of the institutions of civil law in Russia – testamentary refusal. Despite the long period of legal regulation in Russia, the institution of testamentary refusal has not received proper development. The authors draw attention to the existing gaps in the legal regulation of testamentary abandonment, in particular, the uncertainty of the subject of testamentary abandonment, the problem of exercising the right to use residential premises under testamentary abandonment, the problem of the relationship of testamentary abandonment with the ownership of the new acquirer, the problem of encumbrance by testamentary abandonment of residential premises upon its transfer to the common shared ownership of several heirs. The authors note that for the proper execution of the legate, the terms of the

will should be as detailed as possible. Based on the results of the consideration of these issues, the article makes suggestions on improving the current legislation of Russia.

Keywords: testator, testamentary waiver (legate), heir, beneficiary (legatary), will.

В настоящее время завещательный отказ, являясь одним из институтов гражданского права России, вызывает особое внимание у ученых ввиду проблем правового регулирования. В их числе можно указать на неопределенность предмета завещательного отказа и проблему реализации права пользования жилым помещением по завещательному отказу.

Завещательному отказу посвящены нормы Конституции Российской Федерации (ст. 35), Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст. 1137–1138, 1140, 1160) [1], Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) (ст. 33) [2].

Согласно п. 1 ст. 1137 ГК РФ завещательный отказ (легат) – это возложение наследодателем на одного или нескольких наследников по завещанию или по закону обязанности совершить какое-либо действие имущественного характера в пользу одного или нескольких лиц (отказополучателей) за счет положенной данной ему (им) доли наследства, которые приобретают право требовать исполнения этой обязанности.

Простая правовая конструкция завещательного отказа включает в себя следующие субъекты: наследодателя, наследника, отказополучателя (легатарий). При этом возможна множественность лиц на стороне наследника, отказополучателя. Так, законодатель в п. 4 ст. 1138 ГК РФ отмечает возможность подназначения другого отказополучателя на случай невозможности принятия наследства первым отказополучателем (в случае его смерти и т. д.).

Предмет легата составляют действия имущественного характера, что следует из п. 2 ст. 1137 ГК РФ. Право на получение завещательного отказа у легатария появляется после вступления наследников в права наследования, у которых, в свою очередь, возникает обязанность по осуществлению легата.

Из п. 1 ст. 1137 ГК РФ следует, что наследодатель обязывает наследника выполнить какое-то действие имущественного характера за счет унаследованного имущества в пользу другого человека – отказополучателя (легатария). Например, бабушка оставила по завещанию свою квартиру внучке. В завещании было указано, что она завещает свою квартиру своей внучке Ивановой Марине Петровне, но с условием, что она предоставит пожилой соседке, Соловьевой Людмиле Ивановне, право пожизненно проживать в этой квартире в отдельной комнате. В возникшем правоотношении наследником (должником) выступает внучка Марина, отказополучателем (креди-

тором) – соседка Людмила Ивановна, которая ничего не наследует, но получает право требовать от Марины выполнения условия. Предметом отказа (долга) является право пожизненного проживания.

Рассмотрим проблему неопределенности предмета завещательного отказа. Согласно п. 2 ст. 1137 ГК РФ предметом завещательного отказа может быть передача отказополучателю в собственность, во владение на ином вещном праве или в пользование вещи, входящей в состав наследства, передача отказополучателю входящего в состав наследства имущественного права, приобретение для отказополучателя и передача ему иного имущества, выполнение для него определенной работы или оказание ему определенной услуги либо осуществление в пользу отказополучателя периодических платежей и тому подобное. Иными словами, предметом завещательного отказа является конкретное имущественное благо, которое отказополучатель (легатарий) вправе требовать от наследника (легатария). Следовательно, в завещании должна быть четко определена обязанность наследника. Вместе с тем на практике формулировки бывают расплывчатыми, например, «предоставить право проживания», «выплачивать содержание», «не чинить препятствий в пользовании» без указания конкретных данных.

Если содержание этой обязанности (предмет) нельзя точно установить на основании текста завещания, право требовать исполнения невозможно реализовать, а у наследника нет четких ориентиров для исполнения. Это приводит к нарушению прав как отказополучателя, так и наследника. Например, в случае с формулировкой завещательного отказа «Возлагаю на наследника обязанность выплачивать ежемесячное содержание моему племяннику, Сидорову А. А.» возникает ряд вопросов: каков размер выплат (конкретная сумма или процент от дохода); какова периодичность выплат (ежемесячно, ежеквартально, ежегодно); срок выплат (пожизненно, до достижения определенного возраста, до наступления какого-либо события); возможна ли индексация?

Неопределенность формулировки предмета завещательного отказа может проявляться и в формулировке передаче имущества. Например, формулировка: «Обязую наследника передать моему внуку из наследуемого имущества предметы домашней обстановки» порождает вопросы: например, о каких именно предметах идет речь? При наличии нескольких одинаковых предметов, но разной стоимости спор может возникнуть в отношении более дорогих вещей.

Неопределенность формулировки предмета завещательного отказа может проявляться в предоставлении права пользования. Например, формулировка «Обязую наследника предоставить моему брату право пользования моим автомобилем» также вызовет ряд вопросов: подразумевается постоянное или эпизодическое право пользования, цели использования – для личных или предпринимательских целей (такси), каким образом будут распределяться расходы – топливо, страхование, техническое обслуживание?

В случае если предмет завещательного отказа не может быть идентифицирован вообще, суд может признать такой отказ не установленным. Следовательно, права отказополучателя на предмет завещательного отказа нарушаются. Отказополучатель будет вынужден обращаться в суд с иском к наследнику об исполнении завещательного отказа. При этом суд будет толковать волю завещателя (ст. 1132 ГК РФ), используя буквальный и, как отмечают некоторые ученые, системный способы толкования [3], и определять конкретное содержание обязанности наследника. В итоге будет длительное судебное рассмотрение и непредсказуемый результат.

В ряде случаев исполнение завещательного отказа невозможно в силу формулировки предмета завещательного отказа. Так, гражданка А. составила завещание, по которому после своей смерти завещала все свое движимое и недвижимое имущество гражданину Б. Также она установила завещательный отказ, по которому на Б. возложена обязанность в случае продажи им указанных в завещании объектов недвижимости выплатить ее внуку В. денежную сумму, эквивалентную стоимости однокомнатной квартиры, определенную на дату отчуждения им указанного выше недвижимого имущества [4]. Но Б. объекты недвижимости не реализовывал. Кроме того, как видно из формулировки, гражданин Б. может обойти указанную выше свою обязанность путем, например, дарения недвижимого имущества.

Различного рода неопределенности формулировки предмета завещательного отказа могут приводить к нарушению баланса интересов сторон в силу различного рода злоупотреблений обеих сторон данного вида наследственных правоотношений: наследник может понимать условия в свою пользу, отказополучатель может предъявить завышенные требования в отношении предмета отказа.

Для надлежащего исполнения легата в завещании следует максимально детализировать его условия. Во-первых, при проживании: указать точный объект (адрес), срок (пожизненно или до ...), условия пользования (например, право пользования одной комнатой № ...), порядок возмещения коммунальных платежей и расходов на ремонт. Во-вторых, при денежных выплатах: четко указать точную сумму, валюту, периодичность (ежемесячно, до 10 числа), срок (пожизненно, до совершеннолетия), способ передачи (на банковский счет). Желательно предусмотреть механизм индексации. В-третьих, при передаче имущества: составить подробную опись с идентифицирующими признаками (например, автомобиль марки А, модель В, VIN-номер) и приложить ее к завещанию.

Таким образом, неопределенность предмета завещательного отказа может привести к длительным конфликтам. Решение проблемы видится в качественной юридической технике при составлении завещания, предполагающей максимальную конкретизацию воли завещателя.

Другой значительной проблемой, наиболее распространенной на практике, является вопрос реализации права пользования жилым помещением по завещательному отказу. Он включает в себя целый ряд других спорных вопросов, имеющих проблемный характер.

Актуальной является проблема о соотношении завещательного отказа с правом собственности нового приобретателя. Отдельные формулировки норм института завещательного отказа вызывают вопросы. Так, согласно абз. 2 п. 2 ст. 1137 ГК РФ обязанностью наследника, принявшего наследство в виде жилого помещения, является предоставление отказополучателю «...на период жизни этого лица или на иной срок» пользование жилым помещением. Однако это не всегда выполнимо. Как известно, согласно п. 1 ст. 1138 ГК РФ исполнение данной обязанности осуществляется после вычета из стоимости наследства всех долгов завещателя («чистое» наследство). Дело в том, что для вычета всех долгов жилое помещение наследнику, возможно, придется продать полностью или частично. При продаже всего жилого помещения завещательный отказ сохраняет силу (абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). При продаже доли в праве собственности на жилое помещение могут возникнуть сложности в случае, если право пользования жилым помещением отказополучателя распространяется на все жилое помещение [5].

На практике встречаются ситуации, когда единственный наследник, на которого возложено исполнение завещательного отказа, отказывается от получения наследства и, следовательно, от исполнения завещательного отказа в силу различных причин (например, неприязненные отношения с отказополучателем), чтобы не допустить имущественного содержания отказополучателя. Подобные действия, по нашему мнению, содержат признаки злоупотребления правом, которые должны влечь со стороны закона неблагоприятные последствия для нарушителя при установлении в суде таких признаков злоупотребления.

Мы считаем, что законодателю следует внести в ГК РФ и Основы законодательства о нотариате [6] дополнения о том, что в случае, когда все наследники в силу различных причин не могут наследовать, а отказополучатель не лишен такой возможности (завещание действительно, отсутствует его отказ от получения завещательного отказа, он не относится к категории недостойных наследников и т. д.) воля наследодателя, отраженная в виде завещательного отказа, по решению суда должна быть выполнена за счет наследственной массы с помощью назначенных лиц им лиц [5].

Имеется и другая проблема. Например, в случае перехода жилого помещения в общую долевую собственность нескольких наследников право пользования легатария становится обременением для долей всех из них. Это нарушает принцип свободы владения, пользования и распоряжения, установленный ст. 247 ГК РФ для долевой собственности. В результате может сложиться ситуация, при которой сособственники, не являющиеся должниками по легату, вынуждены терпеть присутствие легатария, что будет при-

водить к конфликтам и затруднять реальный раздел или использование имущества. Следовательно, собственник не может свободно продать, подарить или заложить квартиру, так как покупатели или банки не соглашаются на приобретение либо принятие в залог обремененного объекта недвижимости, в результате право собственности ограничивается.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 49. Ст. 4552.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

3. Смирнов С. А. «Не буквальное» толкование завещания судом : казусы из практики // Нотариус. 2018. № 1. С. 7–10.

4. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2022 г. по делу № 88-9075/2022, 2-488/2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Улимаев Р. Ю. Проблемы правоприменения норм законодательства о завещательном отказе // Общество, право, государственность : ретроспектива и перспектива. 2023. № 1 (13). С. 10.

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. № 49. 13 марта 1993 г.

© Галиуллина Р. Х., 2025

© Улимаев Р. Ю., 2025

УДК 34.343

Гумерова Р. Р. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России

ДОЛЖНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация. В статье исследуется должность как элемент правового статуса следователя. Акцентируется внимание на ведомственном закреплении его положения тремя различными федеральными законами Российской Федерации.

Ключевые слова: должность, следователь, правовой статус, уголовное судопроизводство, гарантии.

Abstract. The article examines the position as an element of the investigator's legal status. Attention is focused on the departmental consolidation of its position by three different federal laws of the Russian Federation.

Keywords: position, investigator, legal status, criminal proceedings, guarantees.

В соответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предварительное следствие может осуществляться следователями Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации.

Рассматривая правовой статус следователя как участника уголовного судопроизводства и определяя его положение как должностного лица, наделенного властными полномочиями, следует учитывать дополнительные требования, предъявляемые, например, к порядку занятия данной должности. Мы акцентируем внимание на ведомственном закреплении его положения тремя различными федеральными законами.

В соответствии с Федеральным законом от 22 февраля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» сотрудником Федеральной службы безопасности может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства (если в соответствии с решением руководителя федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности иное не обусловлено решением задач оперативно-служебной деятельности), способный по своим личным, профессиональным и психологическим качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья исполнять возложенные на него обязанности. Квалификационные требования к уровню образования, стажу, профессиональным знаниям и навыкам сотрудника органов федеральной службы безопасности, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности или уполномоченными им должностными лицами. Деятельность органов федеральной службы безопасности в сфере борьбы с преступностью осуществляется в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, а также настоящим Федеральным законом [1].

В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в число квалификационных требований к должностям в органах внутренних дел, устанавливаемых в соответствии с составами должностей в органах

внутренних дел, входят требования к уровню образования, стажу службы в органах внутренних дел или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, состоянию здоровья сотрудников органов внутренних дел, необходимым для выполнения обязанностей по замещаемой должности. В число квалификационных требований к должностям среднего и старшего начальствующего состава, которые включены в перечень должностей, утверждаемый руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, выполнение обязанностей по которым предусматривает расследование или организацию расследования уголовных дел, входит наличие высшего юридического образования. В исключительных случаях и на условиях, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, на эти должности могут быть назначены лица, имеющие другое высшее образование и опыт работы, позволяющий выполнять служебные обязанности. Данным законом регулируются и иные вопросы, а именно: права и основные обязанности сотрудника органов внутренних дел, требования к служебному поведению, ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, ответственность, приведение к Присяге, аттестация, прохождение службы в органах внутренних дел в особых условиях, порядок применения к сотрудникам органов внутренних дел мер поощрения и порядок наложения на них дисциплинарных взысканий, гарантии социальной защиты и т. д. [2].

В соответствии с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» сотрудниками Следственного комитета могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами и способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности.

На должности следователей, помощников следователей и помощников следователей-криминалистов следственных отделов и следственных отделений Следственного комитета по районам, городам и приравненных к ним, в том числе специализированных, следственных подразделений Следственного комитета в исключительных случаях в порядке, определяемом Председателем Следственного комитета Российской Федерации, могут назначаться граждане, обучающиеся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования, относящейся к укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Юриспруденция», не менее половины срока получения образования, установленного федеральным государственным образовательным стандартом, и не имеющие академической задолженности. Данным законом регулируются и иные вопросы, относящиеся к должности следователя: порядок прохождения аттестации и порядок присвоения званий, перечень ограничений, запретов и обязанностей, которые накладывает на лицо статус следователя, порядок определения испытательного срока при приеме на работу, принятие

Присяги, основания и порядок осуществления перевода в иные структурные подразделения и на иные должности, порядок награждения и поощрения, привлечения к ответственности и увольнения [3].

Следует отметить, что в 1995–1996 гг. Следственным комитетом при МВД России был разработан проект Федерального закона «О статусе следователя», но, к сожалению, он не прошел процедуру необходимого согласования [4]. Полагаем, что принятие такого закона сняло бы многие вопросы, связанные с реализацией следователями своего процессуального статуса.

Подводя итог отметим, что вышеуказанные федеральные законы устанавливают не только правовые требования к порядку занятия соответствующей должности, но и определяют следователя в продвижении по службе, его социальные гарантии, материальное стимулирование, вот это как раз составляющая, которая обеспечивает стремления человека занять эту должность, зная какими гарантиями он будет обладать, в зависимости от выбранного ведомства. Данный элемент составляет важную часть правового статуса следователя и дает направление для совершенствования процессуальной самостоятельности этого ведущего органа досудебного производства.

Библиографический список

1. О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в редакции от 1 апреля 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2024 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О Следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в редакции от 1 апреля 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Материалы служебной переписки Следственного комитета с федеральными министерствами и ведомствами. Т. 1. Дело № 18. 1997. С. 130–147.

© Гумерова Р. Р., 2025.

ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация. В статье исследуется специфический принцип планирования деятельности следователя при производстве расследования по уголовным делам.

Ключевые слова: принцип планирования, следователь, уголовный процесс, уголовное дело.

Abstract. The article examines the specific principle of planning the investigator's activities during the investigation of criminal cases.

Keywords: planning principle, investigator, criminal process, criminal case.

Производство предварительного следствия по уголовному делу зачастую представляет собой значительную сложность ввиду ограниченности имеющейся исходной информации, необходимости производства значительного количества следственных действий и принятия решений. При этом нужно учитывать загруженность следователя по производству расследования других уголовных дел, ограниченные сроки расследования, установленные уголовно-процессуальным законом, а также в отдельных случаях имеющиеся попытки участников уголовного судопроизводства оказывать противодействие в ходе расследования. В таких условиях успешность выполнения следователем возложенных на него законом обязанностей во многом зависит от способности грамотно и продуманно организовать свою работу, чтобы ни один участок не страдал за счет другого, а все имеющиеся в производстве материалы проверки и уголовные дела расследовались в полном объеме и в установленный срок. В этой ситуации важным условием является качественное построение планирования деятельности по производству расследования уголовных дел.

В литературе позиции ученых сводятся к тому, что планирование расследования – это деятельность следователя, заключающаяся в определении задач, которые предстоит решать в логической разработке системы действий, обеспечивающих успешное решение поставленных задач, минимизировав потраченное время, силы и средства [1, с. 78].

В современной науке разработаны принципы планирования расследования преступлений, авторы до сих пор не могут прийти к единому мнению

относительно их количества и содержания. Наиболее часто к ним относят принципы динамичности, индивидуальности, конкретности, реальности, оптимальности и экономичности [1, 2]. Отметим, что *принцип планирования деятельности* относится ко всем должностным лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве. Расследование не терпит непродуманных действий и решений, которые могут привести к непредвиденным и нежелательным результатам. В данном случае может возникнуть закономерный вопрос: куда следует поместить рассматриваемый принцип? В рамках главы второй Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) или в отдельную главу в рамках предварительного расследования? Полагаем, что принцип планирования деятельности следователя не является принципами по смыслу главы второй УПК РФ. Это не принципы уголовного процесса и не общее условие предварительного расследования. Это основополагающие требования к научной организации труда следователя, рекомендациям криминалистической тактики.

Планирование расследования обстоятельств преступного деяния представляет собой деятельность следователя, направленную на решение конкретных задач с учетом особенностей уголовного дела, осуществляемую в форме разработки системы действий и принимаемых решений на основе оптимальных затрат времени, сил и средств.

Принцип планирования деятельности характеризуется:

– *динамичностью*. С учетом поступающей новой информации и противодействий, исходящих от заинтересованных лиц, планы могут меняться, корректироваться, дополняться в ходе производства по уголовному делу;

– *индивидуальностью*. Планы разрабатываются применительно к обстоятельствам каждого уголовного дела, учитывая его специфику. Необходим творческий подход к планированию. Игнорирование данного принципа следователем, отражающим в упрощении плана расследования до шаблонного варианта, может отвести следователя от намеченной цели;

– *конкретностью*. Разрабатываются с указанием конкретных сроков, исполнителей, мест проведения следственных действий и т. д.;

– *реальностью*. Очевидно, что нецелесообразно ставить перед собой недостижимые задачи и, особенно, включать их в план.

Таким образом, обозначенный специфический принцип присущ следователю, применим в его деятельности и охватываются понятием его процессуального статуса, как ведущего участника досудебного производства. Принцип планирования реализуется в возможности выбора конкретных следственных и процессуальных действий из перечня, указанного в уголовно-процессуальном законе (ст. 38 УПК РФ).

Непродуманность действий в ходе расследования приводит к различным нежелательным последствиям. В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного

п. «а» ч. 4 ст. 162 Уголовного кодекса РФ. Следователь предъявлял потерпевшим для опознания обвиняемых, совершавших разбойные нападения в составе устойчивой вооруженной группы. Опознаваемые закрывали свои лица, натягивая на голову верхнюю одежду. Следователь не учел возможность такого поведения, не продумал план проведения следственного действия и не применил технические средства фиксации его хода и результатов [3].

Библиографический список

1. Курьянова Ю. Ю. Принципы планирования расследования преступлений // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4 (47). С. 78–83.
2. Рудов Д. Н. Планирование в деятельности следователей ОВД // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 5. Ч. 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34718> (дата обращения: 09.10.2025).
3. Уголовное дело № 6010018. Материалы предоставлены ГСУ МВД по Республике Башкортостан.

© Гумерова Р. Р., 2025

УДК 34.09

Дурнева Н. С. – преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ УСЛОВИЙ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА ЛИЦ, ИСПОВЕДУЮЩИХ КАТОЛИЦИЗМ И ЛЮТЕРАНСТВО, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Аннотация. В современном правовом государстве, где главенствующую роль занимает обеспечение прав и свобод человека и гражданина, необходимо сочетать уровень государственного вмешательства в жизнь общества с предоставленной гражданам правовой свободой. Именно поэтому в современных российских реалиях ключевую роль в обществе играет право на вступление в брак, одним из условий заключения которого является взаимное добровольное согласие мужчины и женщины. Законодательство, связанное с институтом брака, напрямую зависит от определенного исторического периода развития государства и типа государства по отношению к религии. Конкретно историко-правовые особенности государства и права позволяют определить, как развивался и трансформировался институт брака

в России, а в частности, как в Российской империи с государственной религией, признающей церковную форму брака, регулировались вопросы заключения брака лицами неправославных конфессий. В настоящем исследовании будет дан правовой анализ норм, регулирующих вопросы заключения брака лицами, исповедующими католицизм и лютеранство, в Российской империи XIX века.

Ключевые слова: католицизм, лютеранство, условия для заключения брака, церковная форма брака, расторжение брака, церковное право, межконфессиональный брак.

Abstract. In a modern state governed by the rule of law, where ensuring the rights and freedoms of man and citizen plays a dominant role, it is necessary to combine the level of state intervention in the life of society with the legal freedom granted to citizens. That is why, in today's Russian realities, the right to marry plays a key role in society, one of the conditions of which is the mutual voluntary consent of a man and a woman. Legislation related to the institution of marriage directly depends on a certain historical period of the development of the state and the type of state in relation to religion. Specifically, the historical and legal features of the state and law allow us to determine how the institution of marriage in Russia developed and transformed, and in particular, how the issues of marriage of persons of non-Orthodox faiths were regulated in the Russian Empire with a state religion that recognizes the ecclesiastical form of marriage. This study will provide a legal analysis of the norms governing the marriage of persons professing Catholicism and Lutheranism in the Russian Empire of the 19th century.

Keywords: Catholicism, Lutheranism, conditions for marriage, church form of marriage, dissolution of marriage, church law, interfaith marriage.

Данные всеобщей переписи населения 1897 года, результаты которых были отражены в архивной выписке «Статистические сведения о распределении населения по вероисповеданиям», позволяют констатировать, что в европейской части России насчитывалось 4 341 930 лиц, являющихся последователями римско-католической церкви, и 3 079 276 лиц, являющихся последователями евангелическо-лютеранской церкви [3, с. 33]. Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что в Российской империи, представляющей из себя в рассматриваемый период времени клерикальное государство, действовала политика веротерпимости, что и объясняется значительным числом представителей неправославных конфессий.

Историк Г. Н. Алишина в своем исследовании справедливо полагает: «До начала Первой мировой войны государственная власть на первое место безоговорочно ставила православие, но лютеранская церковь имела возможность довольно успешно функционировать. Представители этой конфессии занимали высокие государственные посты, были полководцами, учеными,

деятелями искусства, вносили вклад в политику, экономику, культуру и образование в Российской империи» [1, с. 152].

Преобладание существенного числа последователей католицизма и лютеранства в Российской империи поставило перед государством ряд задач, призванных регулировать не только вопросы административного управления их деятельностью, но и вопросы, касающиеся брачно-семейных отношений. Отметим, что в Российской империи XIX века признавалась только церковная форма брака, поэтому и вопросы, касающиеся бракосочетания, регулировались именно церковным правом.

Государственным органом, в подведомственность которых входили вопросы учета бракосочетавшихся, родившихся, бракоразводные дела лютеран, являлась Генеральная евангелическо-лютеранская консистория МВД Российской империи, образованная Николаем I в 1832 году. Подчеркнем, что в полномочия данного органа входило рассмотрение и разрешение проблемных вопросов для заключения брака, таких как: бракосочетание между последователями евангелическо-лютеранской церкви и других вероисповеданий.

Рассматривая государственный контроль в брачно-семейных отношениях последователей католической веры, следует выделить Римско-католическую духовную коллегия, функционирующую в Российской империи с 1801 года, у которой были схожие полномочия с Генеральной евангелическо-лютеранской консисторией, только в отношении католиков.

Перечислив государственные органы, осуществляющие контроль за католиками и лютеранами в Российской империи, необходимо выделить еще один орган, контролирующий их деятельность. Центральным органом, осуществляющим контроль за всеми неправославными конфессиями в Российской империи, являлся Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи, образованный в 1832 году. Именно данный орган разрабатывал и утверждал законопроекты, определяющие юридическое положение каждой негосударственной конфессии. Так, в 1857 году были утверждены Уставы духовных дел иностранных исповеданий, определившие правовое положение каждой религиозной общины. В перечень данных уставов были включены: «Устав об управлении духовных дел христиан Римско-Католического исповедания» и «Устав Евангелическо-Лютеранской Церкви», в 4 главе которого содержались вопросы о необходимых условиях для брака и законных препятствиях; о заключении и расторжении брака [7].

Рассматривая общие условия для заключения брака лицами неправославных конфессий, в частности, лютеран, необходимо обозначить основные положения, перечисленные в статье 201 Т. XI Свода законов Российской империи 1857 года. Так, в нем было сказано, что лицам, не достигшим совершеннолетия (22 года) запрещается вступать в брак без согласия родителей. Также данной статьей был регламентирован порядок, в соответствии

с которым необходимо просить согласия: в первую очередь, необходимо согласие отца, если он умер, то согласие необходимо получать от матери. Несовершеннолетним, у которых отсутствуют родители, требуется согласие опекунов или попечителей [4, с. 281]. Также статьей 203 были определены причины, по которым родители могут отказать в согласии на брак: если лицо, с которым собирается вступить в брак несовершеннолетний, приговорено к уголовному наказанию; безумно расточительно; страдает болезнью; если оно оскорбило своих родителей, родителей другой стороны и не получило прощение; если дети не просили или не получили согласия для вступления в брак; если другая сторона была уже разведена и по разводному приговору признано виновной; если в воспитании и в образовании лиц, собирающихся вступить в брак, слишком большое неравенство; если другая сторона исповедует нехристианскую веру.

Отметим, что статьи 207 и 209 также определяли и вопросы для заключения брака с близкими родственниками и опекунами. Так, брак с родной племянницей или родным братом отца или матери разрешался только по важным причинам и с разрешения Генеральной евангелическо-лютеранской консистории. Подчеркнем, что обо всех подобных случаях уведомлялось Министерство внутренних дел. Брак опекунов и детей был дозволен только с разрешения дворянской опеки, опекунского или сиротского суда.

Статья 210 содержала в себе и условия для заключения брака с лицами, исповедующими магометанство и иудаизм: соответствующее разрешение Генеральной евангелическо-лютеранской консистории; бракосочетание совершалось только евангелическо-лютеранским проповедником; другая сторона обязалась крестить и воспитывать детей по обрядам евангелическо-лютеранской церкви или же в православной вере [4, с. 302].

Таким образом, в законодательстве Российской империи XIX века особое внимание уделялось брачно-семейным отношениям последователей неправославных конфессий, регулировались такие важнейшие вопросы как: условия для вступления в брак лиц, находящихся в близкой степени родства; порядок заключения межконфессиональных браков; условия, запрещающие вступать в брак.

И. В. Амбарцумов отмечает следующее: «Внутренние правила различных исповеданий относительно межконфессиональных браков между собой существенно различались, и на этой почве периодически возникали казусы юридически-канонического свойства, требовавшие вмешательства гражданской власти» [2, с. 42].

Безусловно, анализируя правовое положение последователей католицизма и лютеранства, необходимо выделить и один из центральных органов власти, который также был уполномочен разъяснять проблемные вопросы, касающиеся условий для заключения и расторжения браков. Упомянутым органам являлась Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

Так, 28 ноября 1861 года II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии направило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Список (№ 933), касающийся невозможности расторжения браков, заключенных без согласия родителей. Данным Списком разъяснялось, что церковные законы первых времен Христианства, вошедшие и в римское законодательство, признают недействительным брак детей, состоящих под властью родителей, заключенный без согласия последних, те же основания приняты и греко-восточной церковью, но с XIII века римско-католическая церковь, в связи со значением брака как таинства, исключает несогласие родителей из числа существенных препятствий для заключения брака, влекущих за собой его расторжение, что признано Тридентским Собором. В то же время протестантское церковное законодательство, возвращаясь к древнему праву, устанавливает, что брак, заключенный без согласия родителей, считается недействительным. Однако Лютер говорил о том, что вступление в тайный брак не является основанием для его расторжения. Прусское и Саксонское право предоставляет родителям право требовать расторжения брака, заключенного без их согласия. Данное узаконение вошло и в новый Протестантский Церковный Устав Российской империи, по которому родителям предоставляется право требовать расторжения брака, заключенного без их согласия. Французское и Австрийское церковное право, вопреки каноническим правилам римско-католической церкви, не признают действительность брака, заключенного без согласия родителей. Древнегерманское церковное право признает вступление в брак без согласия родителей достойным порицания, но расторжение данного брака не допускается, а дает родителям право отстранить детей от участия в наследовании.

Данные суждения позволили внести изменения в Устав Евангелическо-Лютеранской Церкви 1832 года и в статьи 248 и 249 Т. XI Свода законов Российской империи 1857 года следующего содержания: «Браки, для заключения которых требуется согласие родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, в случае, если они будут совершены без такового согласия, хотя и признаются действительными, но виновный подлежит наказанию, определенному в Т. XV Свода Законов Российской империи, и установленным в законах гражданскими ограничениями прав по наследству» [5, с. 3].

Кроме того, было внесено изменение и в части 1 статьи 209 Т. XI Свода Законов Российской империи: «Опекуны и его дети могут вступить в брак с лицами, под его опекой состоящими, только с разрешения Сиротского Суда»; и в части 1 статьи 209: «Разведенные, которым по приговору о разводе запрещено вступать в новый брак, могут вступить в супружество с разрешения Евангелическо-Лютеранской Генеральной Консистории». В связи с данными изменениями была дополнена и статья 2156 Уложения о наказаниях, в которую было внесено примечание об опекунах, вступивших в брак с лицами, находящимися под их опекой, без соответствующего

разрешения, и разведенные, вступившие в новый брак без разрешения Консистерии [6, с. 481].

Исходя из вышеизложенного деятельность государственных органов, осуществляемая в области контроля за последователями католицизма и лютеранства при разрешении вопросов брачно-семейного права, носила коллегиальный характер, участие в котором принимали представители сразу нескольких контролирующих органов. В предметы ведения Генеральной евангелическо-лютеранская консистории и Римско-католической духовной коллегии входили более узкие вопросы, относящиеся к брачно-семейным отношениям католиков и лютеран, такие как: бракоразводные процессы. Департамент духовных дел иностранных исповеданий осуществлял общее руководство всеми неправославными конфессиями, проживающими на территории Российской империи, определял их правовое положение. В случае возникновения спорных вопросов именно данный орган разрешал возникшие разногласия. Помимо этого, Собственная Его Императорского Величества канцелярия разрабатывала соответствующие изменения и дополнения в законодательство Российской империи, в частности, в положения, относящиеся к условиям для заключения брака и к основаниям для расторжения брака представителями неправославных конфессий. Данные суждения позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на господство в Российской империи православной религии, государственными органами также тщательно осуществлялось своевременная разработка законопроектов, в которых определялся правовой статус каждой из неправославных конфессий. Так, из вышеуказанного примера мы видим, как для усовершенствования законодательства в сфере условий для заключения брака лютеран в Российской империи анализировалось законодательство зарубежных государств, касающееся разрешаемого вопроса.

Библиографический список

1. Алишина Г. Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 151–156.
2. Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX–начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 39–113.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6991. Оп. 3. Д. 33. С. 33–34.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1830–1885, Т. XI, XVII, XXXVIII.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 5. Д. 1126. С. 1–3.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1845. Т. IV, XVII.

7. Уставы Духовных дел иностранных исповеданий. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 05.11.2024).

© Дурнева Н. С., 2025

УДК 347.743:351.756.5(469)

Ермолаев О. И. – старший юрист-консульт Правового отдела МВД по Республике Башкортостан

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С ПРАВОВЫМ МЕХАНИЗМОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье автором исследуется и устанавливается взаимосвязь международных правовых актов в сфере миграционного законодательства и недопустимости вмешательства во внутренние дела государств с осуществлением анализа на основе складывающейся судебной практики, выработанных способов защиты от подобного рода вмешательства, в том числе при попытке их преодоления со стороны иностранных граждан.

Ключевые слова: миграционное законодательство, вмешательство во внутренние дела государства, иностранные граждане, гражданство, ограничение, запрет нахождения на территории Российской Федерации.

Abstract. In this article, the author examines and establishes the relationship between international legal acts in the field of migration legislation and the inadmissibility of interference in the internal affairs of states, analyzing the emerging judicial practice and the developed methods of protection against such interference, including attempts by foreign citizens to overcome them.

Keywords: migration legislation, interference in the internal affairs of a state, foreign citizens, citizenship, restrictions, and prohibition of staying in the Russian Federation.

Миграционное законодательство Российской Федерации сегодня является одним из самых динамично развивающихся сфер законодательства. Согласно сведений, приведенных в Обзоре о результатах судебно-исковой работы в системе Министерства Внутренних Дел Российской Федерации в 2024 году [7], только за прошедший год было внесено 15 изменений в базовые федеральные законы, регулирующие данную сферу правоотношений.

Не стал в этом плане исключением и 2025 год. Так, например, на основании Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 года № 205 [4] на базе Главного управления по вопросам миграции создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России. Отдельным должностным лицам органов внутренних дел предоставлены полномочия на принятие решения об административном выдворении иностранных граждан за пределы страны в случаях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2].

Безусловным в этой связи является и тот факт, что проводимое реформирование обращает на себя внимание широкого круга общественности, а вносимые изменения и складывающаяся судебная практика требуют научного осмысления для понимания в целом вектора развития государства и проводимой ею политики. Рассматривая и анализируя миграционное законодательство сквозь призму правового механизма противодействия вмешательству во внутренние дела государства следует отметить наличие тесной взаимосвязи этих двух сфер правоотношений. В настоящее время эта взаимосвязь обусловлена не только тем фактом, что они находятся в числе наиболее актуальных сфер, над развитием которых ведется активная, кропотливая законодательная работа, но еще и тем безусловным фактом, что миграционное законодательство непосредственно составляет и образует наряду с другими сферами законодательства правовой механизм противодействия вмешательству во внутренние дела. Подтверждением наличия необходимости включения миграционного законодательства в данный правовой механизм является, например то, что Российская Федерация как и многие другие государства мира является государством, активно привлекающим трудовые ресурсы, осуществляющим культурное (образовательное) сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья, в число которых входят как государства, образовавшиеся после распада СССР, так и другие государства, с которыми у Российской Федерации сложились на современном этапе на длительной основе дружеские отношения (например, Индия, Китай, многочисленные государства Африканского региона). Прибывая в Российскую Федерацию, иностранные граждане проходят сложные процессы, связанные часто с их адаптацией, социализацией, ассимиляцией. Сталкиваясь с данными процессами, одной из задач миграционного законодательства является обеспечить баланс интересов между иностранным гражданином и Российской Федерации, выражающийся в возможности, с одной стороны, реализовать в полной мере ту или иную официально заявленную цель прибытия гражданина (работа, учеба и т. д.), а с другой стороны, одновременно создать эффективный комплекс защитных, правовых мер по отношению к Российской Федерации и ее гражданам в случае осуществления прибывшим иностранцем противозаконной деятельности. Примеров противозаконной деятельности иностранных граждан, которые могут

квалифицироваться как вмешательство во внутренние дела Российской Федерации, много. Для закрепления понимания необходимо начать с официального определения: «вмешательство во внутренние дела, под которым понимается деятельность со стороны иностранных государств, юридических и физических лиц, их объединений, имеющая целью изменение основ конституционного строя, территориальной целостности Российской Федерации, ее внутренней и внешней политики, состава и структуры органов государственной и муниципальной власти». Указанное правовое определение было отражено в Предварительном докладе Временной комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по защите государственного суверенитета, представленной на 420 заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 10 октября 2017 года [5]. Переходя от официального определения к конкретным примерам угроз противозаконной деятельности иностранных граждан, которую возможно квалифицировать как вмешательство во внутренние дела Российской Федерации, следует в качестве примера привести организацию массовых общественных беспорядков, мятежей, осуществления экстремистской деятельности, публичные призывы к осуществлению подобного рода деятельности, незаконный оборот наркотиков и т. д. Для подтверждения регулярного участия иностранных граждан в противозаконной деятельности на территории Российской Федерации достаточно обратиться к средствам массовой информации, публикующим подробности резонансных чрезвычайных происшествий, среди которых из недавно произошедших, например, теракт в Крокус Сити Холл [8] или конфликт на межнациональной почве в Липецке, произошедший в мае 2025 года [9]. Естественно, не остается эта тема без внимания со стороны государства, о чем свидетельствуют позиции высших должностных лиц, например, в лице Министра Внутренних Дел Российской Федерации, заявившего в октябре 2024 года в ходе проведения заседания Коллегии Министерства о всплеске количества конфликтов с участием мигрантов, связанных с их противоправным и антиобщественным поведением [10]. Выявление осуществления иностранными гражданами противозаконной деятельности требует от государства в лице его правоохранительных органов, в числе которых и органы внутренних дел, решительного комплекса мер, направленных не только на пресечение дальнейшего осуществления противоправной деятельности и назначения, реализации наказания за конкретное преступное деяние (правонарушение), но и в дальнейшем применительно к самому иностранному гражданину в целях недопущения его дальнейшего нахождения на территории Российской Федерации. К одним из подобного рода мер является решение об ограничении или запрете нахождения на территории Российской Федерации, включение в список лиц, которым запрещен въезд на территорию государства, принимаемое подразделениями по вопросам миграции органов внутренних дел. Вместе с тем, как и любое другое принимаемое в правовом государстве решение, решение об ограничении

или запрете нахождения на территории Российской Федерации должно быть основано на правовой норме, соответствовать фактическому положению дел и отвечать требованиям соразмерности в отношении абсолютно любого иностранного гражданина, что может являться предметом проверки в части законности принятого решения со стороны органов судебной власти.

Анализируя складывающуюся судебную практику по делам, где дается оценка законности принимаемых решений об ограничении или запрете нахождения на территории Российской Федерации, органы судебной власти при рассмотрении в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3] данного вида дел, исходят из необходимости установления наличия (отсутствия) совокупности следующих юридически значимых фактов по отношению к иностранному гражданину:

конкретного поведения иностранного гражданина, указывающего и выражающего неуважение к законам Российской Федерации;

выше упомянутой соразмерности принятого решения с правонарушениями, совершенными иностранным гражданином;

формирования у иностранного гражданина устойчивой правовой и фактической связи с Российской Федерацией, в том числе в виде наличия (отсутствия) постоянного места жительства, уплаты налогов (сборов), близких родственников, членов семьи, являющихся гражданами Российской Федерации.

Подобного рода дела являлись неоднократно предметом юридической оценки со стороны высших судов Российской Федерации. Так, например, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 5 марта 2014 года № 628-О [6] отдельно указывал, что наличие у совершившего правонарушения (преступления) иностранного гражданина членов семьи, проживающих на территории Российской Федерации, не обеспечивает иностранному гражданину бесспорного иммунитета от законных и действенных принудительных мер в сфере миграционной политики.

Исходя из изложенного, решение об ограничении или запрете нахождения на территории Российской Федерации возможно рассматривать с точки зрения способа защиты от вмешательства во внутренние дела государства.

При анализе дальнейших вариантов развития ситуации с участием иностранного гражданина, в отношении которого принято решение об ограничении или запрете нахождения на территории Российской Федерации, наиболее распространенным способом его нелегального преодоления являются попытки въезда лиц в Российскую Федерацию с использованием различных документов, удостоверяющих личность, под разными персональными данными (фамилией, именем, отчеством). Исходя из анализа судебной практики часто в дальнейшем данные лица приобретают гражданство Российской Федерации с использованием процедуры упрощенного приема в гражданство на основании международных соглашений, заключенных

между Российской Федерацией и отдельными государствами (например, Республика Кыргызстан, Республика Беларусь, Республика Казахстан) [1]. В свою очередь органы внутренних дел Российской Федерации, впоследствии установив факт незаконного въезда в Российскую Федерацию при наличии имеющегося соответствующего запрета на въезд, принимают решение об аннулировании решения о приеме в гражданство. Рассматривая подобного рода административные дела, суды, принимая решение о законности действий органов внутренних дел отдельно отмечали, что «изменение административным истцом фамилии, имени, отчества и несообщение об этом уполномоченному органу направлены на создание видимости его легального пребывания на территории России, свидетельствует о незаконности приобретения им гражданства Российской Федерации».

Подводя итог проведенному анализу, сделаем вывод, что повсеместная, регулярная служебная деятельность органов внутренних дел, направленная на обеспечение соблюдения миграционного законодательства, имеет в качестве одного из своих предназначений недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации и в этой связи входит в соответствующий правовой механизм, направленный на его противодействие.

Библиографический список

1. Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства от 26 февраля 1999 года // Бюллетень международных договоров. № 12. 2002.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256; Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 7 января. № 1 (ч. I). Ст. 1; Парламентская газета. 2002. 5 января. № 2-5.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Российская газета. 2015. 11 марта. № 49; Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. 9 марта. № 10. Ст. 1391. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.09.2025).

4. О совершенствовании государственного управления в сфере миграции : указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 года № 205 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. 7 апреля. № 14. Ст. 1692; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.09.2025).

5. Предварительный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета, представленный на 420 заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 10 октября 2017 года // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/83881/transcript/> (дата обращения: 24.09.2025).

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 года № 628-О. Текст документа официально опубликован не был.

7. Обзор о результатах судебной работы в системе Министерства Внутренних Дел Российской Федерации в 2024 году. Текст документа официально опубликован не был.

8. Суд назвал имена фигурантов дела о теракте в «Крокус Сити Холле» // Радио РБК. 2024. 24 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2024/660064ad9a79471d61577e41> (дата обращения: 24.09.2025).

9. Уроженца Центральной Азии лишили гражданства РФ после конфликта в Липецке // Ведомости. 2025. 1 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/central/news/2025/05/01/1107942-urozhentsa-tsentralnoi-azii-lishili> (дата обращения: 24.09.2025).

10. МВД насчитало свыше 740 тыс. мигрантов, незаконно находившихся в РФ на 1 октября // Интерфакс. 2024. 30 октября. URL: <https://www.interfax.ru/russia/989369> (дата обращения: 24.09.2025).

© Ермолаев О. И., 2025

УДК 347.7:004.8

Игбаева З. Р. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ современных вызовов, порождаемых стремительным развитием использования искусственного интеллекта. Исследуется нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта, особенности его правового статуса, анализируются различные взгляды ученых на проблему правового положения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, права человека, правовое регулирование, право на защиту, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of modern challenges generated by the rapid development of the use of artificial intelligence. The article examines the legal regulation of artificial intelligence, the features of its

legal status, analyzes the different views of scientists on the problem of the legal status of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, human rights, legal regulation, the right to protection, National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030.

6 июня 2025 года В. В. Путин провел заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Главной темой которой был запуск новых национальных проектов, направленных на достижение национальных целей развития России на период до 2030 года и перспективу до 2036 года.

Среди заявленных приоритетов особое внимание уделено проведению комплексных исследований в области искусственного интеллекта (далее – ИИ). Необходимость комплексного анализа нормативных актов, устанавливающих правила взаимодействия субъектов права в условиях активного распространения автоматизированных систем принятия решений, обуславливает актуальность междисциплинарных исследований, проводимых на стыке информатики и юридической науки.

Целью обозначенных исследовательских усилий является разработка теоретико-методологических основ эффективного использования ИИ, а также защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

За последние годы ИИ стал неотъемлемой частью нашей жизни, проникая в различные сферы человеческой деятельности. Вместе с быстрым развитием технологий ИИ возникают и новые юридические вопросы, связанные с его использованием. Быстрое развитие ИИ и расширяющееся использование на практике требует дополнительного регулирования.

Нормативно-правовое регулирование отношений в сфере ИИ – сложная и быстро развивающаяся область. Задача заключается в создании правовых рамок, которые с одной стороны, стимулировали бы инновации и развитие технологий ИИ, а с другой – могли бы обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также безопасность и надежность систем ИИ.

В России регулирование ИИ находится на стадии активного формирования: на сегодняшний день нет единого нормативного правового акта, который бы охватывал все аспекты разработки и применения ИИ. Тем не менее существуют и появляются различные нормативные правовые акты, которые затрагивают отдельные вопросы использования ИИ в России.

С 1 января 2025 года введен в действие национальный стандарт «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» (Приказ Росстандарта от 28 октября 2024 года № 1550-ст) (ГОСТ Р 71476-2024). В данном стандарте содержатся стандартизированные концепции и терминология, которые должны помочь более широкому кругу заинтересованных сторон лучше понять и использовать технологию ИИ. В стандарте термин ИИ определяется только в смысле дисциплины,

а именно область науки и техники, рассматривающая технические системы, которые порождают такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора поставленных человеком задач.

Легальное определение ИИ дано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, которая 15 февраля 2024 года Указом Президента России обновлена [1] и в Федеральном законе от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года является основополагающим для определения государственной политики в сфере ИИ в России, определяет цели, задачи и направления развития ИИ в России на период до 2030 года.

Главная цель стратегии – обеспечить ускоренное развитие ИИ в Российской Федерации, проведение научных исследований в этой области, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для разработки и внедрения технологий ИИ, а также совершенствование системы подготовки кадров.

В данных актах под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Правовой статус ИИ остается предметом интенсивных дискуссий среди юристов и исследователей. Предложены различные подходы к решению этого вопроса, начиная от радикальных идей полной интеграции ИИ в правовую систему и заканчивая осторожными попытками адаптации существующих норм.

Наиболее развиваемой в научных трудах является теория фиктивной правосубъектности ИИ, предполагающая придание правовому положению ИИ отдельных черт, присущих статусу юридических лиц [2, с. 90–98].

Так, анализируя проблему правового положения ИИ В. В. Архипов и В. Б. Наумов [3, с. 46–62], приходят к выводу о необходимости добавления в подраздел 2 «Лица» части первой Гражданского кодекса Российской Федерации главы 5.1 «Роботы-агенты».

Вместе с тем существуют и иные подходы. Например, Е. Н. Ирискина и К. О. Беляков считают, что вследствие массового развития технологии ИИ с целью регламентирования вопросов гражданско-правовой ответственности необходимо ввести «квазисубъект-робота» в гражданские правоотношения [4, с. 63–72].

Этот подход заслуживает особого внимания в научном сообществе, так как базируется на чисто доктринальном понятии «квазисубъект», которым обозначается особая категория, имеющая признаки, сходные с характеристиками субъекта права, но не обладающая всеми обязательными свойствами последнего, такими как воля, правоспособность.

На наш взгляд интересен также термин «акторы», который введен Кодексом этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 года).

Под авторами ИИ понимается круг лиц, в том числе иностранных, принимающих участие в жизненном цикле систем ИИ при его реализации на территории Российской Федерации или в отношении лиц, находящихся на территории Российской Федерации, включая предоставление товаров и оказание услуг [5]. К таким лицам относятся в том числе: разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели/системы ИИ; заказчики, получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица, осуществляющие формирование наборов данных для применения их в ИИ; эксперты, а также иные лица, действия которых потенциально могут повлиять на результаты действий ИИ.

Независимо от выбранного подхода к установлению правового статуса ИИ, его наделение качествами субъекта права неизбежно сопровождается различными оценками и научными дискуссиями. Одним из важнейших доводов отмечается, что присвоение ИИ статуса субъекта права влечет за собой угрозу неправомерного перенесения ответственности за негативные последствия его функционирования на сами технологии, фактически исключая реальную ответственность лиц, принимающих решения о разработке, внедрении и контроле за работой ИИ.

Такой подход вызывает обоснованные опасения ввиду отсутствия у ИИ элементов сознания и свободной воли, являющихся необходимыми условиями наличия полноценной правосубъектности. Подход, предусматривающий восприятие ИИ как субъекта права, существенно искажает базовые основы правовой доктрины, где право принадлежит лишь тем, кто способен осознать свои действия и нести личную ответственность за совершенные деяния.

Возникают дополнительные вопросы и препятствия в сфере применения инструментов ответственности к ИИ. Методы юридической репрессии, используемые в отношении людей и организаций, оказываются неприменимы к ИИ, так как последний не обладает сознанием и эмоциями, позволяющими усвоить урок и предотвратить будущие нарушения.

Дополнительно встает проблема надлежащего разрешения конфликтных ситуаций. Если возникнет необходимость привлечь ИИ к ответственности, появятся сложности с определением конкретных оснований и методов наказания, учитывая специфику природы и функционирования этой технологии.

Следовательно, принятие решений о праве ИИ выступать в качестве полноправного субъекта приведет к значительным изменениям и нагрузкам на действующую правовую систему, создавая условия для возможных злоупотреблений и затрудняя эффективное разрешение споров. Поэтому любая инициатива по изменению действующего порядка нуждается в глубоком анализе и детальном изучении возможных последствий.

В мае 2025 года в Государственную думу внесли законопроект, расширяющий действие Гражданского кодекса Российской Федерации на ИИ. Так, в пояснительной записке указано, что уровень сложности и эффективности технических решений, реализованных на компьютерных устройствах, крайне высок, в связи с чем они являются ценным нематериальным активом и нуждаются в эффективной патентно-правовой охране, которая может быть обеспечена положениями предлагаемого законопроекта.

В заключение хотелось бы отметить, что хотя единой универсальной модели пока не выработано, очевидно, что дальнейшие исследования и обсуждение необходимы для формирования правового регулирования ИИ, учитывающего современные тенденции технологического прогресса и социальную значимость новых технологий. Регулирование ИИ является сложной и многогранной задачей, но тем не менее необходимо найти баланс между стимулированием инноваций и обеспечением защиты прав и законных интересов граждан.

Российское государство проявляет активную позицию в формировании необходимой нормативной базы, внедряя прогрессивные законы и стандарты, направленные на поддержание высокого уровня развития отрасли ИИ. Законопроекты, внесенные в Госдуму, и принятые нормативные акты свидетельствуют о стремлении органов власти создать оптимальные условия для дальнейшего продвижения инноваций и защиты интересов граждан.

Важно отметить, что успешное будущее технологий ИИ зависит не только от технической составляющей, но и от глубокого понимания социальных и правовых аспектов их применения. Только продуманное сочетание инновационного потенциала и надежного правового сопровождения обеспечит устойчивость и благополучие нашего общества.

Таким образом, дальнейшее изучение и развитие подходов к правовому регулированию ИИ остаются актуальной задачей современности. Очевидна потребность в тесном взаимодействии представителей науки, государственных органов для выработки согласованной и эффективной правовой политики, направленной на гармоничное сосуществование высоких технологий и человеческих ценностей.

Библиографический список

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 (редакция от 15 февраля 2024 года). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Балашова А. И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве : объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Июнь. № 2 (36). С. 90–98.
3. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права : о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62.
4. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями Робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. №10. С. 63–72.
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 года), разработан Альянсом в сфере искусственного интеллекта при поддержке Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации и Минэкономразвития России в соответствии с положениями Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Игбаева З. Р., 2025

УДК 351.74

Игнатова З. Р. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проблемными аспектами защиты прав сотрудников органов внутренних дел. Проведена параллель между отдельными вопросами защиты прав сотрудника органов внутренних дел и наличием вакантных должностей в органах внутренних дел.

Ключевые слова: национальная безопасность, комплектование, кадровый голод, МВД России, органы внутренних дел, права и свободы человека и гражданина.

Abstract. The article discusses topical issues related to problematic aspects of protecting the rights of law enforcement officers. A parallel is drawn between individual issues of protecting the rights of an employee of the internal affairs bodies and the availability of vacant positions in the internal affairs bodies.

Keywords: national security, recruitment, personnel shortage, the Ministry of Internal Affairs of Russia, internal affairs agencies, human and civil rights and freedoms.

Министр МВД России Владимир Колокольцев начиная с 2022 года обращает внимание органов различных ветвей власти на проблему с комплектованием кадрами органов внутренних дел. 5 марта 2025 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин поручил Правительству Российской Федерации предложить меры по решению проблемы кадрового некомплекта в системе МВД России и отметил о необходимости укрепления социальных гарантий, повышения денежного содержания сотрудников.

Прогнозы в средствах массовой информации о критическом некомплекте кадров в МВД России являются тревожными и обосновывают необходимость выработки действенных мер по противодействию оттоку кадров.

Знаменитая фраза Иосифа Сталина, которую он произнес перед выпускниками военных академий: «Кадры решают все» – сегодня актуальна как никогда [1]. В связи с чем в рамках проведения исследования принято решение о необходимости осуществления анализа уровня защиты прав и свобод сотрудника органов внутренних дел на современном этапе развития законодательства.

В рамках научной статьи рассмотрим наиболее актуальные и освещаемые проблемы реализации прав и свобод сотрудника органов внутренних дел: жилищное обеспечение, трудовые права и свободы, специальные права на реализацию государственных полномочий.

Вопрос с жилищным обеспечением сотрудников МВД России является злободневным и актуальным. Подтверждается это и на самом высоком уровне. 19 октября 2022 года Владимир Колокольцев сообщил о наличии очереди – 87,5 тысяч сотрудников. При этом в 2022 году получили жилье только 408 сотрудников, а в период с 2012 года по 2022 год – 16 тысяч. 5 марта 2025 года Министр внутренних дел Российской Федерации сообщил о дополнительном финансировании со стороны Правительства Российской Федерации, благодаря которому свыше 2,8 тысяч сотрудников полиции получили возможность купить жилье.

По состоянию на 1 октября 2025 года единые социальные выплаты для приобретения жилья получили 562 семьи (пенсионера), из которых 21 семья погибших (умерших) сотрудников.

Таким образом можно сделать вывод, что финансирование, которое осуществляется для выделения жилья сотрудникам органов внутренних дел не является достаточным для покрытия нужд очередности.

С авторской точки зрения для более эффективного использования денежных средств предлагается:

1. Распространить накопительную ипотечную систему по аналогии с военными на сотрудников МВД России. Это позволит отказаться от финансирования найма сотрудниками полиции жилья и перенаправить денежные средства на реализацию права на жилищное обеспечение.

2. Внести изменения в законодательство в виде взимания государственной пошлины по аналогии с исковыми требованиями в судах по факту обращения не по существу полномочий сотрудников органов внутренних дел (у соседа громко лает собака, в подъезде не горит лампочка и другие). Данный подход позволит снизить объем обращений в полицию по фактам, не относящимся к полномочиям сотрудников органов внутренних дел. В настоящее время большой поток информации, не относящийся к полномочиям сотрудников органов внутренних дел, поступает на пульт дежурной части территориального отдела, отвлекая личный состав от выполнения основных функций. Сотрудник дежурной части вынужден направлять на данные сообщения участкового уполномоченного полиции для проведения проверки и вынесения решения о приобщении материала к номенклатурному делу.

3. Снизить объем документации и требований к ее оформлению. В настоящее время объем документации, оформляемой по фактам проведения проверок и расследования уголовных дел, остается значительным. Так, например, для расследования уголовного дела по факту кражи продуктов питания из магазина, где имеются видеоматериалы, доказывающие причастность лица к совершенному деянию, лицо само признает факт совершения преступления, дополнительно оформляется огромное количество процессуальных документов. В результате формируется уголовное дело на 200–250 листов, что занимает время и ресурсы органов внутренних дел.

Следующим немаловажным вопросом реализации прав сотрудника МВД России являются гарантии соблюдения трудовых прав. С авторской позиции считаем необходимым учитывать фактический некомплект в подразделении территориального отдела МВД России и перераспределять заработную плату по вакантной должности в счет денежного довольствия находящихся в строю сотрудников органов внутренних дел. Данный подход позволит не выделяя дополнительных финансовых средств увеличить годовой доход действующих сотрудников органов внутренних дел.

Подводя итоги отметим, что вопрос о социальном обеспечении сотрудников органов внутренних дел по сегодняшний день остается актуальным и Правительство Российской Федерации делает все для эффективной реализации прав и свобод государственных служащих. Предлагаемые выше

меры позволили бы более рационально и эффективно использовать выделяемые финансы для улучшения финансового обеспечения сотрудников органов внутренних дел.

Библиографический список

1. Мурсалимов А. Т. О накопительно-ипотечной системе для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : перспективы законопроекта // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2025. № 2. С. 67–71.

2. Золотова Е. В. Правовые и организационные основы аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : дис. канд. юрид. наук. М., 2025. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01013414117?page=1&rotate=0&theme=white>.

© Игнатова З. Р., 2025

УДК 351.74.078 (470)

Исмагилова А. Р. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В научной статье рассмотрены вопросы профилактической деятельности подразделений по делам несовершеннолетних; определены категории лиц, в отношении которых ведется индивидуальная профилактическая работа.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, подразделения по делам несовершеннолетних, индивидуальная профилактическая работа.

Abstract. This scientific article examines the preventive activities of juvenile affairs departments and identifies the categories of individuals for whom individual preventive work is carried out.

Key words: crime prevention, juvenile affairs units, individual preventive work.

Подразделения органов внутренних дел, осуществляющие профилактику противоправных деяний среди несовершеннолетних, создаются и функционируют во всех территориальных органах районного звена. Кроме

того, в структуре территориальных органов регионального уровня существуют специальные отделы, обеспечивающие общую координацию и контроль за их деятельностью. Вместе с тем, помимо названных подразделений, работа по предупреждению безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних проводится и участковыми уполномоченными полиции, которые реализуют полномочия по названным вопросам на обслуживаемых ими административных участках. Рассматриваемые подразделения обеспечивают выявление несовершеннолетних, допускающих противоправное поведение, а также семьи, в которых их воспитанию не уделяется должного внимания. В этом процессе задействованы и иные подразделения и службы, включая патрульно-постовую службу полиции, подразделения по противодействию экстремизму, обороту наркотиков, уголовного розыска.

Вышеуказанное подтверждает важность предупредительной деятельности с целью минимизации негативных социальных явлений в виде безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних со стороны органов внутренних дел. Инспекторы по делам несовершеннолетних имеют право доставлять несовершеннолетних, совершивших правонарушения, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, нуждающихся в помощи, в подразделения территориальных органов внутренних дел и центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Чернова С. С. говорит о том, что «профилактика правонарушений представляет собой совокупность превентивных мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния правопорядка, в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, спокойствия в обществе и в государстве в целом и при определении понятия «профилактика правонарушений», при этом придерживается в большей мере законодательной трактовки, так как уделяет внимание именно на меры превентивного характера. То есть она предполагает процесс, включающий в себя различного рода мероприятия, которые направлены на недопущение совершения правонарушений [1].

Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних и родителей или законных представителей, не исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних, и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними.

Индивидуальная профилактическая работа проводится в отношении несовершеннолетних:

- употребляющих наркотические средства или психотропные вещества или одурманивающие вещества без назначения врача;
- совершивших правонарушение, повлекшее применение меры административного взыскания;
- освобожденных от уголовной ответственности вследствие акта об амнистии или в связи с изменением обстановки, а также в случаях, когда

признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия;

- совершивших общественно опасное деяние и не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

- подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу;

- освобожденных от отбывания наказания по различным основаниям, предусмотренным уголовным законом;

- получивших отсрочку отбывания наказания или отсрочку исполнения приговора;

- освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;

- осужденных за совершение преступления небольшой или средней тяжести и освобожденных судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

- условно осужденных, осужденных к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетним должна проводиться с учетом особенностей его личности, окружения, характера совершенных правонарушений, условий семейного воспитания. Указанные обстоятельства устанавливаются в ходе проведения профилактических бесед с несовершеннолетним, его родителями или иными законными представителями, другими лицами из окружения несовершеннолетнего, посещения несовершеннолетнего по месту жительства, изучения характеризующих материалов. В ходе проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних выясняют его образ жизни, связи и намерения, разъясняют последствия совершения им противоправных действий. В ходе проведения индивидуальной профилактической работы совместно с другими органами и организациями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних решаются вопросы об организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетнего.

Большую роль в процессе профилактической деятельности играет образ самого инспектора по делам несовершеннолетних. Открытость, авторитет, убедительность, тактичность – важнейшие качества инспектора по делам несовершеннолетних. Среди личностных качеств, необходимых инспектору по делам несовершеннолетних, можно выделить доброту, высокий уровень интеллекта, самоконтроль, коммуникабельность. Наличие педагогического образования при приеме на работу является положительным моментом.

Предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется силами субъектов органов государственного управления и учреждений, которые функционируют в их подчинении. В указанной системе действует коллективный орган – комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Так, основным полномочием названного органа является координация деятельности всех служб и подразделений по рассматриваемому направлению деятельности. Кроме того, в систему органов рассматриваемого вида предупредительной деятельности входят различные государственные органы, среди которых органы образования, трудоустройства, медицины, социального обеспечения и иные. Также существуют специализированные субъекты, к примеру органы исполнения наказаний, которые обеспечивают предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с контингентом подозреваемых, а также осужденных лиц. Вместе с тем, основным участником названных правоотношений следует признавать органы внутренних дел, которые разрешают значительное количество задач, связанных с рассматриваемым направлением предупредительной работы. Это также объясняется тем, что задачи по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних возложены не только на специальные подразделения по делам несовершеннолетних, но и на иные. Таким образом, предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является одним из направлений предупредительной работы органов внутренних дел в целом, в ходе которого используется весь арсенал форм и методов профилактического воздействия.

В связи с растущим уровнем совершения правонарушений несовершеннолетними, вовлечения их в противоправную деятельность, роста употребления ими наркотических, психотропных веществ, а также алкоголя, необходимо проработать нормативный правовой акт, который бы регламентировал порядок взаимодействия, а также закрепления перечня обязанностей конкретных органов исполнительной власти, в том числе полиции по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Несомненно, ключевую роль в рамках такого взаимодействия должны выполнять органы внутренних дел, специальные подразделения которых должны стать основным координирующим звеном системы всех задействованных субъектов.

Важно отметить, что применение мер воздействия на несовершеннолетних должно быть направлено не только на наказание, но и на воспитание, изменение поведения и предотвращение повторных правонарушений. Данный вопрос является актуальным и многогранным, который требует комплексного подхода. Воспитание является фундаментом для развития личности, определяя его моральные принципы и этические установки, что напрямую сказывается на его поведении и отношении к правопорядку.

Административные правонарушения среди несовершеннолетних представляют собой серьезную проблему для общества, поскольку такие

действия могут не только повлечь за собой негативные последствия для самих нарушителей, но и негативно влиять на окружающих. Поэтому важно рассматривать воспитание как один из факторов, способствующих профилактике правонарушений, а также развитию правосознания у молодежи.

Таким образом, подразделения по делам несовершеннолетних являются важным элементом системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, и значимость данных подразделений невозможно переоценить. Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел продолжают развиваться, улучшая свои функции и расширяя возможности, чтобы обеспечить защиту прав и свобод граждан, поддерживая тем самым стабильность в обществе.

Библиографический список

1. Чернова С. С. Профилактика правонарушений на современном этапе // Концепт. 2017. № 20. С. 101–106.

© Исмагилова Р. А., 2025

УДК 343.1

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются некоторые вопросы содержательного характера, раскрывающие правообеспечительную составляющую принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; выделяются и анализируются отдельные его элементы, на основе чего вносятся предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, защита прав личности, механизм защиты прав участников уголовного процесса.

Abstract. The article examines some substantive issues that reveal the legal component of the principle of protection of human and civil rights and freedoms

in criminal proceedings, highlights and analyzes its individual elements, and makes proposals for improving criminal procedure legislation

Keywords: protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings, protection of individual rights, and the mechanism for protecting the rights of participants in criminal proceedings.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) установил принципы уголовного судопроизводства как отдельный категориальный аппарат. Нормативная история данного института свидетельствует о том, что в законодательных актах имперского, советского и раннего постсоветского времени об охране прав и свобод личности речи не велось. Исследователи акцентировали внимание лишь на функциях уголовного судопроизводства.

Во все времена существования уголовного процесса функции обвинения, защиты и разрешения уголовных дел оставались неизменны и лицо, осуществляющее расследование, представлялось ответственным за реализацию функции обвинения. Однако высказывались точки зрения и относительно исполнения функции защиты данным субъектом уголовного судопроизводства. Так, в обязанности следователя того времени входил поиск доказательств не только для подтверждения обвинения лица, совершившего преступление, но и для его оправдания. Об этом говорил в своих работах М. В. Духовский. Он отмечал: «...защита проявляется следователем, обязанным собирать не только обстоятельства уличающие, но и оправдывающие, должен исполнять просьбы подсудимого о проверке обстоятельств, могущих влиять на решение дела» [1, с. 192]. Аналогичную точку зрения высказывал С. И. Викторский [2, с. 237].

Вопрос о правах и свободах личности долгое время не принимался во внимание со стороны научных деятелей. Для них более важным моментом была реализация всех функций уголовного судопроизводства. Если функция обвинения реализовывалась в полном объеме, то функция защиты в деятельности такого субъекта как следователь реализовывалась не полностью, поэтому привлекала большое внимание со стороны исследователей.

Взгляды науки во времена советских исследований каких-либо изменений не претерпели. Они были все также направлены на функциональную составляющую. М. С. Строгович отмечал, что в ходе предварительного расследования «функция обвинения сливается с другими функциями следственного органа, является составной частью его деятельности, направленной к выяснению всех обстоятельств уголовного дела. Следовательно, обвинение в собственном смысле этого слова, т. е. собирание обвинительного материала, уголовное преследование, доказывание виновности данного лица, является одной стороной деятельности следственного органа, которая тем самым должна включать в себя и другую сторону – функцию защиты обвиняемого» [3, с. 125–126].

Если ранее охрана личности не представляла интереса, а внимание заслуживала лишь функциональная составляющая, то в настоящее время все иначе. В современном уголовном процессе уже непосредственно присутствует момент, связанный с правообеспечительной деятельностью лиц, которые проводят расследование по уголовным делам. Данный вид деятельности является многогранным, ведь включает в себя комплекс отдельно взятых действий. Можно выделить несколько элементов, связанных с их реализацией.

1. Наделение участников уголовного судопроизводства процессуальным статусом. Каждый участник уголовного судопроизводства обладает своим перечнем прав и обязанностей, то есть, наделен своим правовым статусом. Но прежде чем наделить того или иного участника определенным объемом прав и обязанностей, необходимо осуществить его юридическую постановку в статус участника уголовного процесса. При производстве по уголовному делу наделение лица определенным статусом производится, как правило, путем вынесения соответствующего процессуального документа. Данный документ для каждого участника разный. Например, для потерпевшего это постановление о признании потерпевшим. При вынесении соответствующего процессуального документа в обязанности лица, в чьем производстве находится уголовное дело, входит ознакомление лица с данным документом. При ознакомлении с текстом документа проводится одновременное ознакомление с перечнем прав и обязанностей, которыми наделяется лицо. В этом заключается первоначальный элемент правообеспечительной деятельности должностного лица, ведь при разъяснении правового статуса непрофессиональному участнику уголовного процесса он извещается о предоставляемых ему правах, о том, какие действия ему совершать нельзя, и чем можно воспользоваться для защиты своих интересов. Необходимо сказать, что в правоприменительной практике получила распространение обособленная процедура разъяснения статуса участника уголовного судопроизводства, при которой следователь, дознаватель, путем вынесения отдельного протокола, ознакомливает соответствующее лицо с комплексом принадлежащих ему прав. Также некоторые представители адвокатского сообщества практикуют при первом знакомстве с доверителем отбирать у него заявление с разъяснением ключевых прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В частности, поясняется возможность отказа от дачи показаний по ст. 51 Конституции РФ, право признать вину полностью или частично, либо не признавать вину и не давать показания. Здесь же доверитель предупреждается о правовых последствиях всех своих действий, связанных с выбором защитительной позиции, которую поддержит адвокат.

2. Разрешение различного рода обращений участников уголовного процесса. Следователь может осуществлять правообеспечительные действия са-

мостоятельно в ходе производства по уголовному делу, но в некоторых случаях ему может поступить также обращение от субъекта уголовного процесса для совершения или не совершения определенных действий с целью защиты прав данного лица. Чаще всего обращение следователю поступает в форме ходатайства (гл. 15 УПК РФ). Последнее рассматривается лицом, проводящим расследование по уголовному делу, затем по нему принимается соответствующее процессуальное решение. «Кроме ходатайств УПК РФ предусматривает другие формы обращения лица к следователю, которые также должны быть приняты и разрешены в законном порядке: заявление (п. 1 ч. 3 ст. 60, ч. 4 ст. 166), замечание (п. 10 ч. 2 ст. 42, ч. 6 ст. 166), просьба (ч. 2 ст. 50, ч. 4 ст. 92)» [4, с. 85]. Как представляется, данные формы обращений правильно воспринимать в виде разновидности ходатайств, поэтому процессуальный режим работы с ними (подача, рассмотрение и т. д.), должен соответствовать гл. 15 УПК РФ. С целью обеспечения правильного правопонимания института обращений в уголовном процессе видится необходимым представить в ст. 5 УПК РФ обобщенное понятие ходатайств, основанное на нормативном предписании ч. 1 ст. 119 УПК РФ, включив в него все возможные варианты обращений участников уголовного судопроизводства.

3. Привлечение иных лиц для полноценной защиты прав субъектов уголовного процесса. Многие участники уголовно-процессуальных отношений закономерно являются непрофессиональными субъектами – лицами, не имеющими соответствующих юридических знаний, какого-либо опыта для осуществления полноценной защиты своих прав и законных интересов. Ведь для реализации своих интересов в уголовном судопроизводстве нужны именно знания из области юриспруденции, так как нужно владеть содержанием нормативных предписаний и иметь навыки их правореализации. В этом случае следователь привлекает к участию такого субъекта уголовного судопроизводства, как профессиональный защитник – адвокат. Он в полной мере способен оказать квалифицированную юридическую помощь, защитить права участника уголовного процесса, ведь он обладает соответствующими профессиональными компетенциями. Бывают и другие случаи. Лицо не может полноценно защитить свои права в силу возраста или при наличии психических и физических отклонений. В данном случае, помимо защитника, к участию в уголовном деле привлекается законный представитель, который сможет помочь лицу в защите своих законных интересов. При привлечении таких участников следователь также выносит соответствующий процессуальный документ.

4. Информирование участников уголовного судопроизводства. Многие участники, которые вовлечены в уголовный процесс, являются заинтересованными, поэтому по многим процессуальным действиям и решениям следователь информирует заинтересованных субъектов. Ведь у них присутствует свой личный интерес в исходе уголовного дела. Данное информиро-

вание проводится путем уведомления, вручения копий тех или иных процессуальных документов. На практике с целью соблюдения сроков уголовного судопроизводства допускается также и непроцессуальное информирование с использованием средств мобильной коммуникации. На наш взгляд, назрела необходимость скорейшего внедрения в правоприменительную практику современных форм электронной коммуникации, начало которого положено в гл. 56 УПК РФ.

5. Реализация правомочий участников уголовного судопроизводства. Для того, чтобы лицо могло в полной мере пользоваться своими правами, следователю, дознавателю необходимо создавать соответствующие условия. Например, при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемый имеет право снимать с них копии, при этом следователь не имеет права ему каким-либо образом препятствовать. Рассмотрим и другую ситуацию. Лицо не владеет языком уголовного судопроизводства. Тогда для того, чтобы участник уголовного процесса смог свободно выразиться на своем родном языке (иными словами для реализации принципа языка уголовного судопроизводства), лицо, осуществляющее расследование, привлекает к уголовному делу переводчика. С его помощью участник в полной мере может реализовать свои правомочия.

Таким образом, правообеспечительная составляющая принципа охраны прав и свобод личности имеет многоаспектное содержание, некоторые элементы которой были раскрыты в данной статье. С их помощью лица, осуществляющие уголовное преследование, как основные адресаты обеспечения принципиальных основ отечественного уголовного процесса, создают надежный фундамент защиты интересов участников уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М. : Склад изд. в книжн. маг. М. В. Клюкина, 1910.
2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. 2-е изд. М. : Изд. А. А. Карцева, 1912.
3. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса. Принцип состязательности. М. : Юрид. Изд.-во НКЮ Союза ССР, 1939.
4. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

© Каац М. Э., 2025

Каримова Г. Ю. – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье проанализированы понятие и структура правосознания, соотношение и взаимосвязь с идеологией уголовного судопроизводства современной России. Сформулировано понятие национального правосознания и его структурные компоненты. Обозначена роль духовно-нравственных ценностей в правосознании и идеологии российского общества в целом и органов государственного управления, в частности. Отмечено, что современное российское уголовно-процессуальное законодательство движется в направлении гармонизации публичного и частного начал с сохранением смешанного типа уголовного процесса.

Ключевые слова: правосознание, идеология, уголовное судопроизводство, должностные лица, духовно-нравственные ценности.

Abstract. The article analyzes the concept and structure of legal awareness, the relationship and interrelation with the ideology of criminal justice in modern Russia. The concept of national legal awareness and its structural components are formulated. The role of spiritual and moral values in the legal consciousness and ideology of Russian society in general and government bodies in particular is outlined. It is noted that modern Russian criminal procedure legislation is moving towards the harmonization of public and private principles, while maintaining a mixed type of criminal procedure.

Keywords: legal awareness, ideology, criminal proceedings, officials, spiritual and moral values.

Понятию и содержанию государственно-правовой идеологии уделяется достаточно много внимания. Несмотря на отсутствие ее законодательного закрепления, в стратегических документах указываются отдельные направления и составляющие идеологии нашего государства. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года уже в ее первом разделе «Общие положения», на наш взгляд, определились векторы современной национальной или государственно-правовой идеологии, которые направлены на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности и др. [1].

Современное уголовное судопроизводство основывается на идее признания общечеловеческих ценностей, добра и справедливости, нравственности, гуманизма, то есть совокупности общепризнанных и поддерживаемых государством ценностей. Среди традиционных духовно-нравственных ценностей выделяются высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, преемственность поколений и единство народов России. Важным является положение о том, что формирование грамотных и духовно защищенных личностей – одна из приоритетных задач в обеспечении национальной безопасности. В этой связи на первый план выступает уровень правосознания грамотных и духовно защищенных граждан Российской Федерации.

По мнению В. К. Самигуллина, правосознание можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, это чувства, эмоции, переживания, относящиеся к сфере понимания свободы, справедливости и несправедливости, прав и обязанностей, ответственности людей в обществе и государстве, а с другой – взгляды, представления, знания, убеждения, оценки, в которых выражается отношение людей к праву (закону), юридическим учреждениям и правовым отношениям [2, с. 28]. Однако, в условиях современных вызовов и угроз, таких как глобализация, проведение специальной военной операции, оказание мощного санкционного давления на Российскую Федерацию, следует в понятие правосознания заложить и глубину осознания человеком своего места и роли в многонациональном государстве с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Подлинное традиционное правосознание возникает тогда, когда люди объединяются вокруг общих идей, принципов, целей, ценностей. Эти ценности и идеи должны культивироваться государством и быть обязательными для государственных служащих, особенно для лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. В этом случае можно говорить о национальном правосознании, самоутверждении, из которых исторически вырастает государственное правосознание. А. И. Александров определяет правосознание как собственные (личные, коллективные) взгляды, представления, оценки права, его явлений с позиций справедливости, свободы [3, с. 17]. Важным компонентом правосознания, по его мнению, являются представления людей о том, каким право должно или могло бы быть. Привить людям уважение к праву, помочь осознать и принять основные демократические ценности должна государственно-правовая идеология. Неслучайно, в структуру правосознания по способу отражения действительности входят две составляющие: правовая идеология и правовая психология [2, с. 33]. Правовую идеологию следует определять как область идей, взглядов, концепций, представлений, в которых выражается отношение людей к действующему или желаемому праву, закону. Правовую психологию обычно понимают как область переживаний, настроений, чувств, эмоций, оценочных суждений,

вызванных действием в социуме правового фактора. Эти два понятия и феномена невозможно разъединить, они взаимосвязаны. По мнению В. А. Щегорцова, идеологическая и социально-психологическая стороны правового сознания образуют эмоционально-интеллектуальное единство, которое все-сторонне отражает общественное устройство [4]. Так, отсутствие государственно-правовой идеологии и низкий уровень правосознания в 90-е годы привели к насаждению либеральных идей стран Запада и, как следствие, росту преступности. Чувство обеспокоенности вызвал рост преступлений экстремистской направленности, что свидетельствовало об идеологических пустотах, выразившихся в вытеснении общественного правосознания криминальным, корыстным [5, с. 20].

Государственно-правовая идеология или национальная идеология в современных реалиях ведут к разумному сочетанию интересов личности с интересами государства. Интересы личности обычно представляют собой реализацию конституционных прав и свобод, личной безопасности, физическое, духовное и интеллектуальное развитие. Интересы государства состоят в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в безусловном исполнении законов и поддержании правопорядка, в установлении политической, экономической и социальной стабильности. Баланс интересов личности и государства возможно обеспечить при наличии у отдельного гражданина Российской Федерации высокого уровня правосознания именно в том контексте, которое определено нами выше. Гражданин Российской Федерации прежде всего должен быть патриотом своего государства, стремиться к своему духовно-нравственному развитию, прививать и возвращать в себе лучшие человеческие качества, поскольку либеральные ценности индивидуализма, эгоизма не прижились в менталитете российского народа. По мнению В. К. Самигуллина, либеральное правосознание отличается от консервативного правосознания тем, что первому присуща идея свободы, а второму – идея порядка [2, с. 130]. Для всех сторон жизнедеятельности общества и государства нужен баланс идей свободы и порядка. Деятельность органов государственного управления тоже должна основываться на балансе этих идей. В идеале государственным служащим должен становиться истинный патриот своего государства, обладающий профессионализмом, духовно-нравственным стержнем. Должностные лица, ведущие уголовный процесс, также должны обладать такими качествами, как доброта, сочувствие, эмпатия, коллективизм, соборность, милосердие и другие.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство движется в направлении гармонизации публичного и частного начал. В основе такого развития лежит признание равной социальной ценности интересов государства и личности, что соответствует требованиям Конституции Российской Федерации и международным нормам [6, с. 246]. При этом ана-

лиз положений Конституции Российской Федерации и современных международных стандартов показывает, что состязательность характерна для судебных стадий, а стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования функционируют в розыскной (несостязательной) процедуре [6, с. 168]. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сохранился значительное число норм, отличающих его от законодательства советского периода и направленных на расширение состязательности, включая законодательное закрепление принципов состязательности сторон и презумпции невиновности, укрепление положения стороны защиты. Однако это не привело к смене типа процесса: в основе он остался прежним, смешанным [3, с. 23].

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Самигуллин В. К. Правосознание : корень добра и справедливости : монография. М. : Издательство «Омега-Л». 170 с.
3. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, перспективы, проблемы / под редакцией В. З. Лукашевича. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. 562 с.
4. Щегорцов В. А. Социология правосознания / В. А. Щегорцов. М. : Мысль, 1981. 174 с.
5. Жариков Ю. С., Цветков Р. Н. Противодействие нацизму : уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография / Ю. С. Жариков, Р. Н. Цветков. М. : ИНФРА-М, 2024. 187 с.
6. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екб, 2021. 547 с.

© Каримова Г. Ю., 2025

Кийко А. Ю. – начальник Академии войск национальной гвардии, кандидат юридических наук, доцент;

Кудина С. А. – профессор кафедры публичного и частного права факультета (командного) Академии войск национальной гвардии, кандидат юридических наук

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА СЕМЬИ
ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕДИНОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ВЫПЛАТЫ СОТРУДНИКАМ РОСГВАРДИИ:
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье исследуются вопросы учета совершеннолетних детей в составе семьи сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации при получении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения. На основе анализа нормативных правовых актов и судебной практики выявлены проблемы правоприменения, связанные с критериями включения детей в состав семьи. Ключевой вывод исследования связан с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, которая признала ошибочным формальное применение возрастного ограничения без учета норм Жилищного кодекса Российской Федерации; подчеркнула необходимость комплексного толкования Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации; указала на приоритет фактической нуждаемости и совместного проживания над возрастным критерием.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата, сотрудники Росгвардии, члены семьи, совершеннолетние дети, жилищное обеспечение, судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации.

Abstract. The article examines the issues of accounting for adult children in the family of a member of the National Guard of the Russian Federation when receiving a one-time social payment for the purchase or construction of a residential building. Based on the analysis of legal acts and judicial practice, the article identifies the problems of law enforcement related to the criteria for including

children in the family. The key conclusion of the study is related to the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation (Decision of 29.07.2024), which recognized the erroneous formal application of the age limit without taking into account the provisions of the Housing Code of the Russian Federation; emphasized the need for a comprehensive interpretation of Federal Law No. 247 and Article 51 of the Housing Code of the Russian Federation; and pointed out the priority of actual need and cohabitation over the age criterion.

Keywords: one-time social payment, Rosgvardia employees, family members, adult children, housing provision, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

Исследование механизмов эффективной защиты социальных прав сотрудников силовых ведомств, среди которых приоритетное значение имеет институт единовременных социальных выплат на приобретение или строительство жилого помещения, приобретает особую актуальность. Данный правовой институт не только обеспечивает комплексную социальную защиту служащих, но и выступает существенным фактором, влияющим на привлекательность службы и мотивацию к добросовестному исполнению профессиональных обязанностей.

В современной правовой доктрине Российской Федерации судебный прецедент не признается самостоятельным источником права, а судебные акты не наделены преюдициальной силой в отношении иных правоотношений. Вместе с тем, следует отметить существенную роль судебной практики в механизме правоприменения. Правовые позиции Верховного суда Российской Федерации по вопросу включения совершеннолетних детей в состав семьи при получении единовременной социальной выплаты играют важную роль в формировании судебной практики и обеспечении единообразия правоприменения.

Согласно положениям статьи 44 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [1], сфера действия Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ) распространяется как на действующих сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, имеющих специальное звание полиции, так и на граждан, уволенных со службы из Росгвардии и членов их семей. Тем самым, законодатель сформировал единый правовой механизм предоставления социальных гарантий,

обеспечив равный подход к реализации прав сотрудников различных правоохранительных структур на получение установленных законом социальных льгот и компенсаций.

Исходя из положений действующего правового регулирования и практики его применения для возникновения права на получение единовременной социальной выплаты сотруднику войск национальной гвардии Российской Федерации необходимо одновременное соблюдение следующих юридически значимых условий: наличие минимального стажа службы продолжительностью не менее 10 лет; документально подтвержденная нуждаемость в жилом помещении; отсутствие фактов умышленного ухудшения жилищных условий со стороны сотрудника Росгвардии и совместно проживающих с ним членов семьи [3, с. 67].

Перечень обстоятельств, свидетельствующих о нуждаемости сотрудника, исчерпывающе приведен в части 2 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Так, право на получение единовременной социальной выплаты возникает у сотрудника в случае, если он выступает нанимателем жилого помещения по договору социального найма либо входит в состав семьи такого нанимателя, является собственником жилого помещения либо членом семьи собственника, при условии, что обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи составляет менее 15 кв. м. При этом учитывается совокупная площадь всех жилых помещений, занимаемых сотрудником и/или совместно проживающими с ним членами семьи.

Анализ положений части 2 статьи 1 и части 4 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ показывает, что законодатель ограничивает круг лиц, признаваемых членами семьи сотрудника при расчете единовременной социальной выплаты. В частности, после достижения 23 лет дети сотрудника, даже при совместном проживании и нахождении на учете, исключаются из состава семьи при определении размера предоставляемой сотруднику единовременной социальной выплаты.

На практике данное положение порождает ряд проблем. В частности, распространена ситуация, когда сотрудник снимается с учета в виду утраты оснований для получения единовременной выплаты, так как его ребенок, достигший 23 лет, исключается из состава членов семьи и не учитывается при определении уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения.

Для иллюстрации изложенного рассмотрим пример из судебной практики.

30 октября 2022 г. ФИО2 (в своих интересах и в интересах несовершеннолетних двоих дочерей) и ФИО1 обратились в суд с иском к Главному управлению Росгвардии по г. Москве. Предмет иска – восстановление на учете очередников на получение единовременной социальной выплаты (далее – ЕСВ) для приобретения или строительства жилья.

В обосновании заявленных требований ссылались на то, что 5 декабря 2021 г. умер майор полиции ФИО4 (супруг ФИО2, отец истцов), проходивший службу в Управлении вневедомственной охраны Росгвардии по г. Москве.

14 апреля 2022 г. жилищная комиссия Главного управления Росгвардии по г. Москве сняла семью (4 человека: ФИО4, супруга, две дочери) с учета на ЕСВ в связи с утратой оснований для получения выплаты: обеспеченность жильем составила 15,57 кв. м на человека (при норме менее 15 кв. м). Основанием для принятия такого решения явилось достижение сыном ФИО4 (ФИО1) 23-летнего возраста. Данное обстоятельство, по мнению жилищной комиссии, позволяет не учитывать ФИО1 при расчете уровня обеспеченности жилой площадью членов семьи сотрудника полиции ФИО4 в целях предоставления единовременной социальной выплаты.

Решением Хорошевского районного суда г. Москвы от 19 января 2023 г. в удовлетворении исковых требований истцам отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14 августа 2023 г. решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 19 января 2023 г. оставлено без изменения. Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2023 г. решения нижестоящих судов оставлены без изменения [4].

Анализ указанных судебных актов демонстрирует неоднозначность в толковании нормы, устанавливающей критерии отнесения лиц к членам семьи, а также порядок применения возрастного порога в целях предоставления социальной выплаты.

Следует отметить, что, во-первых, порядок получения выплаты регламентируется Правилами предоставления единовременной социальной выплаты, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации № 1223 от 30 декабря 2011 г. [5], где в пункте 19 содержится исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых сотрудник снимается с учета для получения единовременной социальной выплаты. Однако факт достижения детьми сотрудника 23-летнего возраста (при совместном проживании и состоящим на учете в качестве членов его семьи) не рассматривается как самостоятельное основание для снятия с учета.

Во-вторых, основания признания граждан нуждающимися в жилых помещениях и состав членов семьи собственника установлены нормами жилищного законодательства Российской Федерации, которые должны применяться при определении нуждаемости сотрудников. Несоблюдение жилищного законодательства обуславливает неправомерное лишение сотрудника права на единовременную социальную выплату, даже при наличии всех фактических оснований для ее предоставления.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 29 июля 2024 г. по рассматриваемому

выше примеру из судебной практики указала на ошибочное применение норм права судами нижестоящих инстанций, так как в ходе правоприменения не получили должной оценки нормы жилищного законодательства Российской Федерации, регулирующие условия признания граждан нуждающимися в жилых помещениях и критерии включения лиц в состав членов семьи собственника жилого помещения. Кроме того, Верховный суд отметил, что не была учтена правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 28 июня 2022 г. № 1586-О, от 27 октября 2022 г. № 2804-О, от 28 февраля 2023 г. № 329-О, от 27 июня 2023 г. № 1555-О, от 20 июля 2023 г. № 2000-О, от 25 апреля 2024 г. № 1053-О и др.) относительно применения норм Жилищного кодекса Российской Федерации при реализации сотрудником либо членами его семьи права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, что привело к неверно квалификации правоотношений сторон.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что положения части 2 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ направлены на реализацию социальной поддержки сотрудников, не обеспеченных жильем (ни лично, ни в качестве члена семьи) на праве собственности или по договору социального найма, а также тех, чья обеспеченность жилой площадью ниже установленной нормы. Данные нормы производны от критериев нуждаемости, закрепленных в пунктах 1–2 части 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации, являющегося системообразующим правовым актом в сфере жилищных отношений и жилищных гарантий [6].

Суды не учли, что при оценке уровня обеспеченности семьи сотрудника (ФИО4) надлежит руководствоваться не только положениями части 2 статьи 1 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ о круге лиц, признаваемых членами семьи сотрудника, но и нормами жилищного законодательства. Последние определяют состав членов семьи собственника или нанимателя жилого помещения по договору социального найма без установления возрастных ограничений для детей, при оценке уровня обеспеченности семьи общей площадью жилого помещения.

В дополнение к сказанному следует отметить, что возраст ребенка сам по себе не может служить основанием для исключения из состава семьи и решающее значение имеет фактическая нуждаемость и совместное проживание.

Таким образом, исследование судебной практики по вопросу включения совершеннолетних детей в состав семьи сотрудников Росгвардии, состоящих на учете на получение единовременной социальной выплаты показало, что ключевой причиной судебных ошибок является игнорирование принципа системности правового регулирования. Правовая позиция, сформулированная Верховным Судом Российской Федерации в определении от 29 июля 2024 г., подтвердила необходимость комплексного толкования

норм части 2 статьи 4 Федерального закона № 247-ФЗ с учетом критериев нуждаемости, предусмотренных статьей 51 Жилищного кодекса Российской Федерации, где при определении уровня обеспеченности семьи общей площадью жилого помещения не содержатся возрастных ограничений для признания детей членами семьи собственника/нанимателя жилого помещения. Это позволит избежать формального подхода и оценивать реальные жилищные условия семьи.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4160.

2. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4595.

3. Кудина С. А., Пономарева Е. В. Намеренное ухудшение жилищных условий // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 67–69.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июля 2024 г. по делу № 5-КГ24-57-К2 // СудАкт : судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/OPVERscoXWYn/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=5-КГ24-57-К2&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1761773436082 (дата обращения: 24.09.2025).

5. О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 3. Ст. 430.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. № 622-О // Законы, кодексы и нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30032023-n-622-o/> (дата обращения: 24.09.2025).

© Кийко А. Ю., 2025

© Кудина С. А., 2025

Киричек Е. В. – начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В данной статье затрагивается проблематика сущности государственного суверенитета, формулируется авторское определение рассматриваемого термина, дается эпистемологическая характеристика.

Ключевые слова: государственный суверенитет, суверенное государство, государство.

Abstract. This article touches upon the problems of the essence of state sovereignty, formulates the author's definition of the term in question, and provides an epistemological characteristic.

Keywords: state sovereignty, sovereign state, state.

В современной науке существует множество подходов к определению сущности суверенитета вообще и государственного суверенитета в частности. С теми или иными вариациями наиболее распространенной среди ученых (С. С. Алексеев, О. Е. Кутафин, Б. С. Крылов, В. Н. Хропанюк, В. С. Шевцов и др.) является позиция о том, что суверенитет рассматривается через категории верховенства и независимости внутри страны и за ее пределами.

Для того, чтобы разобраться в сущности государственного суверенитета необходимо прежде всего понять, что собой представляет государство. Какого-либо однозначного подхода к интерпретации государства в науке не существует. Вместе с тем анализ юридической литературы (Ю. А. Тихомиров, В. Е. Чиркин, Н. В. Володина, А. В. Малько, Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, С. В. Липень) позволяет сформулировать следующее интегрированное его определение. Государство – это исторически сложившаяся политико-территориальная организация публичной власти, располагающая специальным аппаратом управления и принуждения, взимающая налоги, издающая законы, выражающая волю и интересы господствующего класса (классовый подход) либо всего многонационального народа (общедемократический подход).

В свою очередь государственный суверенитет, как политико-правовое явление, самым непосредственным образом связан с реализацией государственной власти, а его содержание обусловлено социальной природой государства, главной миссией которого является управление обществом. Кроме

того эффективность такого управления напрямую зависит от качества реализуемой внутренней и внешней политики государства, а для того, чтобы такая политика имела независимый характер, она должна испытывать потребность в суверенитете, который выступает гарантией ее верховенства и самостоятельности в решении внутренних и внешних вопросов.

По своей сути в суверенитете государства кроется мощь и насилие – обладание силой принуждения, причем это проявляется при реализации всех функций государства – от законодательствования до принятия конкретных решений. При этом формы и содержательная часть властвования меняются от прямого принудительного воздействия до деперсонифицированного, что в целом ведет к размыванию границ сущностного значения суверенитета.

В этих условиях внимание ученых-правоведов и практиков к проблемам суверенитета связано не только с объективными причинами обеспечения безопасности государства и общества, но и потребностью в сбережении и отстаивании основ суверенитета как прочного фундамента и гарантии социального порядка, основанного на идеях конституционализма.

Только суверенное государство, по точному замечанию Н. А. Богдановой, способно сохранить, защитить и укрепить конституционализм как идеологическую и правовую ценность, дефективность же суверенитета непосредственно оказывает влияние на реализацию тех или иных функций конституционного государства, а противоправные действия, посягающие на суверенитет государства всегда приводят к нарушению прав и свобод человека и гражданина этой страны.

Неслучайно в документах БРИКС подчеркивается приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности всех стран-участниц в рамках сотрудничества в различных сферах, полное уважение и соблюдение суверенитета государств-участников и невмешательство в их внутренние дела (Московская декларация XII саммита БРИКС от 17 ноября 2020 г., Антитеррористическая стратегия БРИКС от 17 ноября 2020 г., Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС от 10 июня 2024 г.).

Вопрос об этом был озвучен Президентом Российской Федерации в очередном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2024 г., который отметил, что политическая система России является одной из опор суверенитета страны. Самостоятельность, самодостаточность, суверенитет нужно доказывать, подтверждать каждый день. В современных условиях Россия продолжает отстаивать свой суверенитет и безопасность, решая вопросы специальной военной операции. Решающая роль здесь принадлежит именно нашим гражданам.

Суверенитет – юридическое свойство государства. Именно он определяет суверенные полномочия и возможности государственной власти, в то

время как их реальные результаты характеризуют не сам факт наличия суверенитета, а его реализующий потенциал. В современной ситуации особую значимость приобретает создание надежных правовых механизмов, обеспечивающих качественную реализацию суверенитета, социально-экономические, культурно-духовные и др. условия для достижения достойного уровня жизни и свободного развития, единства и всевластия многонационального народа.

Нельзя не сказать и о тесной взаимосвязи суверенитета и традиционных ценностей, которые способствуют защите и укреплению суверенитета России (Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), а сам суверенитет, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, наряду с правами и свободами человека и гражданина, государственной целостностью Российской Федерации, единством системы государственной власти и т. д., является одной из важнейших конституционных ценностей (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2024 г. № 2629- О, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П).

Одной из основополагающих положений Конституции Российской Федерации является конституционная концепция суверенитета (ст. 1, 3, 4, 5, 67, 79), характеризующая его сущностно-правовой характер, приверженность демократическим принципам, территориальной организации публичной власти, ориентацию на защиту государственного суверенитета и территориальной целостности, а также участие в межгосударственных объединениях. Идеальный замысел суверенитета отчетливо прослеживается уже в первых строках Преамбулы Конституции Российской Федерации и в наиболее концентрированном виде заключает в себе специфику конституционного регулирования, где на первый план выдвигается многонациональный народ – суверен, устанавливающий правила организации государственной власти, а также развитие цивилизованной общности и национальной идентичности.

Здесь согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации государственная целостность является первичной гарантией соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь Конституция Российской Федерации исключает существование какого-либо иного источника власти, кроме многонационального народа Российской Федерации, и, таким образом, возможность установления на территории государства какого-либо иного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации, а также недопущение нескольких суверенных властей в единой системе государственной власти (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О).

По смыслу исторически обусловленного характера федеративного государства субъекты федерации суверенитетом, который принадлежит государству в целом, не обладают. Именно поэтому республики (государства) по смыслу Конституции Российской Федерации (преамбула, ст. 3, 4, 5, ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 65, 66 и п. «б» ст. 71) наделять себя свойствами суверенного государства не могут. Признание за республиками статуса суверенного государства неминуемо повлекло бы нарушение конституционного принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации, в т. ч. в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Именно поэтому закрепление в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 5) термина республика (государство) вовсе не означает признания за ними государственного суверенитета, а подчеркивает особый их конституционно-правовой статус, связанный с историческим, национальным и др. факторами (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П).

Несмотря на это интерес научной общественности к данной проблематике не снижается, что со всей очевидностью свидетельствует о неразрешенности еще многих вопросов, касающихся толкования суверенитета во внутригосударственном праве.

Теоретико-методологическое осмысление сущности государственного суверенитета несомненно носит сложный, многогранный характер, и рассчитывать на всестороннее исследование всех аспектов столь емкого понятия, а тем более претендовать на разрешение существующих проблем, споров ученых и практиков о государственном суверенитете, было бы опрометчивым.

Вместе с тем представляется возможным сформулировать следующее его определение. Государственный суверенитет – это политико-правовое свойство государственной власти, означающее ее единство, верховенство и независимость от всякой иной власти как внутри страны (внутренний суверенитет), так и за ее пределами – на международной арене, во взаимоотношениях с другими государствами, их объединениями (союзами), государственноподобными образованиями и международными организациями (внешний суверенитет), самостоятельно и свободно решать свои дела, в т. ч. заключать международные договоры и передавать межгосударственным объединениям свои полномочия в соответствии с международным договором.

Библиографический список

1. Богданова Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм : проблемы и решения : мат. международной конференции. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1999. С. 138–140.

2. Володина Н. В. Проявления государственного суверенитета в современном мире и России // Правовая инициатива. № 5. 2013. С. 56.

3. Исаев И. А. Суверенитет и господство : система власти // История государства и права. 2012. № 22. С. 2–15.
4. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 120.
5. Крылов Б.С. Государственный суверенитет : современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2–6.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.
7. Проблемы теории государства и права : учебник / Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2023. 608 с.
8. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2024. 521 с.
9. Теория государства и права : учебник / отв. ред. А. В. Малько. 5-е издание, стереотипное. М. : КНОРУС, 2022. 400 с.
10. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Правоведение» / под ред. С. С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1985. С. 41.
11. Тихомиров Ю. А. Государство : монография / Ю. А. Тихомиров. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2016. 317 с.
12. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 1995. С. 60–61.
13. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование / РАН. Ин-т гос-ва и права. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2011. 335 с.
14. Шевцов В. С. Государственный суверенитет (вопросы теории). М. : Издательство «НАУКА». 1979. С. 5.

© Киричек Е. В., 2025

УДК 341.231.14

Ковган Е. Ю. – преподаватель кафедры административного права Ростовского ЮИ МВД России

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции концепции прав человека в условиях глобализации. Рассматривается влияние глобальных процессов на содержание и структуру прав человека, включая появление новых прав, связанных с цифровизацией и современными социальными вызовами. Подчеркивается изменение роли государства и необходимость сочетания универсальных стандартов с национальными правовыми традициями. Делается вывод о том, что глобализация одновременно расширяет возможности

защиты прав человека и усиливает новые риски, требующие обновления правовых механизмов.

Ключевые слова: права человека, глобализация, эволюция прав человека, универсальные стандарты, национальные правовые традиции, цифровые права, государственный суверенитет, правовое государство, глобальные вызовы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution of the concept of human rights in the context of globalization. The impact of global processes on the content and structure of human rights, including the emergence of new rights related to digitalization and modern social challenges, is considered. The author emphasizes the changing role of the state and the need to combine universal standards with national legal traditions. It is concluded that globalization simultaneously expands the possibilities of protecting human rights and increases new risks that require updating legal mechanisms.

Keywords: human rights, globalization, evolution of human rights, universal standards, national legal traditions, digital rights, state sovereignty, rule of law, global challenges.

Эволюция концепции прав человека в условиях глобализации является одним из наиболее значимых процессов современной правовой действительности. Она отражает глубокие изменения политического, социального и культурного характера, которые затрагивают практически все государства и правовые системы. Развитие коммуникационных технологий, рост транснациональных связей, изменение структуры международного взаимодействия – все это существенно трансформирует подходы к пониманию, обеспечению и защите прав человека.

Исторически права человека формировались как правовая категория, тесно связанная с идеями свободы, достоинства и социальной справедливости. Однако в XX и XXI веках они превращаются в универсальный язык международной политики, инструмент регулирования глобальных процессов и одновременно – объект интенсивных научных дискуссий. При этом важной остается мысль, активно выражаемая в отечественной юридической науке: права человека – это не набор абстрактных норм, а живая, динамическая система, меняющаяся вместе с обществом. Как подчеркивает Е. А. Лукашева, право можно понимать как «меру свободы», то есть как «совокупность условий, при которых человек может действовать свободно» [2, с. 14]. Эта формулировка отражает ее историко-философское видение: права человека – это не абстрактные абсолюты, а условие свободы, которое эволюционирует в зависимости от цивилизационных и правовых традиций.

Глобализация, с одной стороны, способствует укреплению универсальных стандартов, а с другой – выявляет пределы их применения. Она делает права человека частью международного публичного порядка, но одновременно усиливает различия между правовыми культурами. Это приводит

к росту дискуссий о балансе между универсализмом и культурным релятивизмом, между необходимостью сохранения общих основ и потребностью учитывать национальные особенности. Российские исследователи все чаще подчеркивают, что концепция прав человека должна сочетать уважение к универсальным ценностям и сохранение культурной уникальности. Отсюда вытекает необходимость диалога цивилизаций, а не механического переноса одних моделей в другие контексты.

Одним из важнейших следствий глобализации стало формирование представления о правах «третьего поколения», связанных с экологией, безопасностью, культурной идентичностью, информационной свободой, коллективным развитием. Эти права отражают переход от индивидуалистического понимания человека к признанию его включенности в более широкие социальные связи. Появляются новые категории прав, связанные с цифровой средой, защитой биометрических данных, регулированием искусственного интеллекта, доступом к информации. Это свидетельствует о переходе от классической модели к более комплексной, многослойной структуре, учитывающей современные вызовы.

Существенное влияние на эволюцию концепции прав человека оказывает информационно-технологическая реальность. Развитие цифровых платформ, систем больших данных, электронного государства создает новые риски и новые возможности. Российские правоведы подчеркивают, что цифровизация требует пересмотра традиционных механизмов защиты прав, поскольку угроза нарушения частной жизни, вмешательства в личную сферу и произвольной обработки данных стала значительно выше. Возникает потребность в законодательном закреплении дополнительных гарантий, способных обеспечить устойчивый баланс между интересами безопасности и уважением к свободе личности.

В условиях глобализации государство остается ключевым субъектом защиты прав человека, однако его роль меняется [2, с. 43]. Оно уже не может действовать в полной изоляции, поскольку значительная часть угроз имеет трансграничный характер. Таким образом, государственный суверенитет приобретает новое наполнение: ответственность перед международным сообществом и одновременно – перед собственной правовой культурой. Российская научная мысль рассматривает современный суверенитет как сложную категорию, которая должна обеспечивать и защиту национальной идентичности, и участие в глобальных механизмах регулирования прав.

С усложнением структуры современного общества возрастает значение междисциплинарного подхода. Права человека все чаще рассматриваются не только в юридическом, но и в социально-экономическом, культурном, философском аспектах. В отечественной науке развивается идея, что права человека – это не только система юридических гарантий, но и условие развития личности, общества и государства. Они становятся основой соци-

альной политики, образовательных программ, механизмов обеспечения социальной справедливости. Такая трактовка подчеркивает взаимосвязь прав человека и человеческого потенциала, что особенно важно в условиях глобальных изменений.

Глобализация одновременно усиливает как возможности, так и уязвимости человека. С одной стороны, она способствует распространению лучших правовых практик, расширяет доступ к информации, повышает требования к прозрачности власти. С другой – формирует новые угрозы: транснациональную преступность, радикализацию, манипуляцию общественным мнением, миграционные кризисы. В таких условиях защита прав человека становится не только задачей государства, но и одним из ключевых элементов международной стабильности.

Таким образом, эволюция концепции прав человека в условиях глобализации представляет собой многоуровневый процесс, включающий расширение круга прав, изменение субъектного состава, трансформацию механизмов защиты, усиление международного взаимодействия и рост значимости национальных правовых традиций [3, с. 125]. Права человека приобретают новое содержание, отражающее вызовы цифровой эпохи, глобальных рисков и сложных культурных взаимодействий. Российская научная школа вносит важный вклад в осмысление этих процессов, подчёркивая необходимость гармоничного сочетания универсальных стандартов и национальных правовых моделей. Эволюция концепции прав человека показывает, что в условиях глобализации они становятся фундаментом не только правовой, но и цивилизационной устойчивости современного мира.

Библиографический список

1. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 512 с.
2. Алексеева Л. А., Майорова С. А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 39–44.
3. Богатырев В. В. Формы государства в условиях глобализации // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4 (53). С. 123–128.

© Ковган Е. Ю., 2025

Колесников В. А. – доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат социологических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ИНДИВИДА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье описываются свойства психики человека, обуславливающие его ценности, мотивы поведения, личность. Раскрываются теории, системы индивидуальных установок и поведенческих стереотипов, которые объясняют различия между личностями.

Ключевые слова: индивид, типология, общественная роль, психология, личность.

Abstract. This article describes the properties of the human psyche that determine its values, motives of behavior, and personality. The theories, systems of individual attitudes and behavioral stereotypes that explain the differences between personalities are revealed.

Keywords: individual, typology, social role, psychology, personality.

Регулирование социальной сферы началось задолго до появления первых правил, поскольку природа имеет свои механизмы налаживания.

При рождении человек обладает набором качеств. Часть из них может быть принята с генетическим кодом родителей. Другая часть не схожа с родительским. При рождении человек обладает определенной психикой. Характер формируется в течение жизни, однако с первых ее дней наблюдаются его особенные черты, которые остаются с человеком.

Существуют гипотезы, в соответствии с которыми свойства психики человека определяются его социальной ролью, обусловленной природой. Свойства психики человека определяют его ценности, мотивы поведения, а также, по мнению некоторых психологов, физиологические особенности. Реализация социальных ролей обеспечивается природными механизмами, такими как гормональная система (изменение уровня гормонов счастья, стресса, и других), ответом на реакцию общества, возникновение болезней и так далее.

Социальные роли влияют на все взаимоотношения в обществе, включая процессы управления. В данной статье представлен анализ теорий, описывающих социальные роли как механизм регулирования, пути повышения эффективности управления, рекомендации для работы с коллективом в соответствии с теориями о психологических социальных ролях.

Правильная классификация типологий и глубокие знания в этой области позволяют понимать возможности различных людей, их место в обществе, более точно прогнозировать поведение людей, предотвращать и не допускать развития девиантного поведения в обществе, определять форму и правила взаимодействия с тем или иным типом для достижения желаемого результата.

Природой человек одарен индивидуальными качествами. Врожденные способности определяют предрасположенности и место в обществе. Данные качества определяют принадлежность человека к своей сфере деятельности, т. е. природа закладывает в нас некий код, следуя которому мы осуществляем свое предназначение. Для того, чтобы правильно определиться с видом своей деятельности, в нас заложены органы чувств. Благодаря этим органам можно выяснить, что человеку нужно, а что вредно или плохо. При воздействии факторов внешней среды организм подает определенные сигналы (гормональные изменения, кожные высыпания, болезни, недуги и пр.).

Определенно у каждого человека в обществе имеется своя роль, выполняя которую он способствует эволюции общества и государства. Все люди являются частью отдельных элементов в огромном механизме общественной жизни.

Далее речь будет идти о понятиях: личность, индивид, психотип.

Какая же тут взаимосвязь с выделением общественных ролей? Связь наблюдается самая прямая, так как каждой роли соответствует своя категория особенностей. Эти особенности принято именовать типологией.

И так, что же такое типология личности, и какие типологии в настоящее время существуют?

Для начала необходимо выделить из общества отдельного человека, который будет именоваться индивидом. Индивид обладает своей спецификой, которая может носить как наследственный характер, так и случайный. Данная специфика носит название индивидуальность человека. Из каждого индивида вырабатывается отдельная личность, т. е. совокупность привычек и предпочтений, социальный опыт, понятие повседневного поведения, связь с окружающим миром. Личности тоже обладают специфическими чертами, которые принято определять понятием типология.

Типология личности – это система индивидуальных установок и поведенческих стереотипов, которые объясняют различия между личностями [1].

Тип личности выступает совокупностью проявлений человека. Имеется мнение, что типология отличается от разделения на характеры личностей тем, что в большей степени носит врожденные свойства. Это мнение возникает в психологии индивидуальных особенностей и психодиагностике.

Самым первым разделением личностей на типы мы наблюдаем еще в работе Гиппократов. Он называл ее теорией темпераментов. Разделение

в данной теории основано на преобладании жидкостей в организме человека, на анатомических и физиологических особенностях. Типология содержит четыре категории:

- холерик, преобладание желчи и яда в организме;
- флегматик, преобладание мокроты;
- сангвиник, преобладание крови;
- меланхолик, преобладание черной желчи.

Эта теория подтвердилась научно И. Павловым, который доказал связь между процессами в организме и поведением человека [2]. Эта теория до настоящего момента содержится в текстах учебников. Однако развития она со времен возникновения не получила. Кроме того, хочется заметить, что практического применения данной классификации типов личности не наблюдается вовсе. Удивительно то, что в современной психологии все еще существует данное подразделение, учитывая, что практического применения нет, да и пользы как таковой тоже. Такая картина вполне объяснима, ведь 4 типа личности носят довольно краткий описательный экскурс, а также даны недостаточно четкие границы для точного определения типа каждого человека. Это привело к мнению о наличии у каждого человека всех типов личности в разном объеме. Хочу заметить, что в таком случае вовсе теряется смысл разделения личности на типы. К тому же, выделение этих характеристик не выступает следствием какого-то результата.

Следом за Гиппократом трудился над вопросом разделения личности на типы К. Юнг («Психологические типы») [3]. Автор определил два типа психологии личности:

- интроверт, который ориентирован во внутренний мир;
- экстраверт, который направлен во внешний мир.

Кроме этого, К. Юнг выделил психические функции личности, основываясь на наблюдениях за пациентами: мышление, чувства, интуиция, ощущения. Используя эти категории, ему удалось выделить рациональные и иррациональные проявления психических функций интровертов и экстравертов.

Базируясь на трудах К. Юнга, Изабель Майерс-Бриггс добавила суждение и восприятие к вышеизложенным категориям. В ее трудах имеется описание 16 типов личности [4]. Разработанная еще в 1942 году типология получила широкое распространение в Европе и США. На ее базе возникла целая система психологических тестов MBTI. Данный опросник имеет широкое распространение как среди школьников, использовавших его для выбора профессии, так и среди зрелого поколения, применивших его для определения профориентации и прочего.

Однако стоит иметь в виду, что данный опрос создан самой Изабель и ее матерью Кэтрин, которые не являлись ни научными деятелями, ни психологами. Также сам тест не является научным. Он в целом не признан наукой. Кроме того, стоит обратить внимание на преклонный возраст этой

разработки, который отсчитывается с 1942 года. Именно поэтому в современном мире он не имеет такой популярности как в самом начале. Актуальность тоже утеряна в силу того, что имеется множество психологических тестов, построенных под современный и научно обоснованных.

Следующей типологией, существующей в настоящее время на уровне текста в старых книжках и не более, выступает разделение личностей по телосложению. Автор данной типологии Эрнста Кречмер выделил четыре основные типы строения тела: лептосоматик, атлетик, пикник и диспластик [5]. Согласно этой теории, каждый тип имеет только свойственные ему особенности психики, свою реакцию на окружающие раздражители, эмоции, чувства и прочее. Анализируя теорию можно сделать вывод, что она мало информативна по характеристикам типов, к тому же имеется только описание, а четко обозначенной классификации характеристик нет. А значит, нет возможности оценить каждый тип по определенным критериям.

Описание темперамента, который характерен для определенного типа телосложения не позволяет установить взаимосвязь между психологической и физиологической сторонами каждого человека. Не удастся установить истинную причину состояния. Неизвестно также влияют ли на психологическое состояние человека изменения в строении его тела, и наоборот. Можно отметить, что обоснованного разъяснения связи между психикой и телом не имеется. Стоит иметь в виду, что теория автора возникла на основе его личных наблюдений за душевнобольными людьми, и она в большей степени направлена на исследование девиантного поведения человека. Данная теория не признана научной. Рассуждая о работе Э. Кречмера, можно сделать вывод: разработанная еще в 40-е годы теория в настоящее время признается устаревшей. Направленность только на девиантное поведение не раскрывает сущности здоровых людей. т. е. стоит ли применять имеющиеся данные ко всем, или же только к определенному кругу лиц? В описании каждого типа содержится краткая информация, затрагивающая несколько моментов и определенных ситуаций.

Ввиду указанных причин данная теория в настоящее время не нашла применения ни в какой из сфер.

Следующая интересующая нас классификация – это психодиагностика спецслужб [6]. Данный метод применяется широко и по сегодняшний день. Он имеет большую актуальность, так как преследует цели определения сущности человека с первых минут общения. Это может понадобиться для выявления преступника, также важно в профориентации при вступлении на службу.

Метод спецслужб основывается на различных исследованиях многих ученых. Их труды направлены на выявление параметров, которые могут быть полезны в криминалистике. Описание типологии личности происходит по нескольким направлениям сразу: по мимике, жестике, проявлению эмоций, мыслительным процессам. По наблюдениям за всеми проявлениями разом можно предположить дальнейшие действия лица.

Можно заметить, что данный метод, как и многие другие, основан на наблюдениях. Однако от предыдущих методов его отличает научное начало и актуальность в настоящий момент. Природа и причины тех или иных проявлений психики и их взаимосвязь с поведением не поясняется. Хотелось бы обратить внимание на то, что данная типология довольно содержательна, что тоже отличает ее от предыдущих. Также она имеет более структурированный характер, включает более четкие и многообразные критерии. В силу чего она и применяется в настоящее время.

Если взять во внимание несколько поколений, которые сменяют друг друга, то можно заметить прогрессирующую динамику в интеллектуальных способностях, в адаптивности, в способности к обучению, и во взглядах на жизнь. Естественно многие будут утверждать, что эти проявления лишь результат влияния темпа современного мира на человека в течение его жизни. Поэтому следует обратить внимание на младенцев до 3-х лет. Этот возрастной порог считается некой дверью в осознанную жизнь.

Однако в настоящий момент очень четко видно, что порог сдвинулся назад, т. е. дети в более раннем возрасте начинают жить сознательно. Они начинают очень быстро осознавать мир и ориентироваться в нем, быстро обучаются и очень адаптивны. Это говорит нам о том, что люди становятся более развитыми и многогранными во всех смыслах. С одной стороны, именно поэтому более упрощенные типологии, используемые ранее, в настоящее время не подходят. Из этого можно сделать вывод о том, что необходимо совершенствовать знания в психологии, в том числе классификации типологий людей для возможности наиболее эффективного применения научных знаний в современной практике и достижения поставленных целей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что типологии личностей, признанные научными, содержащиеся в известных учебниках по психологии в настоящее время не имеют актуальности. Эти типологии обоснованно считаются устаревшими, так как не представляют необходимый широкий круг знаний, которого требует современная информационная платформа. Их содержательная составляющая малоинформативна. Для современного информационного века требуются актуальные знания во всех областях, в особенности – в психологии. Психология окружает нас в каждый момент жизни, поэтому как одна из действующих научных направлений она должна развиваться. В связи с этим необходимо подвергать научной проверке новые теории в психологии. Необходимо двигать науку вперед к развитию.

Библиографический список

1. Гринберг М. П., Архипов А. Н., Кузнецова Т. А. Коммуникативная компетентность врача : симуляционное обучение. Методика «Стандартизированный пациент». М. : Литтерра, 2015. 176 с.

2. Маклаков А. Г. Общая психология. М. : Питер, 2016 // Интернетархив. URL: <https://archive.org/details/0462..2016583/page/15/mode/2up> (дата обращения: 20.09.2025).

3. Психологические типы / К. Юнг; пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским; под общ. ред. [и с послесл., с. 661–693] В. Зеленского; [предисл. Э. Метнера]. СПб. : Ювента ; М. : Прогресс. 715 с.

4. Типология Майерс-Бриггс // KROK. URL: <https://krok8.com/tipologiya-majers-briggs/> (дата обращения: 20.09.2025).

5. Кречмер Э. Строение тела и характер : психология индивидуальных различий : тексты. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 219–247.

6. Березин М. А., Кондратенков С. Н. Клинические (экспертные) методы психологической диагностики в профессиональном отборе сотрудников правоохранительных органов (на примере решения задач подразделений специального назначения) // Психология. Психофизиология. Вып. 17. 2012. С. 47–57.

© Колесников В. А., 2025

УДК 351.741 «930–1939»

Кутушев Г. З. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат исторических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКОЙ АССР)

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования правового статуса работников советской милиции в период форсированной модернизации народного хозяйства СССР. Изучаются такие аспекты проблемы как нормативно-правовое закрепление служебных прав и обязанностей, системы правовых гарантий и социальных льгот сотрудников органов внутренних дел на примере работников милиции Башкирской АССР в 30-е годы XX века.

Ключевые слова: советская милиция, народный комиссариат внутренних дел, правовой статус, Башкирская АССР, права и обязанности милиции, правовые гарантии сотрудников милиции.

Abstract. The article analyzes the process of formation of the legal status of Soviet police officers during the period of accelerated modernization of the national economy of the USSR. The article examines such aspects of the problem as the regulatory and legal consolidation of official rights and duties, the system

of legal guarantees and social benefits for law enforcement officers using the example of police officers of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the 30s of the twentieth century.

Keywords: Soviet militia, People's Commissariat of Internal Affairs, legal status, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, rights and duties of militia, legal guarantees of police officers.

Современная российская историография уделяет достаточно пристальное внимание изучению истории отдельных направлений служебной и правовой деятельности сотрудников отечественных органов внутренних дел. Вместе с тем некоторые аспекты становления и развития российской правоохранительной системы, в том числе и в советский период, являются недостаточно исследованными. К одной из таких проблем можно отнести вопрос истории формирования правового статуса работников милиции в первые годы советской власти на уровне отдельных регионов (автономных республик, областей, краев). Обращение к обозначенной теме весьма актуально в свете того, что нынешняя система служебных прав и обязанностей, а также правовых гарантий сотрудников полиции берет свое начало именно в 20-30-е годы XX века и сложилась в результате длительной эволюции правовых отношений и анализа практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Еще в дисциплинарном уставе для служащих рабоче-крестьянской милиции, утвержденном в августе 1919 года за подписью заместителя народного комиссариата внутренних дел М. Владимирского отмечалось, что служащие милиции пользуются правами одинаковыми с прочими гражданами РСФСР, но за нарушение обязанностей службы всякий служащий милиции несет установленную законами ответственность, однако может быть подвергнут наказанию или взысканию не иначе как по приговору суда или в порядке дисциплинарного устава [2, с. 3].

15 декабря 1930 года постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР народные комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик были ликвидированы, а их функции распределены между различными государственными ведомствами республиканского масштаба. Этим же нормативным правовым актом предписывалось организовать при советах народных комиссаров союзных и автономных республик управления милиции и уголовного розыска [7, с. 90–91].

Во исполнение указанного решения Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Башкирской АССР 30 декабря 1930 года принимают постановление, где отмечалось, что Народный комиссариат внутренних дел Башкирской АССР (далее – НКВД Башкирской АССР) объединял органически не связанные в себе отрасли управления и народного хозяйства, а потому дальнейшее его существование превращает

данный комиссариат в лишнее звено советского управленческого аппарата. В связи с чем с 1 января 1931 года НКВД Башкирской АССР упраздняется [8, с. 60]. 4 января 1931 года ЦИК Башкирской АССР утвердил решение об образовании при республиканском правительстве отдельного Управления милиции [9, с. 12].

25 мая 1931 года было принято новое Положение о рабоче-крестьянской милиции РСФСР. Согласно данному нормативному правовому акту за советской милицией закреплялся широкий спектр не только служебных обязанностей, но и прав. К примеру, милиционеры имели право производить при расследовании преступлений аресты, обыски и выемки; задерживать лиц, привлекаемых к административной ответственности для составления протокола и пьяных – до вытрезвления; применять оружие в случаях и порядке, установленном служебными уставами; требовать в установленном порядке содействия дворников, ночных сторожей, сельских исполнителей, членов обществ содействия милиции и других граждан; пользоваться средствами передвижения и связи, принадлежащими государственным и общественным органам частным лицам для преследования преступников и доставления в лечебные учреждения лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи; право входить в жилые помещения при преследовании и розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений или бежавших из-под стражи, для прекращения совершающегося преступления или же проверки соблюдения правил о прописке и выписке. При этом структурно советская милиция была разделена на общую и ведомственную [7, с. 92–95].

Кроме того, Положение от 25 мая 1931 года закрепило за сотрудниками органов внутренних дел перечень новых социальных правовых гарантий. В частности, провозглашается право милицейских работников на жилищную площадь, выделяемую государством. Вдобавок постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 3 февраля 1931 года «О правовом и материальном положении работников милиции и уголовного розыска» распространило льготы в системе образования, освобождение от налогов в сфере землепользования и жилищного хозяйства, прежде числившиеся за военнослужащими Красной армии, на кадровый состав милиции и членов их семей [1, с. 310].

Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР от 10 июля 1934 года учреждался единый общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел СССР, в состав которого вошли Главное управление государственной безопасности, Главное управление рабоче-крестьянской милиции, Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление пожарной охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел актов гражданского состояния и административно-хозяйственное управление. В автономных республиках, краях и областях Советского Союза образовывались управления НКВД союзных республик [15].

В данном контексте будет уместным рассмотреть процесс обеспечения правовых льгот и привилегий работников милиции в 30-е годы XX века на примере Башкирской АССР.

Можно отметить, что при реализации сельскохозяйственного налога на территории Башкирской АССР в 30-е годы колхозы должны были освободиться от указанного налога несколько категорий граждан, в том числе и работников советской милиции. Точно также милиционеры освобождались от оплаты сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах и сельских местностях [11, с. 370–375, 470]. Президиум Центральной исполнительной комиссии Башкирской АССР в постановлении от 29 сентября 1934 года подтвердил, что кадровый состав рабоче-крестьянской милиции освобождается от выплаты единовременного налога с единоличных крестьянских хозяйств [12, с. 378–379]. В 1936 году сотрудники НКВД Башкирской АССР могли не выплачивать налоги на строения частных лиц и земельную ренту. В том же 1936 году от налогообложения освобождались одна голова крупного рогатого скота, одна лошадь и один велосипед работника милиции при условии, что лошадь или велосипед использовались исключительно для обслуживания этих лиц [13, с. 253–257, 265–266].

Одним из наиболее острых для сотрудников милиции оставался квартирный вопрос. Не случайно Президиум Центральной исполнительной комиссии Башкирской АССР в своем постановлении от 19 августа 1934 года отметил, что необходимо пресекать нарушения жилищного законодательства и напомнил, что Городской совет Уфы обязан 10 % брони вводимого жилья предоставлять в первую очередь красным партизанам, демобилизованным красноармейцам, работникам милиции, научным работникам, специалистам, вызванным для работы в Уфу [12, с. 65].

Сотрудники НКВД пользовались рядом преимуществ при эксплуатации транспортной системы. Так, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Башкирской АССР в постановлении от 29 июня 1935 года отметили, что органам милиции предоставляется право пользоваться для попутного передвижения на любом виде транспорта по линии в пределах обслуживаемого данным работником дорожного участка в целях наблюдения за состоянием дороги на автомашинах различных организаций [13, с. 191].

В 30-е годы XX века на милицию г. Уфы был возложен контроль за соблюдением гражданами правил уличного движения, утвержденных Горсоветом Уфы 3 апреля 1938 года. При этом милиционеры имели право накладывать на нарушителей правил дорожного движения штраф размером до 1 рубля для пешеходов и до 3 рублей для водителей транспорта. В случае отказа нарушителя уплатить штраф на месте нарушения, тот же штраф налагался начальником отделения милиции, причем его размер мог

быть увеличен до трех раз. Милиция активно боролась со скрытой перевозкой пассажиров и грузов на транспорте. Кроме того, уфимская милиция контролировала выполнение гражданами правил продажи промышленных товаров широкого потребления по ценам не выше установленных государственными и кооперативными торгующими организациями, а также регулировала куплю-продажу поддержанных вещей. Указанные категории товаров в столице республики можно было продавать только на одном городском базаре, расположенном на Красноярской площади. На нарушителей налагался административный штраф до 100 рублей или принудительные работы сроком до 30 суток [14, с. 80–81, 304, 370].

В исследуемый период рядовой и начальствующий состав рабоче-крестьянской милиции активно вовлекается в процесс культурно-массовой работы, одним из главных направлений которой являлась борьба за повышение уровня общеобразовательной грамотности. Деятельность по обучению личного состава НКВД получила дополнительный стимул после принятия новой Конституции СССР 1936 года, в 121 статье которой было прописано, что граждане СССР имеют право на образование. К примеру, в ведомственной печати НКВД Башкирской АССР отмечалось, что к весне 1937 года весь рядовой состав Илишевского и Дуванского районных отделов милиции был охвачен общеобразовательной учебой по программам 4-го класса начальной школы [3]. Тогда же при Уфимском гарнизоне милиции был открыт кружок повышенного типа по общеобразовательным предметам [4]. Повышавшие свой образовательный уровень рядовые милиционеры могли рассчитывать на обучение в школах рабоче-крестьянской милиции, что давало возможность карьерного роста и назначения на должности от участкового инспектора до начальника городского отделения милиции. Обучение в школах рабоче-крестьянской милиции продолжалось два года, а по завершении присваивалось звание сержанта милиции, а окончившие школу с отличием имели возможность получить сразу же звание младшего лейтенанта [5].

Следует отметить, что нормативными правовыми актами регламентировался порядок поощрения наиболее отличившихся сотрудников органов внутренних дел. Так, Президиумом Центральной исполнительной комиссии Башкирской АССР в ноябре 1932 года в связи с 15-летием Октябрьской революции за успехи в борьбе с бандитизмом и расследовании преступлений личным оружием были награждены И. П. Татаринев – начальник отделения Управления милиции Башкирской АССР, А. М. Стрельников – начальник Бирского управления милиции, Р. А. Бурибаев – помощник начальника Баймакского районного управления милиции. В то же время почетного награждения именными часами удостоились И. В. Гальцев – уполномоченный оперативного отдела управления милиции Башкирской АССР, П. И. Данилов – начальник Топорнинского районного управления милиции, Н. С. Изергин – начальник Калтасинского районного управления милиции, Ф. А. Крылов – участковый инспектор Стерлитамакского районного управления милиции

и М. А. Ахтямов – младший милиционер 1-го отделения городской милиции Уфы [10, с. 298–299].

Осенью 1937 года в честь 20-летия образования рабоче-крестьянской милиции ряд работников милиции Башкирской АССР был удостоен высоких наград. Так, начальник управления рабоче-крестьянской милиции Башкирской АССР капитан милиции Л. А. Гумилевский был награжден Орденом Красной Звезды, начальнику отдела службы республиканского управления милиции старшему лейтенанту милиции А. И. Иванову был вручен орден Знак Почета, оперуполномоченный 4-го городского отдела милиции г. Уфы сержант милиции А. Шарипов, а также милиционеры Я. Мустафин и М. Мукминов стали обладателями знаков «Почетного работника милиции» [6].

Таким образом, в 30-е годы XX века завершился первый фундаментальный этап формирования, с одной стороны, системы социально-правовых гарантий, а, с другой стороны, служебных прав и обязанностей работников советской рабоче-крестьянской милиции. Ключевым нормативным правовым актом данного периода, в котором были зафиксированы указанные нормы, стало Положение о милиции от 25 мая 1931 года. Приведенные в качестве примера источники по истории органов внутренних дел Башкирской АССР позволяют заключить, что работники республиканской милиции активно реализовывали свои права на льготы в системе налогообложения, жилья, транспорта, образования, а нормативно-правовая база их служебной деятельности развивалась в соответствии с решением практических задач по обеспечению общественной безопасности и борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Данелян Р. Н. Становление системы жилищного обеспечения сотрудников полиции (милиции) России (историко-правовой аспект) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 3 (33). С. 306–313.
2. Дисциплинарный устав рабоче-крестьянской милиции. М. : Народный комиссариат внутренних дел, 1919. 12 с.
3. На страже Октября. Орган Политотдела Управления РК Милиции НКВД БАССР. 10 апреля 1937 г. № 6 (57).
4. На страже Октября. Орган Политотдела Управления РК Милиции НКВД БАССР. 1 мая 1937 г. № 9 (60).
5. На страже Октября. Орган Политотдела Управления РК Милиции НКВД БАССР. 13 мая 1939 г. № 20 (127).
6. На страже Октября. Орган Политотдела Управления РК Милиции НКВД БАССР. 30 декабря 1937 г. № 14 (65).
7. Полиция и милиция России : документы, материалы, комментарии : Хрестоматия / сост. А. С. Масалимов, А. Х. Султанов. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2007. 112 с.

8. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 10. 1930 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова. Уфа, 2007. 512 с.

9. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 11. 1931 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова; археогр. Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2007. 512 с.

10. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 12. 1932 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова; археогр. Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2007. 512 с.

11. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 13. 1933 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова; арх. Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2008. 512 с.

12. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 14. 1934 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова. археограф, обработ. Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2008. 512 с.

13. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 15. 1935 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова; археогр. Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2008. 512 с.

14. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. Том 19. 1939 год / Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан; сост. А. Б. Юнусова, Ю. М. Абсалямов. Уфа, 2011. 512 с.

15. Собрание Узаконений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1934. № 36. Ст. 283.

© Кутушев Г. З., 2025

Маликов Б. З. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России, доктор юридических наук, профессор

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОЛИТИКО-НОРМАТИВНЫЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ, РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В настоящей статье отражены общие подходы к оценке конституционных политико-нормативных начал и принципов формирования механизмов уголовно-правовой охраны, реализации ответственности и принуждения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, права и свободы человека, федеральный закон.

Abstract. This article reflects general approaches to the assessment of constitutional political and regulatory principles and principles of the formation of mechanisms of criminal law protection, implementation of responsibility and necessity.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, human rights and freedoms, federal law.

Обязательным принципиальным отправным правовым положением в организации современной Российской Федерации как светского государства [1] (ч. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации, далее – Конституция РФ) является прямое и вполне определенное выражение и действие норм Конституции РФ и всей его нормативно-правовой системы.

В настоящем времени федеральная государственная нормативность высшего уровня несет в себе черты объективных капиталистических и рыночных реалий, но формальный юридический дух справедливости и законности в реализации прав, свобод человека и гражданина, всего характера организации власти, общественного порядка и безопасности, правоохраны, правосудия, духовности социума, впитавших в себя устойчивые вековые истины общечеловеческой морали и позитив общей не одного тысячелетия культуры народов страны, пока наперекор всему сохраняют свое сильное воздействие на социум России.

Значимость отмеченных аспектов и направлений деятельности государства находит обязательное прямое выражение в форматах действия норм и принципов Конституции России. Конституционная законность обеспечивается через правовую систему федеральных законов и подзаконных актов,

пронизывающих своим регламентом все основные стороны жизни и деятельности каждого человека и гражданина, всех субъектов экономической и социальной деятельности России. Она гарантирует не только реализацию прав, свобод, интересов субъектов правоотношений, но и в значительной мере возлагает на них выполнение требований широкого круга запретов и обязанностей, императивных велений органов правосудия и административной юрисдикции, обеспеченных видами юридической ответственности и государственного принуждения.

Наиболее значимые ограничения прав и свобод граждан России возможны только на основе норм Конституции РФ (ч. 3 ст. 55). Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как правило, характер, виды и объем отмеченных выше наиболее значимых и строгих правоограничений получают свое выражение в нормах Конституции РФ, Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и в ряде федеральных законов. Названные федеральные отраслевые кодифицированные акты имеют высшую государственно-властную юрисдикционную силу в регулировании применения государственного принуждения. Они, как источники права, как направления видов деятельности нормотворчества и соответствующих форматов политики государства, отнесены к функционалу компетенции Российской Федерации. Нормой п. «о» ст. 71 Конституции РФ в качестве предмета ведения исключительно Российской Федерации определены: судостроительство, прокуратура, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование, гражданское законодательство, правовое регулирование интеллектуальной собственности.

В Конституции РФ особо выделены нормативные принципы применения отдельных видов государственного уголовно-правового и уголовно-процессуального принуждения – уголовного преследования и ответственности (ст.ст. 22, 47, 48, 49, 50, 51, 54), а также принципиальное положение о возможности применения кары за квалифицированное убийство в виде смертной казни (ч. 2 ст. 20). Вместе с тем, во всех процедурах применения государственного принуждения каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46).

Законодатель от лица народного всеобщего представительства – референдума в норме в ст. 2 Конституции РФ признает жизнь человека, его права и свободы высшей ценностью, которые подлежат обязательной защите со стороны государства. В социальной иерархии прав и свобод человека, других ценностей право на жизнь занимает основное и социальное, и личное определяющее значение, неотъемлемое от физиологии индивида качество

и состояние, что подтверждено нормативно в ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Право на жизнь каждого человека защищено уголовно-правовым запретом от посягательства на такую ценность в целом, в том числе и в случаях проявленной неосторожности, ставящей под ее угрозу смертельного исхода. Жизнь человека – это единственная реальная биологическая и неповторимая сущность конкретного человека. Она защищена возможностью применения уголовной ответственности и сурового наказания, закрепленных в нормах ст.ст. 105–110, ч. 4 ст. 111, 277, 295, 357 УК РФ. Принудительным уголовно-правовым средством защиты жизни человека выступает наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет за неосторожное причинение смерти (ч. 4 ст. 111 УК РФ), за простое убийство – лишение свободы на срок от 6 до 15 лет (ч. 1 ст. 105 УК РФ), за квалифицированное убийство: а) лишение свободы от 8 до 20 лет, б) пожизненное лишение свободы, в) смертная казнь (ч. 2 ст. 105 УК РФ). За привилегированные виды убийств определена смягченная ответственность: а) убийство матерью новорожденного ребенка – лишение свободы до 5 лет (ст. 106 УК РФ); б) убийство, совершенное в состоянии аффекта – лишение свободы до 3 лет (ч. 1 ст. 107 УК РФ), убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта – лишение свободы до 5 лет (ч. 2 ст. 107 УК РФ); в) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны – лишение свободы до 2 лет (ч. 1 ст. 108 УК РФ); г) убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление – лишение свободы до 3 лет (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

Уголовный закон также охраняет и другие личные ценности, и социальные блага их собственника или законного обладателя: здоровье, честь, достоинство, свободу и другие важные интересы. Средством уголовно-правовой охраны в истории человечества были и остаются карательные меры различной строгости и характера. Карательные меры различаются на наказания, имеющие исправительный характер. К наказаниям *охранительного, исправительно-предупредительного характера* могут быть отнесены, штраф, конфискация имущества, ссылка, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок, содержание в дисциплинарной воинской части; к виду *охранительно-предупредительного свойства* – только пожизненное лишение свободы (пожизненное заключение) [2].

Особое место в системе мер государственного уголовно-правового принуждения *охранительно-карательного свойства*, не наказательного и не в полной мере предупредительного характера, принадлежит неординарной и исключительной мере принуждения – смертной казни (именно каре за возможное и совершенное преступление против жизни человека).

Видимо, спор ученых, политиков, правозащитников по поводу целесообразности применения смертной казни как меры наказания вполне

оправдан. Вместе с тем, смертная казнь как исключительная мера государственного уголовно-правового принуждения не может быть признана видом наказания. Ведь смертная казнь не есть социальная мера в виде процесса исполнения и уголовно-правовой процедуры воздействия, осуществляемая на протяжении определенного времени на преступника-осужденного. Сам процесс приведения приговора в исполнение исключает всякое последующее воздействие на осужденного, а также выводит преступника из сферы жизни и бытия в социуме. Процесс лишения жизни осужденного-преступника завершает всю процедуру исполнения приговора и самого данного вида физического принуждения к смерти.

Ежегодно судами в России осуждается около 1 тысячи человек за убийство. «Подавляющее большинство виновных (около 99 %) привлекаются к ответственности по ч. 2 ст. 105 УК РФ, следом идет ст. 317 УК РФ, по которой осуждается ежегодно примерно 10–20 человек, оставшиеся три статьи (277, 295 и 357 УК РФ) практически не применяются. Таким образом, вопрос о назначении смертной казни в России потенциально касается ежегодно именно указанных 1000 человек» [3]. Мы отмечаем, что это весьма странная арифметика. Ведь в ней не просматриваются страдания жертв такого дикого преступления, как квалифицированное убийство, когда по злой воле преступника им из жизни исключаются конкретные люди, а ведь они обладали правом на жизнь и правом на обеспечение их личной безопасности со стороны государства.

Споры в социуме о влиянии наличия механизма государственного уголовно-правового принуждения в виде смертной казни на криминогенную и криминальную ситуацию, связанную с посягательствами на жизнь человека, никогда не увенчаются достижением определенного консенсуса для уравнивания всех противоположных мнений разных представителей социума.

Даже крайне радикальные противники смертной казни, заявляющие о неправомерности государства «отнимать» жизнь у самого жестокого преступника в силу того, что она ему дана «судьбой», «родителями», «Богом» или иными силами, стоят на защите только ничтожной и звериной биологии такового. При этом в расчет не берется строгий уголовно-правовой запрет на посягательства на чужую жизнь людей, неспособных защитить себя от смертоносной угрозы и неминуемой смерти.

Преступник, попирая конституционное право своей жертвы на жизнь, право его на обеспечение государством личной безопасности, лишая ее жизни, делает свой выбор в части избрания для себя кары в виде смертной казни. Не государство и не суд карает убийцу за квалифицированное деяние, а сам себя преступник, суд лишь процессуально оформляет наличие самого деяния, устанавливает виновность в совершении убийства конкретного лица (лиц), наличие причинной связи между деянием и наступившей смертью

жертвы, а также выносит решение о применении смертной казни в соответствии с конкретной нормой (санкцией) уголовного закона.

Другой вопрос: как избежать ошибок при назначении и исполнении смертной казни? Все сомнения в процедурах квалификации умышленного убийства должны исключать применение смертной казни. По каждому приговору о применении смертной казни должен действовать мораторий на приведение его в исполнение на срок не менее 5 лет, а в случае наступления у осужденного тяжелой болезни, смертная казнь должна подлежать замене на пожизненное лишение свободы. В течение действия срока моратория на исполнение приговора должны проводиться исчерпывающие меры по установлению возможных ошибок в процедуре предварительного расследования убийства и судебной квалификации. По истечению срока процессуального моратория наделять осужденного правом повторного ходатайства на помилование.

Кара в виде смертной казни несет в себе дух древнего принципа «талиона», однако и современный человек нередко впадает в состояние изощренной дикости, неся в своих делах и поведении высокую степень общественной опасности.

В России ежегодно совершается убийств и покушений на убийство [4]: 2016 г. – 10060, 2017 г. – 9931, 2018 г. – 8853, 2019 г. – 7936, 2020 г. – 7379, 2021 г. – 8019, 2022 г. – 7628; 2023 г. – 8440, 2024 г. – 7331 [5]. Кроме того, латентная часть убийств делает официальную часть этого вида преступлений неполной, усеченной.

Запрет Конституционного суда Российской Федерации на применение судами наказания в виде смертной казни не является формой правового «моратория». Для размышления правоведам ставим два вопроса. Принимая данное решение о «моратории» на действие норм Конституции Российской Федерации о применении смертной казни, насколько он действовал в рамках своей компетенции? Вводя «мораторий» на смертную казнь путем запрета на неопределенное время применение судами наказания в виде смертной казни, он ограничил действие федерального закона – УК РФ. Уголовный закон России является правовым и законодательным актом как результат нормотворческой деятельности государства, как акт всероссийского публичного значения и применения, как важный правовой фактор уголовной политики в области обеспечения охраны жизни людей.

Изменения в настоящий в части неприменения смертной казни не внесены в УК РФ, а суды фактически не применяют ее применительно 5 составов преступлений, в санкциях которых она имеет место. Тем самым искажается первоначально определенный формат уголовной политики в части «угрозы» применения суровой кары потенциальным убийцам (террористам, насильникам, коммерческим «охотникам» за чужими органами). По сути дела, это и есть постановка второй правовой проблемы «моратория». Ведь

уголовное законодательство Конституцией РФ (п. «о» ст. 71) отнесено к исключительному ведению Российской Федерации с соответствующим порядком внесения поправок и изменений в данный закон.

Каждый имеет право на жизнь – это основополагающее принципиальное конституционное гуманитарное положение, закрепленное ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Это единственная, значимая и неповторимая по своей природе биологическая ценность, перед которой меркнут все остальные социальные ценности. Поэтому жизнь человека должна быть защищена суровой карой от посягательств на нее. В вопросе применения этой суровой кары можно отметить свой значимый аспект – это наличие должных процессуальных и иных гарантий, обеспечивающих «право на» жизнь убийцы по приговору суда.

В настоящем материале мы отразили общие подходы к оценке конституционных политико-нормативных начал и принципов формирования механизмов уголовно-правовой охраны, реализации ответственности и принуждения. Эффективная реализация задач уголовно-правовой охраны – это блок реального действия уголовно-правовых норм, всего механизма правосудия, правоохранительной работы, за решением которых будут просматриваться более четко и вопросы применения положений УК РФ об уголовной ответственности, наказании и об исправлении осужденных (ст. 2 и ст. 43 УК РФ).

Библиографический список

1. Исаева А. А. Признаки светского государства в России : особенности реализации и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. С. 33–39.

2. Маликов Б. З. Лишение свободы в политике наказания и законодательстве России : монография. Самара : Самарский юридический институт Минюста России, 2003. С. 135–149.

3. Смертная казнь в России. Мнение адвокатского сообщества (лучшие уголовные адвокаты России – 100). URL: <https://www.luar100.ru/publikatsii/1162/> (дата обращения: 12.11.2025).

4. Судебная статистика РФ // АПИ Press. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 15.11.2025).

5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.11.2025).

© Маликов Б. З., 2025

Масягутова Г. Р. – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Уфимского ЮИ МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
К 78-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем защиты прав человека на досудебном этапе уголовного процесса. Исследуется имплементация принципов Всеобщей декларации прав человека в национальное законодательство и выявляются противоречия между эффективным раскрытием преступлений и гарантией фундаментальных прав личности. Автор фокусируется на проблемах реализации презумпции невиновности, обеспечения права на защиту, запрета пыток и соразмерности процессуального принуждения. Методологическую основу составляют юридический, сравнительно-правовой и системный анализ. Новизна заключается в рассмотрении классических проблем через призму цифровизации и общественного давления. В заключении обосновывается необходимость преодоления обвинительного уклона и построения подлинно состязательной модели судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, права человека, предварительное расследование, презумпция невиновности, право на защиту, запрет пыток, меры процессуального принуждения, Всеобщая декларация прав человека, обвинительный уклон, судебный контроль.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the problems of human rights protection at the pre-trial stage of the criminal process. The article examines the implementation of the principles of the Universal Declaration of Human Rights in national legislation and identifies contradictions between the effective detection of crimes and the guarantee of fundamental human rights. The author focuses on the problems of exercising the presumption of innocence, ensuring the right to defense, prohibiting torture, and proportionality of procedural coercion. The methodological basis consists of legal, comparative legal and system analysis. The novelty lies in considering classical problems through the prism of digitalization and public pressure. The conclusion substantiates the need to overcome the accusatory bias and build a truly adversarial model of judicial proceedings.

Keywords: criminal proceedings, human rights, preliminary investigation, presumption of innocence, right to defense, prohibition of torture, measures of

procedural coercion, Universal Declaration of Human Rights, accusatory bias, judicial control.

Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году заложило универсальный этико-правовой фундамент для развития национальных правовых систем, провозгласив неотчуждаемость и неделимость основных прав и свобод личности. Для сферы уголовного правосудия Декларация установила краеугольные принципы, призванные оградить индивида от произвола государственной машины: презумпцию невиновности (статья 11), право на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом (статья 10), право на защиту (статья 11), а также абсолютный запрет пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (статья 5) [1]. Несмотря на прошедшие десятилетия, актуальность этих положений не только не уменьшилась, но и приобрела новые аспекты в условиях усложнения общественных отношений и повышения запроса на эффективность деятельности правоохранительных органов.

Права и свободы личности должны обеспечиваться во всех сферах жизнедеятельности, во всех сферах государственной власти, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство включает в себя досудебное расследование и раскрытие уголовного дела и судебное производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела. Данные виды уголовно-процессуальной деятельности осуществляют несколько правоохранительных органов, среди которых одно из ведущих мест по предварительному расследованию преступлений занимают органы внутренних дел [2, с. 448].

Презумпция невиновности, закрепленная в статье 11 Всеобщей декларации прав человека и статье 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), представляет собой не просто правило о распределении бремени доказывания, но и фундаментальный правовой статус личности. Он означает, что любое лицо, в отношении которого осуществляются уголовно-процессуальные действия, до момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда должно рассматриваться как невиновное, со всеми вытекающими последствиями.

Однако на стадии предварительного расследования происходит перманентное размывание данного принципа. Это проявляется, во-первых, во внутренней установке субъектов уголовного преследования. Для следователя и дознавателя лицо, в отношении которого собрана совокупность доказательств, достаточная для предъявления обвинения, де-факто является виновным. Вся дальнейшая процессуальная деятельность строится исходя из этой обвинительной парадигмы, что зачастую приводит к игнорированию версий защиты и доказательств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность.

Во-вторых, и это наиболее актуальная проблема современности, грубым нарушением презумпции невиновности является ее игнорирование

в публичном пространстве. Широкая огласка данных предварительного расследования в средствах массовой информации, проведение так называемых «показательных» обысков и задержаний, публичные заявления должностных лиц о «раскрытии» преступления и установлении виновного формируют в общественном сознании устойчивое представление о вине лица еще до суда. Такой медийный прессинг не только наносит непоправимый ущерб репутации человека (что само по себе является нарушением его прав), но и создает условия для оказания давления на суд, который при вынесении решения не может полностью абстрагироваться от сформированного общественного мнения. Таким образом, презумпция невиновности нивелируется еще на стадии расследования, а последующее судебное разбирательство зачастую воспринимается обществом не как процедура установления истины, а как формальное подтверждение уже состоявшегося вердикта.

Общепринято, что презумпция невиновности характерна для уголовно-правовой сферы, а в гражданско-правовом пространстве, напротив, преобладающим действием обладает презумпция виновности.

Действительно, анализ норм, определяющих порядок и основания привлечения лица к различным видам юридической ответственности, позволяет сделать такой вывод, и, казалось бы, разграничение данных презумпций по отраслям права достаточно четко регулирует процесс правоприменения. Однако в условиях жизненных реалий неизбежно возникновение правовых коллизий, связанных с двумя принципиально разными подходами в процессах судопроизводства, поскольку большое количество преступлений подразумевает наступление не только уголовной ответственности, но и гражданско-правовой [3, с. 110].

Одним из аспектов, требующих внимания, является реализация права на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное статьей 48 Конституции РФ и детализированное в уголовно-процессуальном законе, которое является основным механизмом обеспечения состоятельности и противовесом обвинительной власти государства. Его эффективная реализация с момента фактического задержания является ключевым условием соблюдения всех иных прав подозреваемого и обвиняемого.

Тем не менее, эмпирические данные и анализ правоприменительной практики свидетельствуют о наличии серьезных пробелов в обеспечении данного права. Первая группа проблем касается доступа к защитнику. Несмотря на четкие временные рамки, установленные законом, на практике нередки случаи искусственного создания препятствий для встречи с избранным адвокатом, особенно в ночное время или в условиях территориальной удаленности. Задержанному может быть навязан «дежурный» защитник, не пользующийся его доверием, что ставит под сомнение саму сущность права на защиту.

Вторая, более системная проблема, заключается в качестве предоставляемой юридической помощи. Институт адвокатов по назначению, призванный гарантировать право на защиту независимо от имущественного поло-

жения, демонстрирует свою неэффективность. Низкий уровень вознаграждения за такой труд не стимулирует адвокатов к активной и качественной защите, что приводит к ее формализации. Пассивное присутствие на следственных действиях, отказ от заявления, ходатайств о проведении дополнительных проверок версии защиты, отказ от обжалования действий следователя – все это де-факто лишает подозреваемого реальной, а не декларативной защиты. Это создает ситуацию процессуального неравенства, где исход дела может предопределяться не доказанностью вины, а экономическими возможностями обвиняемого. Таким образом, право на защиту, провозглашенное во Всеобщей декларации прав человека, на стадии расследования часто не реализуется в полной мере, что подрывает основы справедливого правосудия.

Запрет пыток и бесчеловечного обращения, закрепленный в статье 5 Всеобщей декларации прав человека, является императивной нормой международного права, не знающей никаких исключений [4, с. 298]. Однако как показывают многочисленные дела, рассматриваемые международными органами и правозащитными организациями, эта проблема остается одной из самых острых и болезненных в российской правоприменительной практике.

Основная сложность заключается не в отсутствии правового запрета, а в системных барьерах, препятствующих эффективному расследованию таких фактов и привлечению виновных к ответственности. Во-первых, латентный характер этих преступлений: они совершаются, как правило, в условиях изоляции и отсутствия независимых свидетелей (в помещениях для содержания задержанных, в кабинетах для допросов). Доказательная база формируется исключительно на основе противоположных показаний заявителя и сотрудников правоохранительных органов.

Полученные с нарушением закона, в том числе под пытками, доказательства на практике не всегда признаются судами недопустимыми. Суды часто занимают пассивную позицию, перекладывая бремя доказывания факта применения пыток на самого потерпевшего, что при указанных выше обстоятельствах является практически невыполнимой задачей. Создается порочный круг безнаказанности, который не только не искореняет практику пыток, но и, напротив, воспроизводит ее, так как сотрудники не несут реальной ответственности за свои действия. Это наносит катастрофический урон авторитету правосудия и напрямую противоречит основополагающим принципам, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на декларируемую приверженность нормам международного права и принципам, заложенным во Всеобщей декларации прав человека, в российской правоприменительной практике на стадии предварительного расследования сохраняется ряд системных проблем, препятствующих полной и эффективной защите прав личности [5, с. 7]. Указанные проблемы – размывание презумпции невиновности, формализация права на защиту, сохранение практики применения пыток

и несоразмерное применение мер процессуального принуждения – имеют общую природу, коренящуюся в устойчивом обвинительном уклоне всей системы уголовного преследования.

Преодоление этих проблем требует не точечных изменений законодательства, а комплексной трансформации правовой культуры и процессуальной практики. Среди первоочередных направлений такой трансформации можно выделить: усиление реального, а не формального судебного контроля за всеми действиями следствия, ограничивающими права граждан; создание независимого от системы правоохранительных органов механизма расследования жалоб на пытки и злоупотребления; кардинальное реформирование института бесплатной юридической помощи с целью повышения ее качества и доступности; внедрение современных технологий (повсеместная аудио- и видеофиксация) для обеспечения прозрачности следственных действий; а также повышение профессиональной ответственности и этики сотрудников правоохранительных органов. Только при условии такого системного подхода можно говорить о построении уголовного судопроизводства, которое бы в полной мере соответствовало высоким идеалам справедливости и уважения человеческого достоинства, провозглашенным 78 лет назад во Всеобщей декларации прав человека.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Стукалова Т. В. Актуальные проблемы обеспечения прав и свобод личности органами внутренних дел при производстве предварительного расследования // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 447–451.

3. Омариева А. Н. Некоторые особенности реализации презумпции невиновности : отраслевой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 4. С. 109–116.

4. Сибагатуллин Ф. Ф. Механизм применения уголовно-правовых запретов как способ защиты прав на свободу и личную неприкосновенность (на примере статьи 116.1 УК РФ) // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека) : сборник материалов Международной конференции, Уфа, 8 декабря 2022 года. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2022. С. 297–300.

5. Павлова Л. В. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей Декларацией прав человека 1948 года // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5. С. 5–14.

Миняшева Г. И. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется принцип неприкосновенности личности – один из важных принципов современного государства, а также рассматриваются особенности законодательной регламентации и проблемные вопросы соблюдения данного принципа. Нарушение принципа неприкосновенности личности имеет далеко идущие последствия для всех участников процесса, а также для общества в целом. Предлагаются определенные меры для обеспечения соблюдения принципа неприкосновенности личности в деятельности сотрудников оперативных подразделений. Соблюдение принципа неприкосновенности личности помогает оперативным сотрудникам реализовать конституционные положения, обеспечивая соблюдение законности и справедливости в процессе уголовного расследования.

Ключевые слова: неприкосновенность личности, права и свободы человека, оперативно-розыскные мероприятия.

Abstract. This article analyzes the principle of personal inviolability—one of the most important principles of the modern state—and examines the specifics of legislative regulation and problematic issues related to its enforcement. Violations of this principle have far-reaching consequences for all participants in the process, as well as for society as a whole. Certain measures are proposed to ensure respect for the principle of personal integrity in the activities of operational units. Adherence to the principle of personal integrity helps operational units implement constitutional provisions, ensuring legality and fairness in criminal investigations.

Keywords: inviolability of the person, human rights and freedoms, operational-search activities.

Одной из главных задач, стоящих перед государством, на сегодняшний день является борьба с преступностью во всех ее проявлениях [6]. Сотрудники оперативных подразделений играют ключевую роль в этом процессе, решая оперативно-розыскные задачи в своей профессиональной деятельности. До недавнего времени внимание к обеспечению законности и исполнению прав и законных интересов граждан среди сотрудников органов

внутренних дел было недостаточным. Но сейчас проблема правонарушений среди этой категории сотрудников стала особенно актуальной.

Усиление контроля за деятельностью оперуполномоченных и повышение требований к ним стали неотъемлемой частью реформирования правоохранительной системы. Важно, чтобы все сотрудники органов внутренних дел соблюдали законы, принципы уголовного судопроизводства и профессиональные стандарты, регламентирующие служебную деятельность органов внутренних дел. Подобные меры способствуют повышению доверия к правоохранительным органам и укреплению веры граждан в их работу.

Проблема нарушения прав и свобод человека и гражданина в работе оперативных подразделений, включая нарушение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, установленных в ст. 22 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [3], остается неразрешенной и в современной правовой системе в государстве, несмотря на принимаемые меры по ее разрешению. Эта проблема не только причиняет вред лицу, чьи права или свободы нарушаются, но и влечет за собой множество негативных последствий, например, таких как: нарушение задач оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений, изобличению лиц, совершающих преступления, нарушение установленного уголовно-правового и оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации. В связи с этим возникает необходимость провести комплексный анализ одного из немаловажных принципов современного государства – принципа неприкосновенности личности, а также исследовать особенности законодательной регламентации и проблемные вопросы соблюдения данного принципа.

Принцип неприкосновенности личности играет важную роль в деятельности оперативных подразделений, так как он направлен на защиту прав и свобод человека от произвола и незаконного вмешательства в его личную жизнь. Соблюдение этого принципа помогает оперативным сотрудникам реализовать конституционные положения, обеспечивая соблюдение законности и справедливости в процессе уголовного расследования.

Важно отметить, что оперуполномоченные должны действовать в рамках закона и уважать неприкосновенность личности подозреваемых и обвиняемых лиц. В противном случае нарушение этого принципа может привести к недопустимости доказательств и нарушению процессуальных прав граждан.

Правовое государство, как юридическое понятие, основывается на ограничении государственной власти правом, конституцией (демократической), действием государственных органов, действующих в соответствии с конституцией и правовыми законами государства. Важнейшая роль правового государства, или его сущности – это воплощение в жизнь нравственных идей равенства, справедливости и морали. Особое место в сущности государства занимает реализация принципов гуманности, человеколюбия, обеспечение гарантий и свобод личности.

Говоря о верховенстве закона, в качестве принципа правового государства мы имеем в виду прежде всего главенство правового закона, лишенного пристрастия и несправедливости.

Существование принципов права является неотъемлемой частью общей правовой системы государства, поскольку они формируют взаимосвязь между правовыми институтами и всевозможными отраслями права. Основная задача принципов в правовой сфере – обеспечивать возрастание качества научных трудов и развитие взглядов исследователей юридической науки. В этом случае эффективность действий законов и правовых положений в государстве будет более результативной. На положительный исход решения этой задачи оказывает влияние такое условие, как отражение современных правовых норм в международном законодательстве.

Соблюдение принципа неприкосновенности личности важно не только для защиты прав и свобод граждан, но и для обеспечения законности и справедливости в оперативно-розыскной деятельности. Оперуполномоченные должны придерживаться высоких стандартов профессионализма и этики, чтобы не допустить нарушений в этой области.

Для обеспечения соблюдения принципа неприкосновенности личности в деятельности оперуполномоченного могут быть предприняты следующие меры:

1. Проведение регулярных тренингов и курсов по этике и профессиональной деятельности для оперуполномоченных.

2. Установление четких правил и процедур для работы с личными данными граждан и исключение их незаконного использования [2, с. 114].

Помимо этого, важно соблюдение прозрачности и ответственности в деятельности оперативных работников для предотвращения злоупотреблений и нарушений прав граждан. Эти меры позволят обеспечить законность и справедливость в уголовном розыске, а также защитить права и свободы граждан.

В деятельности оперуполномоченного этот принцип играет ключевую роль, поскольку работа таких органов напрямую связана с ограничением прав и свобод граждан в целях обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью.

Оперуполномоченные должны соблюдать принцип неприкосновенности личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, контроля за лицами, осуществлении задержаний и принятии других законных действий. Нарушение этого принципа может повлечь за собой ответственность со стороны правоохранительных органов и судебных инстанций. В рамках координации деятельности с оперуполномоченными необходимо обеспечить обучение и контроль за соблюдением принципа неприкосновенности личности, чтобы предотвратить возможные нарушения законности и прав граждан [11, с. 101].

Для обеспечения соблюдения принципа неприкосновенности личности оперуполномоченные могут принимать следующие меры:

1. Обязательное уведомление задерживаемого лица о причине его задержания и о его правах.
2. Соблюдение процедур и правил при проведении обыска, досмотра и задержания.
3. Запрет на применение физического или морального насилия в отношении задерживаемого.
4. Оформление всех действий и протоколов в соответствии с законом.

Принцип неприкосновенности личности обязывает правоохранительные органы уважать права и свободы каждого человека, предусматривает необходимость строгого соблюдения законов при проведении расследований; обязывает основывать меры пресечения или применяемые методы на обоснованных фактах и доказательствах. Нарушение неприкосновенности личности может привести к неправомерному преследованию граждан и нарушению их конституционных прав.

Центральное положение в российской системе права занимают права и свободы гражданина. И такой принцип, как неприкосновенность личности играет немаловажную роль в системе принципов уголовного законодательства в Российской Федерации.

Право на неприкосновенность человеку присваивается с самого рождения, что предполагает совершение им действий, которые бы не противоречили закону. Схожими с понятием «неприкосновенность» является такая категория, как недопустимость применения насилия не в рамках закона.

При анализе двух правовых норм: ст. 22 Конституции РФ и ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) можно отметить, что понятия «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность» являются идентичными. Однако, если изучать в поле зрения принципов уголовного процесса, то можно заметить, как первое понятие реализуется посредством реализации права как участников уголовного судопроизводства, так и органов государственной власти.

Мнение П. Ю. Пустовалова о праве на личную неприкосновенность считается справедливым: «субъективное право лица (в отношении которого закон допускает применение мер процессуального принуждения) на обеспечение его психической и физической неприкосновенности от противоправных посягательств должностных лиц и государственных органов» [9, с. 111].

Принцип неприкосновенности личности является одним из основных правовых принципов, защищающих индивидуальные права и свободы человека. В Российской Федерации принцип неприкосновенности личности закреплён в ст. 23 Конституции РФ, которая гарантирует неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту своей чести и доброго имени. В ряде случаев правительство и органы правопорядка допускают нарушения этого принципа.

А. А. Опалева считает, что неприкосновенность личности – это правовое понятие, которое обозначает недопустимость физического воздействия на личность, ограничения ее индивидуальной свободы, унижения ее чести и достоинства [8, с. 14].

Е. Г. Васильева считает, что понятие «неприкосновенность личности» состоит из простых базовых сфер жизни общества, таких как: физическая, нравственная, духовная и другие [1, с. 25].

Исходя из этого, она выделяет 6 самостоятельных групп, посредством которых можно охарактеризовать принцип неприкосновенности личности:

- группа физической неприкосновенности, которая предполагает защиту от насилия, опасного для жизни и здоровья, а также охрану половой свободы;
- группа нравственной неприкосновенности, состоящая из защиты чести и достоинства личности;
- группа психической неприкосновенности – подразумевает нормальное развитие психических процессов в организме человека;
- группа индивидуальной свобод представляет собой свободное определение места пребывания, передвижения;
- группа общей свободы действий.

При наличии условий ограничения прав, свобод человека следует отличать правомерное ограничение и неправомерное. Первое вправе осуществлять компетентные органы государства исходя из положений, закрепленных в нормативных правовых актах. Так, конституционные права и свободы обвиняемого или подозреваемого в момент его задержания не являются нарушением рассматриваемого принципа, а вот в отношении других лиц несоблюдение принципа неприкосновенности должно быть более обособленным.

Основания ограничения прав и свобод гражданина в уголовном процессе бывают двух типов: фактическое основание и юридическое, или по-другому процессуальное основание.

В. М. Корнуков считает, что основание будет весомым только в случаях, когда законность и внутреннее убеждение стороны обвинения позволят сделать вывод о необходимости применения той или иной меры процессуального принуждения [4, с. 45].

Принцип неприкосновенности личности базируется на основании ст. 22 Конституции РФ, которая содержит в себе единые требования неприкосновенности личности с учетом международных нормативных актов о правах человека. Конституционное положение подчеркивает значение обоснованности и наличие только легитимных оснований для ареста и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Конституция РФ гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность, которое, в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, может быть ограничено лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных

интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Достижению названных конституционно значимых целей служат и меры процессуального принуждения, включая задержание подозреваемого в совершении преступления.

По своему буквальному смыслу ст. 22 Конституции РФ не исключает того, что при возбуждении прокурором либо следователем и дознавателем с согласия прокурора ходатайства об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей, суд вправе своим решением продлить срок задержания подозреваемого в связи с отложением принятия решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, как это установлено п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

1. Право быть немедленно освобожденным при незаконном задержании, лишении свободы, помещении в медицинский или психиатрический стационар.

2. Право быть немедленно освобожденным при содержании под стражей свыше срока, предусмотренного УПК РФ.

3. Право лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, на содержание в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

Реализация данного права обеспечивается главным образом нормами, содержащимися в федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Так, ст. 19 указанного закона устанавливает: «при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого».

Основными задачами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в рамках обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства являются следующие:

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

– осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;

– добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

– установление имущества, подлежащего конфискации.

Каждая из этих задач имеет непосредственное отношение к названным выше целям оперативно-розыскной деятельности. Так, например, предупреждение или пресечение преступления может быть напрямую связано с защитой жизни и здоровья граждан, а без установления имущества, подлежащего конфискации, невозможно было бы восстановить нарушенное право частной или государственной (муниципальной) собственности.

Принцип неприкосновенности личности – неотъемлемое право личности, которое позволяет ему обеспечивать свою личную безопасность как психическую, так и физическую, посредством недопущения противоправных посягательств от государственных органов.

Нарушение принципа неприкосновенности личности имеет далеко идущие последствия для всех участников процесса, а также для общества в целом. Это приводит к следующему: утрате доверия к правоохранительным органам и судебной системе; увеличению риска несправедливого обвинения и осуждения; физическим и психологическим страданиям в результате незаконного задержания, обыска или допроса; повреждению репутации и социального положения.

Для правоохранительных органов и судебной системы нарушение принципа неприкосновенности личности влечет за собой такие последствия, как:

- подрыв авторитета и доверия общества;
- увеличение вероятности судебных ошибок;
- повышение затрат на проведение расследований и судебных разбирательств;
- нарушение законности и подрыв верховенства права.

Так, соблюдение принципа неприкосновенности личности является основополагающим условием для обеспечения справедливого уголовного процесса и защиты фундаментальных прав и свобод человека. Любые нарушения этого принципа должны строго пресекаться и наказываться, чтобы сохранить доверие к правовой системе и обществу в целом [10, с. 85].

В заключение следует отметить, что основная идея неприкосновенности личности в оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации соответствует древнему латинскому постулату и традиционному представлению о законности, которое выражено словами: «Закон никогда не учиняет несправедливости, никому не причиняет вреда» [5].

Библиографический список

1. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис... канд. юрид. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2019. 193 с.
2. Егоров С. Е. Общеизвестные принципы и нормы о правах человека в уголовном процессе России // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. 2022. № 4 (98). С. 114.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Корнуков В. М. Меры принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2018. С. 45.

5. Латинские выражения – De Jure. URL: <http://share.google/b969ruA4F> (дата обращения: 10.10.2025).

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства. 2021 г. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

7. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 48 (ч. I). Ст. 1381.

8. Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности в России // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2019. № 2. С. 14.

9. Пустовалов П. Ю. Понятие и юридическая природа права на неприкосновенность личности // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1. С. 111.

10. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно–процессуальное право Российской Федерации : академический курс по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2018. С. 85.

11. Щербакова М. А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 101.

© Миняшева Г. И., 2025

УДК 347.426351.74.078(470)

Морин А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел. Авторы на основе анализа научной литературы, действующего законодательства затрагивают вопросы причинения вреда в условиях крайней

необходимости и необходимой обороны, рассматривают отдельные особенности применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Ключевые слова: обязательства вследствие причинения вреда, правомерные действия, крайняя необходимость, необходимая оборона.

Abstract. This article examines liabilities arising from harm caused by lawful actions of law enforcement officers. Based on an analysis of scientific literature and current legislation, the authors address issues of harm caused in situations of extreme necessity and self-defense, and examine specific aspects of the use of physical force, special equipment, and firearms by law enforcement officers.

Keywords: liabilities arising from harm, lawful actions, extreme necessity, self-defense.

Основы возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, заложены законодателем в ст. 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В ней устанавливается, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

Конкретизирующими же статьями, регламентирующими особенности и порядок рассматриваемого нами возмещения, являются положения, отраженные законодателем в главе 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда», а именно в ст. 1066 и 1067 ГК РФ. В них частично речь идет и о применимости положений о необходимой обороне и крайней необходимости именно к правомерным действиям сотрудника.

Применительно к теме нашего исследования отметим, что если вред причинен сотрудником органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны, то он не подлежит возмещению при условии, если сотрудник не превысил ее пределов. В состоянии же крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей сотруднику органов внутренних дел или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, вред должен быть возмещен органами внутренних дел. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред (в нашем случае органы внутренних дел) [1].

Ранее действующий закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» в статье 24 предусматривал, что на деятельность сотрудника милиции распространяются нормы уголовного законодательства

Российской Федерации о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, об обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения [2].

Ныне действующий Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») подобного рода определений не содержит и в целом в ч. 9 ст. 18 указывает, что сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами [3].

Порядок применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия отражен уже в ст. 19 вышеуказанного закона. Так, согласно этому порядку, сотрудник полиции перед применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия обязан сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, о том, что он является сотрудником полиции, предупредить их о своем намерении и предоставить им возможность и время для выполнения законных требований сотрудника полиции. В ряде случаев он может и не сообщать о таком намерении, например, тогда, когда промедление в их применении создает непосредственную угрозу жизни и здоровью гражданина или сотрудника полиции либо может повлечь иные тяжкие последствия.

Сотрудник полиции в описываемых условиях должен всегда действовать с учетом сложившейся обстановки и стремиться к минимизации любого ущерба. Он обязан оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, первую помощь, принять меры по предоставлению ему медицинской помощи в возможно короткий срок, уведомить об этом близкого родственника или близкого лица гражданина, уведомить своего непосредственного начальника и в ряде случаев прокурора.

Кроме закона «О полиции» порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками отражен также и в ст. 30 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [4], ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], ст. 18 Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» [6], ст. 43 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [7].

Напомним, что вопрос о правомерности или противоправности действий сотрудника органов внутренних дел разрешается непосредственно в органе внутренних дел, где проходит службу соответствующий сотрудник в рамках проводимой в отношении него служебной проверки. Следует отметить, что правомерность его действий оценивается не только в части соблюдения сотрудником ФЗ «О полиции», но и в части соблюдения всего действующего законодательства, которое должен соблюдать сотрудник при выполнении своих должностных обязанностей.

В практике рассмотрения судами споров, связанных с возмещением причиненного вреда, имеют место и отдельные, на наш взгляд, казусы. Так, гражданка К. обратилась в суд с иском о возмещении убытков, сославшись на то, что она признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.21.1 (Нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства) Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), и ей назначено наказание в виде штрафа. Впоследствии на основании судебного акта постановление по делу об административном правонарушении отменено, производство по данному делу в отношении К. прекращено в связи с отсутствием в ее действиях состава административного правонарушения. Решениями судов первой и апелляционной инстанций исковые требования К. удовлетворены частично, в ее пользу взысканы убытки в связи с привлечением ее к административной ответственности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив законность и обоснованность судебных актов, удовлетворила кассационную жалобу Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и дополнения к ней Договорно-правового департамента МВД России по следующим основаниям.

За административные правонарушения в области дорожного движения в случае фиксации их работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, средствами фото- и киносъемки, видеозаписи к административной ответственности привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств, при использовании которых нарушение допущено (ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Именно в изложенном законом порядке и в соответствии с ним органы внутренних дел выявили нарушение, совершенное с использованием транспортного средства, принадлежащего К., и привлекли истицу к ответственности, что указывает на правомерный характер действий органов внутренних дел, поскольку привлечение к ответственности собственника транспортного средства в случае технической фиксации нарушения обусловлено объективным характером нарушения и презумпцией использования транспортного средства его собственником.

В качестве защиты от неосновательного наказания закон предусматривает освобождение собственника от административной ответственности за технически зафиксированное нарушение, если в результате обжалования акта о привлечении к ответственности будет доказано использование транспортного средства другим лицом (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Гражданка К. воспользовалась своим правом на обжалование постановления о привлечении ее к административной ответственности и была освобождена от нее судом в связи с совершением правонарушения гражданином К. С., которому она передала в пользование транспортное средство по договору аренды. Предпринятые истицей как собственником транспортного средства действия по освобождению ее от ответственности и сопряженные с этими действиями расходы связаны с передачей самим собственником транспортного средства К. С. и с нарушением им правил дорожного движения, а не с ненадлежащим исполнением органами внутренних дел возложенных на них законом функций в области безопасности дорожного движения.

Данное обстоятельство, в свою очередь, является доказательством невиновности должностного лица органов внутренних дел при производстве по делу об административном правонарушении в отношении истицы.

При этом суды не учли, что лицом, в результате действий которого К. понесла указанные выше издержки, является непосредственный нарушитель правил дорожного движения – К. С., управлявший по воле собственника ее транспортным средством, а не сотрудники органов внутренних дел, действовавшие в рамках административного законодательства.

Таким образом, при явном отсутствии виновного поведения должностных лиц МВД России суды необоснованно удовлетворили иск, неправильно истолковав положения ст. ст. 15 и 1069 ГК РФ в совокупности с изложенными положениями КоАП РФ.

Верховным Судом Российской Федерации судебные акты об удовлетворении иска к подразделению МВД России отменены, в удовлетворении иска гражданке К. отказано. Суд постановил, что при освобождении собственника от административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, в случае, если транспортное средство использовалось другим лицом (несобственником), из-за чего собственник понес издержки в рамках дела об административном правонарушении, виновным лицом, обязанным компенсировать данные издержки, является непосредственный нарушитель правил дорожного движения, управлявший по воле собственника его транспортным средством, а не сотрудники органов внутренних дел, действовавшие в рамках административного законодательства [8].

Поскольку одной из задач сотрудников органов внутренних дел является противодействие терроризму, следует также обратить внимание и на

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В соответствии с чч. 2 и 3 ст. 18 данного закона возмещение вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями, осуществляется за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями здоровью и имуществу лица, участвующего в террористическом акте, а также вред, вызванный смертью этого лица, возмещению не подлежит [9].

Хотелось бы также отметить, что в соответствии с п. 37 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» сотрудники органов внутренних дел (полиции) имеют право использовать в случаях, не терпящих отлагательства, транспортные средства, принадлежащие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям (за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций), а в исключительных случаях – транспортные средства, принадлежащие гражданам, для пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении, для доставки в медицинские организации граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи, для отбуксировки с места дорожно-транспортного происшествия поврежденных транспортных средств, для проезда к месту совершения преступления, административного правонарушения, к месту происшествия, отстраняя при необходимости водителей от управления этими транспортными средствами, с возмещением в установленном федеральном законе порядке по требованию владельцев транспортных средств понесенных ими расходов либо причиненного им материального ущерба [3].

Таким образом, следует заключить, что для возникновения обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями сотрудников органов внутренних дел, необходимо установить совокупное, взаимосвязанное наличие таких условий, как: вред, причинно-следственная связь между возникшим вредом и действиями сотрудника, которому предоставлены определенные полномочия, правомерность его действий, а также наличие правовой нормы, устанавливающей возмещение вреда при данных обстоятельствах. Доказательство же правомерности действий сотрудников органов внутренних дел не исключает наступления обязательств по возмещению причиненного вреда. В данном случае судам необходимо лишь установить, что рассматриваемые судом обстоятельства допускают причинение вреда, а также предусматривают его возмещение.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями от

13 декабря 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. О милиции : закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (утратил силу). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О порядке отбывания административного ареста : федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2019 г. № 18-КГ19-18. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Морин А. В., 2025

Морозова М. Н. – преподаватель кафедры административного права Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Морозов В. А. – специалист по особым поручениям отдела организации функционирования ИСОД МВД России Управления информационных технологий Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России, кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ПОДЛЕЖАЩИХ АДМИНИСТРАТИВНОМУ ВЫДВОРЕНИЮ, КОТОРЫЕ СОДЕРЖАТСЯ В СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам обеспечения прав, свобод и законных интересов иностранных граждан, которые подлежат административному выдворению и содержатся в специальных учреждениях МВД России. В статье раскрыты теоретико-правовые аспекты правового статуса мигрантов, проанализировано международное и отечественное законодательство. Внесены предложения по совершенствованию законодательства, направленного на повышение эффективности реализации механизма административного выдворения.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, правовой статус, права, обязанности, ограничения, правовое регулирование, миграционное законодательство, административное выдворение.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of ensuring the rights, freedoms, and legitimate interests of foreign citizens who are subject to administrative deportation and are held in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article reveals the theoretical and legal aspects of the legal status of migrants and analyzes international and domestic legislation. The article also makes proposals for improving legislation aimed at increasing the effectiveness of the administrative deportation mechanism.

Keywords: foreign citizen, stateless person, legal status, rights, obligations, restrictions, legal regulation, migration legislation, administrative deportation.

Обеспечение реализации права на свободу передвижения граждан на сегодняшний день является основой функционирования демократического государства. В условиях современной геополитической обстановки проблема обеспечения баланса интересов между реализацией права гражданина любого государства на свободное передвижение и, с другой стороны, обеспечение национальной безопасности государства, которое принимает иностранного гражданина, является достаточно актуальной.

На сегодняшний день число международных мигрантов, по данным Департамента социальных и экономических вопросов Организации Объединенных Наций [10], составляет более 232 миллиона человек. Наибольшее число международных мигрантов сосредоточено в 20 странах, среди которых лидерами являются Российская Федерация, Соединенные штаты Америки, Германия, Саудовская Аравия и др. Таким образом, особенности реализации правового статуса иностранных граждан, которые нарушили миграционное законодательство Российской Федерации, являются актуальным направлением исследования.

Защита прав и свобод человека занимает ключевое место в системе норм права любого государства, а обеспечение прав, свобод и законных интересов, пребывающих в государство иностранных граждан, становится неотъемлемой частью правового регулирования.

Основу правового статуса человека и гражданина составляют правовые нормы, которые определяют права, обязанности, запреты и ответственность за нарушение соответствующих норм. Вопрос определения правового статуса иностранного гражданина и лица без гражданства неоднократно становился предметом исследования ученых различных отраслей права.

По мнению С. С. Купреева, административно-правовой статус иностранного гражданина или лица без гражданства базируется на общеправовых положениях, которые закреплены в Конституции Российской Федерации [4, с. 49–52].

А. В. Баранов предположил, что правовой статус представляет собой положение лица, которое выражается в закрепленных законодательством правах, свободах, законных интересах, обязанностях лица [1, с. 115].

Таким образом, определяющим фактором правового статуса иностранного гражданина и лица без гражданства является совокупность правовых норм, определяющих дозволенное поведение иностранного гражданина, закрепленное в законодательстве принимающего государства, а также в нормах международного права.

Ключевым международным нормативным правовым актом, который регулирует правовое положение иностранного гражданина на территории его пребывания вне места своего жительства, является «Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают» (далее – Декларация) [2]. Данная Декларация в своих положениях дает широкое определение понятия «иностраный гражданин»,

под которым понимается любое лицо, не являющееся гражданином государства, в котором оно находится. Декларацией также закреплён принцип толерантного отношения, а именно: поддержание взаимного уважения традиций, обычаев и языка государства, в котором пребывают иностранных граждан. Согласно ст. 2: «Ничто в настоящей Декларации не должно толковаться как узаконивающее незаконное проникновение иностранца в государство и его присутствие в государстве; ни одно положение не должно также толковаться как ограничивающее право любого государства принимать законы и правила, касающиеся въезда иностранцев и условий их пребывания, или устанавливать различия между его гражданами и иностранцами» [2]. Согласно ч. 2 данной статьи не допускается также создавать и принимать законодательство, связанное с ограничением прав иностранных граждан и лиц без гражданства, которые нарушили основной закон государства.

Особое внимание Декларацией уделяется национальному законодательству, реализация которого должна быть направлена на обеспечение национальной безопасности с учётом разумного подхода и обеспечения реализации прав и законных интересов граждан на территориях пребывания.

Среди отечественного миграционного законодательства стоит отметить Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ-№115). Согласно ст. 4 ФЗ-№115, иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации [9]. Данное положение полностью отражает содержание и принципы положений Декларации. Однако неотъемлемой частью административно-правового статуса иностранного гражданина является ответственность за нарушение национального законодательства.

Одной из ключевых задач правоохранительных органов Российской Федерации является предупреждение, выявление и пресечение правонарушений или преступлений. Для реализации данной задачи к иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые допустили нарушение миграционного законодательства Российской Федерации, ответственность за которое предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3], может быть применено административное выдворение. Стоит отметить, что при назначении данного административного наказания учитываются продолжительность проживания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате налогов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, наличие дохода и обеспеченность жильём на территории Российской Федерации, род деятельности и профессия, законопослушное поведение, обращение о приеме в гражданство Российской Федерации и другие обстоятельства. При этом данное административное наказание не применяется, если оно является чрезмерным

ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Согласно ст. 2.6 КоАП РФ, иностранные граждане привлекаются к административной ответственности на общих основаниях (за исключением иностранных граждан, обладающих дипломатическим иммунитетом) [3].

В период с января по июль 2025 года было выдворено более 2,8 тысяч иностранных граждан, которые нарушали миграционное законодательство, что почти на 20 % больше, чем за аналогичный период в 2024 году [7].

Административное выдворение может быть применено в двух формах, во-первых, в виде самостоятельного контролируемого выдворения, во-вторых, в виде принудительного выдворения с помещением в специальное учреждение, в целях обеспечения исполнения данного вида административного наказания. Согласно ст. 34 ФЗ № 115-ФЗ, «иностранец, который подлежит административному выдворению, содержится в специальном учреждении до исполнения решения об административном выдворении» [9]. Таким образом, исходя из правовой нормы, можно сделать вывод, что срок пребывания иностранных граждан в специальном учреждении не ограничен временными рамками, что создает предпосылки к ущемлению и нарушению прав иностранных граждан.

С момента помещения иностранного гражданина в данный тип учреждения, помимо основных прав и обязанностей, иностранный гражданин приобретает специальный правовой статус, который связан с порядком исполнения административного наказания в виде административного выдворения.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» [6] (далее – постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306), иностранные граждане, в условиях содержания в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) лишаются свободы передвижения, что часто становится детерминантом ущемления прав иностранного гражданина. Случаи нарушения прав иностранных граждан, закрепленных как нормами международного, так и нормами национального законодательства, регулярно становятся предметом рассмотрения обращений к Уполномоченному по правам человека Российской Федерации и предметом судебных разбирательств [7].

Таким образом, правовое положение иностранных граждан определяется такими элементами как права, обязанности, гарантии и ответственность [4]. Правовые нормы, регулирующие правовое положение международных

мигрантов, находят свое отражение как в нормах международного права, так и в нормах отечественного миграционного и административного законодательства, которые в совокупности образуют правовой статус иностранных граждан, находящихся на территории государства вне своего проживания. В случае нарушения ими режима пребывания, к ним применяются меры государственного принуждения, в частности административное выдворение с помещением в специальное учреждение МВД России. При нахождении в учреждениях данного типа на иностранных граждан распространяются определенные правила, связанные с запретом на свободное передвижение, тем самым ограничивающие право на свободу передвижения, гарантированное нормами международного законодательства. Подобное ограничение не имеет цель ущемления прав иностранного гражданина, а является ответной реакцией государства на нарушение национальной безопасности. Однако применение меры нередко связано с нарушением прав иностранных граждан, что является следствием несовершенства законодательства. В целях повышения эффективности применения данной меры, стоит внести изменения в федеральное законодательство, определяющее правовое положение иностранных граждан и конкретизировать предельный срок содержания иностранных граждан в специальных учреждениях.

Библиографический список

1. Баранов А. В. «Теория государства и права» в схемах и определениях : учебное пособие / под ред. М. М. Журавлева. М. : Юнити, 2008.
2. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята резолюцией 40/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
4. Купреев С. С. О содержании административно-правового статуса иностранцев в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 8.
5. Морозов В. А. Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России : дис. ... канд. юрид. наук. 2023. 217 с.
6. Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федера-

ции, депортации или реадмиссии : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1306. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

7. Почти на 20 % больше мигрантов-нарушителей депортировали из России в 2025 году // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/pochti-na-20-bolshe-migrantov-narushiteley-deportirovali-iz-rossii-v-2025-godu-mvd> (дата обращения: 20.09.2025).

8. Решение по делу № 12-96/2023 от 27 ноября 2023 г. // Правовая навигационная система. Закон РФ. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-3d041383-a652-502b-8145-f97b51e1f4ca/> (дата обращения: 20.09.2025).

9. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Число международных мигрантов превысило 232 миллиона // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru/desa/migrants> (дата обращения: 20.09.2025).

© Морозова М. Н., 2025

© Морозов В. А., 2025

УДК 343.915:343.6(470)

Набиев Ф. Ф. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые вопросы причин и условий совершения преступления по неосторожности, а также отдельные аспекты, связанные с предупреждением неосторожных преступлений.

Ключевые слова: неосторожная преступность, причины, неосторожной преступности, криминогенная небрежность, техническая безопасность, предупреждение неосторожной преступности.

Abstract. In the article, the author discusses certain issues of the causes and conditions of committing a crime of negligence, as well as certain aspects related to the prevention of reckless crimes.

Keywords: reckless crime, causes, reckless crime, criminogenic negligence, technical safety, prevention of reckless crime.

Преступления, совершаемые по неосторожности, представляют серьезную угрозу безопасности личности, общества и государства. В отличие от умышленных преступлений, они связаны не с прямым желанием причинить вред: лицо предвидело, но самонадеянно рассчитывало предотвратить общественно опасные последствия своих действий или не предвидело, но должно было и могло их предвидеть, то есть относилось с пренебрежением к правилам безопасности, иногда и к должностным обязанностям. Указанные преступления отличаются большим многообразием, совершаются в самых разных сферах общественных отношений и обуславливаются различными обстоятельствами. Они связаны, прежде всего, с ростом технического прогресса, увеличением источников повышенной опасности, таких как автотранспорт, сложные технологические линии, энергетические объекты, при обращении с которыми нарушаются правила предосторожности, безопасности при использовании технических средств и других источников повышенной опасности (техническая неосторожность). Преступления по неосторожности также совершаются при ненадлежащем отношении к профессиональным и должностным обязанностям, иногда и к правилам поведения в быту [1].

Значителен и круг субъектов, совершающих преступления по неосторожности. Возникают сложности определения их вины, так как часто вред является результатом множества факторов, особенно при аварии на больших предприятиях. Последствия наступают, как правило, в результате халатности нескольких должностных лиц. Весомый вклад в преступность вносит и высокая виктимологическая составляющая; поведение самой жертвы часто способствует наступлению преступного результата (пешехода, пассажира, работника).

Следственно-судебная практика свидетельствует, что уровень указанной преступности из года в год остается на стабильном уровне. Так, в 2020 году в Российской Федерации общее количество осужденных за неосторожные преступления составило 10 082 лица, в 2021 году – 10 655 лица, в 2022 году – 11 130 лиц, в 2023 году – 11 060 лиц, в 2024 году – 11 762 лица. Несмотря на невысокое место в структуре общего количества осужденных преступников в Российской Федерации, значительную часть неосторожных преступлений составляют преступления, объектом посягательства которых являются жизнь и здоровье человека. Так, доля осужденных за преступления, предусмотренные только статьями 109, 118, 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, в Российской Федерации в 2020 году в структуре неосторожных преступников составила 93,87 %, в 2021 году – 92,72 %, в 2022 году – 91,55 %, в 2023 году – 89,27 %, в 2024 году – 88,52 % [2, 3].

Изучение преступлений, совершенных по неосторожности. Причины неосторожной преступности можно разделить на объективные и субъективные группы. К объективным группам относятся технические неисправности, несовершенство нормативной базы, неадаптированная дорожная структура, неблагоприятные погодные условия. К субъективным группам – низкий уровень профессиональной подготовки, правового сознания и дисциплины; переутомление; стрессовые состояния; алкогольное или наркотическое опьянение; самонадеянность и завышенная оценка собственных возможностей.

Личность неосторожного преступника, как правило, не характеризуется антисоциальной направленностью. Часто это рядовые граждане или профессионалы в своей области, которые в силу внутренних (усталость, невнимательность) и внешних обстоятельств допускают роковую ошибку. Криминогенную основу здесь составляет не столько установка на нарушение закона, сколько пренебрежение к установленным правилам безопасности.

Указанные причины неосторожных преступлений требуют разработки системы предупредительных мероприятий, которая должна основываться на комплексе причинно-следственных и личностных характеристик.

Эффективная борьба с неосторожной преступностью требует комплексного подхода, реализуемого на трех уровнях:

1. Общесоциальный уровень, направленный на устранение макросоциальных причин и условий, которые включают:

– совершенствование технических стандартов и требований безопасности во всех сферах жизнедеятельности (транспорт, промышленность, строительство);

– развитие и модернизация инфраструктуры (строительство безопасных дорог, пешеходных переходов, установка современных систем сигнализации и оповещения);

– правовое воспитание населения. Формирование в обществе нетерпимого отношения к любым нарушениям правил безопасности (правил дорожного движения, техники безопасности на производстве и т. д.);

– пропаганда здорового образа жизни и недопустимости управления источниками повышенной опасности в состоянии опьянения или утомления.

2. Специально-криминологический уровень профилактики, который направлен на конкретные виды неосторожных преступлений и группы риска:

– профессиональный отбор и обучение. Ужесточение требований к профессиональной подготовке лиц, чья деятельность связана с источниками повышенной опасности (водители, пилоты, операторы установок);

– регулярный технический осмотр и контроль за состоянием транспорта, оборудования и механизмов;

– осуществление ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением правил безопасности на предприятиях, в учреждениях;

– информирование граждан о правилах безопасного поведения в быту, на дороге, на производстве, чтобы минимизировать риск стать жертвой неосторожного поведения.

3. Индивидуальный уровень профилактики, направленный на конкретное лицо, склонное к нарушению правил предосторожности:

– применение мер административного и дисциплинарного воздействия за неопасные нарушения (штраф за превышение скорости, выговор за нарушение трудовой дисциплины);

– психологическое консультирование лиц, страдающих от синдрома хронической усталости, стресса или склонных к необоснованно рискованному поведению;

– проведение профилактической работы с лицами, привлекаемыми к административной или дисциплинарной ответственности.

Таким образом, неосторожная преступность является сложным и многогранным явлением, предупреждение которого должно быть основано на принципе опережающего воздействия. Только комплексный подход позволит минимизировать человеческие, материальные и экологические потери от преступлений, совершенных по неосторожности.

Библиографический список

1. Байтиленова Д. С. Теоретические проблемы борьбы с преступлениями по неосторожности и их криминологическая характеристика // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции. Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2024.

2. Судебная статистика // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апс-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 10.10.2025).

3. Показатели преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

© Набиев Ф. Ф., 2025

Небрятенко О. О. – докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. Конец XX – начало XXI столетия в России (первое и второе десятилетия) характеризуется присутствием разнонаправленных тенденций. Для первой характерны процессы глобализации и универсализации, социализации и интернационализации конституционного права, а с ними также теории и практики прав человека. Одновременно в обществе и праве нарастает обратная тенденция, направленная на отказ от доминирования универсальных прав, но не универсальных международных актов, усиление регионализации и культурного релятивизма. Причем, если процессы в рамках первой тенденции угасают, то процессы в рамках второй тенденции только нарастают и получают более выраженный характер в третьем десятилетии XXI века.

Ключевые слова: права человека, тенденции прав человека, национальное право, международное право, регионализация, правовые позиции.

Abstract. The end of the XX – beginning of the XXI century in Russia (the first and second decades) is characterized by the presence of multidirectional trends. The first is characterized by the processes of globalization and universalization, socialization and internationalization of constitutional law, and with them the theory and practice of human rights. At the same time, the opposite trend is growing in society and law, aimed at rejecting the dominance of universal rights, but not universal international acts, strengthening regionalization and cultural relativism. Moreover, while the processes within the first trend are fading, the processes within the second trend are only increasing and becoming more pronounced in the third decade of the XXI century.

Keywords: human rights, human rights trends, national law, international law, regionalization, legal positions.

Тенденции развития прав человека повторяют те же тренды, что и складываются в международной политике и экономике, международно-правовых отношениях, для которых характерен процесс регионализации, «нового регионализма», «интеграции в масштабах субрегионов, регионов и макрорегионов» (Россия, например, вошла в международные организации Евразийский экономический союз, Содружество Независимых государств,

БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и другие), цели которых совпадают с целями классической интеграции, но отличаются «методами, не связанными с передачей части национального суверенитета и властных полномочий на национальный уровень» [4, с. 146].

В настоящее время при соотношении международного и национального права на первое место выдвигаются идеи национального права, провозглашается приверженность идеям государственного суверенитета. Признавая верховенство Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина, Россия ориентируется прежде всего на собственную Конституцию. Так, еще в 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал не утратившую своей актуальности правовую позицию о приоритете Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и реализации норм международного права и международных договоров в правовой системе государства только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ.

В условиях быстро меняющегося мира тенденциям развития прав человека приходит на смену иная, адаптированная под современные условия, ориентированность. Приостановление или выход России из состава некоторых международных организаций не означает отказ от международных правил в области регламентации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Наоборот, появилась возможность выработки собственного самостоятельного взгляда на права, составляющие так называемый международный стандарт прав человека. Россия хоть и утратила в конце XX века лидирующие позиции в сфере формулирования основополагающих подходов в сфере прав и свобод человека и гражданина, вновь готова стать полноценным участником формулирования национального стандарта прав человека.

В российской юридической науке аргументируется вывод о европейской и евразийской идентичности российского права прав человека [3, с. 75], органично вплетенной в национальную идеологию в сфере прав человека, которая проявляется, в том числе, в национальном характере судебной доктрины Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), которую нельзя перенять ни у какого другого государства. На формирование доктрины влияет «состояние правовой культуры, достижения правовой науки, сложившиеся в обществе и праве традиции и обычаи» [2, с. 267].

Конституционный Суд РФ по-прежнему соотносит действующее правовое регулирование с положениями Всеобщей декларации прав человека, международными пактами, конвенциями Международная организация труда и другими международными универсальными актами. В российскую правовую систему положения правовых актов международных организаций и правовые позиции международных судебных органов внедряются путем включения в мотивировочные части судебных актов Конституционного Суда РФ, который в связи с выходом России из Совета Европы перестал в качестве дополнительного обоснования своих итоговых решений делать

ссылки на акты данной международной региональной организации и правовые позиции Европейский суд по правам человека, но включает в свою орбиту законодательство Евразийского экономического союза и практику Суда Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Взаимоотношение Суда ЕАЭС и национальных высших судебных органов – Конституционного и Верховного судов РФ нашло отражение в правовых позициях, согласно которым высшие судебные органы Российской Федерации в своей деятельности руководствуются позициями Суда ЕАЭС.

Подводя итоги вышеизложенного, следует сказать, что взаимодействие международного и национального права в сфере прав человека предполагает соблюдение международных обязательств государством при одновременном учете национальных особенностей, что позволяет обеспечивать равновесие между универсальными стандартами и суверенитетом государства. Проникновению международных норм в национальные правовые системы, с усилением защиты прав и свобод способствует практика деятельности национальных конституционных судов и международных судов.

Следует согласиться с выводом профессора Г. М. Азнагуловой о том, что «признание каждым национальным государством ценностей и идеалов, закрепленных в общепризнанных принципах и нормах международного права, создание нормативных и институциональных механизмов их реализации на внутригосударственном уровне служит основой для "диалога цивилизаций" и, по сути, составляет главное политико-правовое содержание процесса взаимодействия международного и национального права» [1, с. 149].

Библиографический список

1. Азнагулова Г. М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 138–151.
2. Небрятенко О. О. Судебная доктрина как разновидность правовой доктрины // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной вопросам правового и организационного обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. М., 2025. С. 267–271.
3. Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе : поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.
4. Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов – XII : усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах : научная монография. М. : Зебра Е, 2023. 760 с.

© Небрятенко О. О., 2025

Нугуманов А. Р. – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

СТРУКТУРА И СИСТЕМА ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГВИНЕЯ-БИСАУ

Аннотация. В настоящей работе раскрывается структура и система общей части уголовного законодательства Республики Гвинея-Бисау. Проанализированы предпосылки принятия Уголовного кодекса 1993 года, содержание общей части и характерные особенности.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное законодательство Гвинея-Бисау, Африка, структура уголовного закона.

Abstract. This paper reveals the structure and system of the general part of the criminal legislation of the Republic of Guinea-Bissau. The prerequisites for the adoption of the Criminal Code of 1993, the content of the general part and the characteristic features are analyzed.

Keywords: criminal law, criminal law of Guinea-Bissau, Africa, structure of criminal law

Исследователи отмечают, что развитие уголовного права Африки, так же как и иных отраслей права, было достаточно сложным, и историю его становления условно можно разделить на три основных периода: до установления колониального господства, во время колониального правления европейских держав и современный этап существования независимых государств Африки [1].

Уголовное законодательство Республики Гвинея-Бисау представляет собой кодифицированный нормативный акт, принятый Декрет-Законом № 4/93, в качестве дополнения к Бюллетеню федерального закона № 41 от 13 октября 1993 года [2]. В преамбуле Закона № 4/93 от 13 октября 1993 года отмечается, что этот первый Уголовный кодекс Гвинеи появляется как раз в то время, когда страна Гвинея-Бисау отмечает двадцатую годовщину провозглашения национальной независимости и готовится к политико-социальной реформе, которая, безусловно, будет отмечена знаком многопартийной демократии на пути к демократическому правому государству.

Также в преамбуле отмечается, что данный Кодекс принимается вследствие отмены прежнего Уголовного кодекса, унаследованного от колонизаторов, но в то же время Новый Уголовный кодекс пропитан романо-германскими философскими учениями и, прежде всего, португальской юриспруденцией и доктринами, наследником которых является наше право [2].

Уголовное законодательство государств-колонизаторов оказало огромное влияние на развитие национального законодательства африканских стран, в том числе в Республике Гвинея-Бисау [3, 151]. Романо-германская основа воплотилась в структуре и системе нового уголовного законодательства Республики Гвинея-Бисау.

Уголовный кодекс Гвинея-Бисау 1993 года состоит из двух частей: условно общей части, так как не выделена в содержании, и Особенной части. В этом проявляется сходство с отечественным уголовным законодательством. В общей части включены такие разделы как Título I «Da lei penal» (Раздел I «Уголовное право», Título II «Do crime» (Раздел II «Преступления»), Título III «Das consequências jurídicas da infracção criminal» (Раздел III «Правовые последствия уголовных преступлений»), Título IV «Da extinção da responsabilidade criminal» (Раздел IV «Прекращение уголовной ответственности»).

Первый раздел содержит общие положения уголовного законодательства: определение принципа законности, нормы, устанавливающие действие уголовного кодекса во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Глава I «Лица, совершившие уголовные преступления» второго раздела определяет особенности признаков субъекта преступления, а также признаков соучастия в преступлении. По уголовному законодательству Республики Гвинея-Бисау субъектом преступления могут быть как физические лица, находящиеся в состоянии вменяемости, так и юридические. Возраст наступления уголовной ответственности установлен с 16 лет, причем наказание правонарушителям в возрасте от 16 до 20 лет назначается условно, соответствующее виду совершенного преступления, а также в особо смягченном виде. В данной главе также раскрываются виды соучастников, пределы их ответственности.

Глава II «Деяние виновного» Capítulo II «Da conduta do agente» содержит ряд институтов уголовного права: вины, множественности, неоконченной преступной деятельности, ошибки, а также особенности уголовной ответственности за бездействие. В отличие от отечественного законодательства Уголовный кодекс Республики Гвинея-Бисау содержит нормы, устанавливающие правила квалификации при фактической и юридической ошибках.

Глава III «Основания для исключения незаконности и виновности» второго раздела содержит нормы, определяющие круг обстоятельств, исключающих преступность деяния, к которым относит самооборону, крайнюю необходимость и исполнение приказа (обязанности).

Третий раздел «Правовые последствия уголовных преступлений» включает следующие главы:

– глава I «Наказания» содержит общие начала назначения наказаний, виды основных и дополнительных наказаний и их уголовно-правовую характеристику, наказания, применяемые к юридическим лицам и нормы,

регулирующие применение отсрочки наказания. К основным наказаниям, назначаемым к физическим лицам, относят лишение свободы, штраф, обязательные (социальные) работы и выговор – как устное предупреждение судом. К дополнительным наказаниям относят запрет на замещение государственной должности, увольнение и высылка за пределы государства (для иностранных граждан);

– глава II «Назначение наказания» – содержит общие правила назначения наказания, назначение наказания при рецидиве, при отягчающих и смягчающих обстоятельствах, при продолжаемом преступлении, при совокупности преступлений, правила назначения наказаний юридическим лицам, меры безопасности (запрет на профессиональную деятельность, помещение в лечебное учреждение), и иные последствия совершения преступлений (конфискация имущества и возмещение причиненного ущерба).

Раздел IV «Прекращение уголовной ответственности» включает нормы, регулирующие порядок обжалования приговора суда, а также применения сроков давности уголовного преследования и назначения наказания. К основаниям прекращения уголовной ответственности уголовное законодательство Республики Гвинея-Бисау относит помилование и акт амнистии.

Основной посылкой действующего Уголовного кодекса Гвинея-Бисау, с точки зрения уголовной науки, является максима: «Зло лечится не другим злом, а примером и практикой добра!», что находит отражение в системе наказаний данного государства.

Таким образом следует признать, что общая часть уголовного законодательства Республики Гвинея-Бисау в целом соответствует институтам Российского уголовного права, но вместе с тем содержит значительные отличия в системе наказаний, вопросах определения субъекта преступления.

Библиографический список

1. Лихачев В. А. Из истории уголовного права государств Африки // Правоведение. 1970. № 4. URL: <https://jus39.ru/iz-istorii-ugolovnogo-prava-gosudarstv-afriki-v-a-lihachev/> (дата обращения: 26.07.2025).

2. Уголовный кодекс Республики Гвинея-Бисау. URL: <https://www.fecong.org/pdf/crianca/CodigoPenal.pdf> (дата обращения: 26.07.2025).

3. Степанова М. А., Креховец А. В. Сравнительно-правовая характеристика структур российского уголовного закона и уголовных законов некоторых государств Африки (на примере республики Мозамбик, республики Гвинея-Бисау и республики Мали) // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2019. № 2. С. 150–153.

Одиназода И. А. – докторант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к определению сущности результатов оперативно-розыскной деятельности и их процессуального значения. Обосновывается необходимость комплексного понимания данного явления как информационного массива, инструмента познавательной деятельности и элемента правовой системы. Раскрываются доктринальные позиции о природе результатов оперативно-розыскной деятельности, анализируются ресурсный и инструментальный подходы, а также модели их применения в уголовном судопроизводстве. Делается вывод о значимости инструментального подхода и необходимости законодательного уточнения понятийного аппарата для обеспечения предсказуемости правоприменительной практики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказывание, уголовное судопроизводство, доказательства.

Abstract. The article examines theoretical approaches to defining the essence of the results of operational and investigative activities and their procedural significance. It substantiates the need for a comprehensive understanding of this phenomenon as an information array, a tool of cognitive activity, and an element of the legal system. Doctrinal positions on the nature of the results of operational and investigative activities are analyzed, including the resource and instrumental approaches, as well as models of their application in criminal proceedings. The study concludes on the importance of the instrumental approach and the necessity of legislative clarification of terminology to ensure the predictability of law enforcement practice.

Keywords: operational and investigative activities, proof, criminal proceedings, evidence.

Исследование сущности результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и их процессуального значения представляет собой значимое направление современной уголовно-процессуальной науки. В правовом порядке Российской Федерации и Республики Таджикистан проблема правового статуса результатов оперативно-розыскной деятельности остается нерешенной, что ведет к противоречиям в научной доктрине и затрудняет

правоприменительную практику. В частности, действующее законодательство обеих стран не содержит легального определения самого понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности», а также не раскрывает механизмов и процедур их использования в уголовном судопроизводстве. Отсутствие нормативной определенности обуславливает различие в доктринальных подходах, а также формирует неоднозначность судебной практики.

Теоретическое осмысление данной проблематики тесно связано с эволюцией самой оперативно-розыскной науки. С момента ее выделения из криминалистики сформировались различные концепции, определяющие природу оперативно-розыскного знания. Одни исследователи склонны рассматривать его как разновидность военной науки, интегрирующую разведывательные и контрразведывательные задачи. Другие, напротив, предлагают включить в систему юридического знания особую дисциплину, обосновывающую закономерности и принципы сыска. Указанные расхождения показывают междисциплинарный характер ОРД и необходимость поиска устойчивой теоретической базы для ее соотношения с уголовным процессом.

На этом фоне центральным вопросом становится определение сущности результатов (далее – ОРД). От того, понимаются ли они как фактические данные, как ресурсная категория или как инструмент познания, зависит возможность и пределы их использования в качестве доказательственной базы. Научная дискуссия по этому вопросу демонстрирует два ведущих направления: ресурсный подход, акцентирующий внимание на информационной природе результатов, и инструментальный, согласно которому они должны рассматриваться как средство добывания доказательственной информации, подлежащее процессуальному оформлению.

Понимание сущности результатов ОРД является ключевым вопросом для разработки концепции их процессуального использования. Исторически результаты ОРД долгое время воспринимались лишь как вспомогательный материал для правоохранительных органов. Их статус оставался неопределенным, что порождало сомнения относительно допустимости их использования в уголовном судопроизводстве. Однако по мере становления ОРД в качестве относительно самостоятельной сферы правового регулирования начался процесс теоретического осмысления ее итогов. К настоящему времени в научной литературе сложились как минимум два основных подхода – ресурсный и инструментальный.

Ресурсный подход исходит из того, что результаты ОРД представляют собой массив фактических данных, добытых в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий [1; 4; 7]. Такой массив рассматривается как информационный ресурс, который может использоваться для построения оперативных версий, ориентирования следственных органов и формирования первоначального знания о событии преступления. Данный подход акцентирует внимание на информационной стороне ОРД, подчеркивая, что ее результаты являются отражением объективной реальности и фиксируют отдельные элементы криминальной деятельности [8, с. 12].

Инструментальный подход, напротив, видит в результатах ОРД не просто массив информации, а специфическое средство добывания доказательственных данных [3; 5]. Согласно этому подходу, сущность результатов заключается в том, что они формируются посредством определенных действий субъектов ОРД, направленных на выявление и фиксацию следов преступления. Именно инструментальная характеристика позволяет рассматривать результаты ОРД как явление, тесно сопряженное с уголовно-процессуальным доказыванием.

Ряд исследователей предлагает связывать сущность результатов ОРД с их процессуальным назначением. Так, В. А. Семенцов подчеркивает: «место результатов ОРД в универсальной системе доказательств определяется как вещественного доказательства или иного документа, а сведения, лично воспринятые оперативным сотрудником или его конфидентом, образуют содержание показаний свидетеля» [6, с. 151].

Отдельное направление научной дискуссии связано с междисциплинарностью ОРД. Часть авторов рассматривает ее как разновидность военной науки, объединяющей разведывательные и контрразведывательные элементы [2]. В этом случае результаты ОРД приобретают характер продукта специфической деятельности спецслужб, направленной на защиту национальной безопасности. Другие исследователи предлагают более высокий уровень абстрагирования, вводя в систему юридических знаний особую дисциплину – сыскологию, которая должна исследовать закономерности уголовно-сыскной деятельности [9].

Процессуальное значение результатов ОРД проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, они выполняют функцию информационной базы для возбуждения уголовного дела и проведения первоначальных следственных действий. На этой стадии они служат источником ориентировочных сведений, позволяющих органам предварительного расследования принять решение о начале уголовного преследования. Во-вторых, результаты ОРД могут быть преобразованы в доказательства по делу, если проходят процессуальную проверку и соответствуют критериям относимости, допустимости и достоверности.

Сведения, добытые в ходе оперативных мероприятий, хотя и не всегда приобретают статус доказательств, тем не менее сохраняют ценность для формирования целостной картины криминальной деятельности. Они выступают связующим звеном между этапом проверки сообщения о преступлении и стадией предварительного расследования, обеспечивая преемственность познавательной деятельности государства.

Теоретическое исследование сущности и процессуального значения результатов оперативно-розыскной деятельности позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Во-первых, результаты ОРД следует рассматривать как комплексное правовое явление, сочетающее в себе информационную природу, инструментальную функцию и нормативное измерение.

Во-вторых, процессуальное значение результатов ОРД определяется их способностью обеспечивать преемственность уголовно-процессуального познания на всех стадиях судопроизводства. На начальном этапе они выступают в роли информационного ресурса для возбуждения уголовного дела, а в дальнейшем, после прохождения процессуальной проверки, становятся элементом доказательственной базы. Таким образом, результаты ОРД обеспечивают единство познавательной деятельности государства в сфере противодействия преступности.

В-третьих, научная дискуссия о статусе результатов ОРД демонстрирует два основных подхода – ресурсный и инструментальный. Наиболее продуктивным представляется инструментальный подход, позволяющий объяснить не только природу оперативной информации, но и ее процессуальную значимость. Он раскрывает механизм превращения сведений, добытых в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в доказательства по уголовному делу, что способствует формированию целостной концепции их правовой природы.

Библиографический список

1. Антипов А. Ю. Использование в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Руза, 2018. С. 8–16.

2. Вытовтов А. Е., Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2021.

3. Галахов С. С., Барсова Ю. К. Проблемы уголовно-процессуального регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2020. № 3. С. 9–13.

4. Михайловская О. В. Результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 45–46.

5. Нечаев В. В. Актуализация проблем предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сб. ст. : электрон. изд. 2019. С. 369–372.

6. Семенцов В. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном доказывании // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 151–157.

7. Спирин А. В. Использование государственным обвинителем результатов оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2018. № 3 (1001). С. 18–22.

8. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2020.

9. Шумилов А. Ю. О философии оперативно-розыскной науки (сыскологии) // Оперативник (сыщик). 2015. № 1 (42). С. 42–46.

© Одиназода И. А., 2025

УДК 328.185

Острякова А. Ф. – заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат экономических наук

КОРРУПЦИЯ И ПРАВО: МЕРЫ БОРЬБЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются основные меры борьбы с коррупцией, а также особенности их правоприменительной практики. Анализируются профилактические, карательные и просветительские механизмы противодействия коррупции, а также роль общественного контроля и международного сотрудничества. Статья опирается на современные научные исследования и практические примеры применения антикоррупционных норм.

Ключевые слова: коррупция, право, борьба с коррупцией, правоприменительная практика, уголовная ответственность, административная ответственность, международное сотрудничество, профилактика, карательные меры.

Abstract. The article discusses the main anti-corruption measures, as well as the specifics of their law enforcement practice. The article analyzes the professional, punitive and educational mechanisms for combating corruption, as well as the role of public control and international cooperation. The article is based on modern scientific research and practical examples of the application of anti-corruption standards.

Keywords: corruption, law, anti-corruption, law enforcement practice, criminal responsibility, administrative responsibility, international cooperation, prevention, punitive measures.

Коррупция является одной из наиболее острых проблем современного общества, подрывающей доверие к государственным институтам и снижающей эффективность управления. В Российской Федерации борьба с коррупцией осуществляется на основе комплексного подхода, включающего профилактику, преследование и просвещение. Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях и другие нормативные акты.

Самыми распространенными преступлениями, совершаемыми в России, являются деяния коррупционной направленности. Основополагающей особенностью борьбы с данным видом преступлений является своевременное выявление незаконно полученных активов, используемых в целях личного обогащения, а также обеспечение мер по их аресту, будь то имущество, добытое преступным путем или средства, предназначенные для совершения противоправных деяний.

В России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции» действует антикоррупционная политика, направленная на повышение эффективности информационно-просветительской и иной деятельности, также на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию антикоррупционных стандартов в обществе и повышение правовой грамотности населения.

Антикоррупционная политика представляет комплекс мер по предупреждению коррупционных проявлений и формированию нетерпимости к любым формам коррупционной деятельности. Профилактические меры направлены на создание условий, исключающих возможность коррупции. К ним относятся совершенствование системы государственного управления, введение антикоррупционных стандартов, оценка коррупционных рисков, регулирование конфликта интересов и усиление общественного контроля. Важным элементом профилактики является обеспечение прозрачности функционирования государственных структур и предоставление гражданам свободного доступа к сведениям, что, в свою очередь, является ключевым компонентом превентивных мер, направленных на укрепление подотчетности власти перед обществом.

Карательные меры за коррупционные правонарушения включают уголовное и административное преследование. Виновные лица могут быть привлечены к уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности, а также лишены права занимать определенные должности. Особое внимание уделяется конфискации имущества, приобретенного незаконным путем, что позволяет не только наказать коррупционера, но и ликвидировать последствия его преступной деятельности.

Граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Просветительские меры направлены на формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупции. К ним относятся информационные кампании, антикоррупционное образование и взаимодействие с общественными организациями и средствами массовой информации. Эффективность перечисленных мер во многом зависит от уровня правовой культуры граждан и готовности общества к активному участию в противодействии коррупции.

Анализ природы коррупции и привлечение международного опыта позволяют не только понять ее корни и проявления, но и разработать эффективные стратегии устранения, что в конечном итоге ведет к созданию наиболее действенной системы предупреждения коррупционных преступлений.

Международное сотрудничество играет важную роль в борьбе с коррупцией, особенно в контексте выявления и пресечения трансграничных преступлений. Россия является участником международных договоров и конвенций, направленных на борьбу с коррупцией, что способствует обмену опытом и выработке единых подходов к правоприменению. Если затрагивать зарубежный опыт борьбы с коррупцией, в нормативных документах прослеживается понятие этического поведения государственного служащего, поэтому для установления единых рамок их нормативно закрепляют.

По аналогии с законодательством Соединенных Штатов Америки предлагается усовершенствовать систему управления государственной службы, разработав единый этический кодекс для государственных служащих, который будет определять условия поведения должностных лиц для законного и честного выполнения государственных функций. Кодекс является основой для создания ведомственных и отраслевых кодексов в органах государственного и муниципального управления. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума 44-го Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., может стать основой для единого кодекса.

Международный опыт, в том числе, Франции и Германии, в области присяг и этики государственных служащих показывает, что должностные регламенты сотрудников должны содержать пункты об исполнении и соблюдении этических норм.

В заключении нужно отметить, что рост коррупции в России напрямую связан с несовершенством законодательной базы, низким уровнем правовой культуры и слабой системой контроля. Полагаем, что более детальное

изучение подхода к пониманию сущности коррупции и ее структурного влияния сможет помочь выработать меры противодействия. Это обеспечит более жесткую дисциплину в системе государственного управления.

Библиографический список

1. О дополнительных мерах по противодействию коррупции : указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 709 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

3. Острякова А. Ф., Шалагин А. Ю. Международное сотрудничество национального центрального бюро (НЦБ) Интерпола России в борьбе с международной преступностью // Право и управление. 2025. № 9. С. 17–20.

4. Землин А. И., Землина О. М., Корякин В. М., Козлов В. В. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для вузов. Москва : Издательство «Юрайт», 2025. 198 с.

5. Гладких В. И., Алиев В. М., Степанов-Егиянц В. Г. Противодействие коррупции на государственной службе : учебник для вузов. М. : Издательство «Юрайт», 2025. 207 с.

6. Куракин А. В., Коврова В. Г. Противодействие коррупции посредством применения мер дисциплинарного характера : учебник для вузов. М. : Издательство «Юрайт», 2025. 90 с.

© Острякова А. Ф., 2025

Поезжалов В. Б. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИБЕРХИЩЕНИЙ

Аннотация. В представленной статье автор анализирует некоторые аспекты криминологической характеристики киберхищений. Особое внимание уделено статистическим показателям, характеристике субъекта и потерпевшего применительно к указанным преступным посягательствам. Автор отмечает высокую латентность и указывает на имеющие место проблемные вопросы с организацией и осуществлением противодействия киберхищениям.

Ключевые слова: хищения, информационно-телекоммуникационные технологии, киберхищения, латентная преступность, виктимность.

Abstract. In this article the author analyzes some aspects of the criminological characteristics of cyber theft. Special attention is paid to statistical indicators, characteristics of the subject and the victim in relation to these criminal attacks. The author notes the high latency and points out the problematic issues with the organization and implementation of countering cyber theft.

Keywords: theft, information and telecommunication technologies, cyber theft, latent crime, victimization.

Хищения чужого имущества занимают особое место среди преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Среди ИТТ-преступлений в 2024 г. мошенничества и кражи в общей сложности составили 63,5 % (в 2023 г. – 70,2 %). За указанный период в структуре киберпреступлений сократилось число ИТТ-краж – 105,9 тыс. (-11,1 %), в том числе квалифицированных по п. «г» ч. 3, ч. 4 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – 105,3 тыс. (-11,2 %). Зарегистрировано 379,8 тыс. ИТТ-мошенничеств (ст. 159 УК РФ) (+7,5 %). Уменьшилось количество мошенничеств, совершенных в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ) – 309 (-25,9 %). Снижается число деяний, квалифицируемых как мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ) – 273 (-88,9 %).

Размер причиненного ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам по ИТТ-преступлениям составил 156 млрд 470,8 млн рублей, из них 8 млрд 332,6 млн рублей – по ИТТ-кражам (п. «г» ч. 3 ст. 158

УК РФ) и 137 млрд 14,1 млн рублей – по ИТТ-мошенничествам (ст.ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ). Его возмещение составило 7,5 %, 5,4 % и 7,6 % соответственно.

Результативность раскрытия хищений, совершенных с использованием ИТТ, стабильно достаточно низкая. Так, раскрываемость ИТТ-краж в 2024 г. составила 35,4 % (2023 г. – 35,7%), а ИТТ-мошенничеств – 10,1 % (2023 г. – 10,2 %).

Данная группа преступных деяний отличается высокой латентностью. На это указывают многие авторы в своих публикациях. Так, по мнению И. А. Кузьмина, латентность киберпреступлений значительно превышает сведения, которые отражены в показателях официальной статистики [3, с. 67]. Это находит свое подтверждение в результатах анкетирования граждан, в отношении которых когда-либо совершались, в частности, мошеннические действия с использованием ИТТ. Латентность данной категории преступлений составляет более 70 %.

Далее остановимся на характеристике личности киберпреступника.

В ряде работ, которые в том числе были посвящены анализу признаков личности преступника, совершающего хищения с использованием ИТТ [3, с. 24–35], были приведены различные по своему содержанию данные. Это связано с тем, что характеристики личности преступника по рассматриваемым деяниям существенно различаются в зависимости от применяемой схемы совершения преступления и роли лица в преступной деятельности. Поскольку способы совершения хищений с использованием ИТТ постоянно изменяются, то и характеристики злоумышленников также трансформируются.

Вместе с тем стоит отметить, что типичные преступники, совершающие хищения с использованием ИТТ, имеют высокую степень профессиональной подготовки, умеют проводить анализ, делать выводы, часто у них имеется хорошее техническое образование. Субъекты рассматриваемых деяний имеют не только высокий уровень квалификации в сфере телекоммуникации, но и обладают знаниями в области психологии человека, умеют использовать существующие «болевые» точки в общественном сознании. Они опытные социальные инженеры, которые постоянно изобретают новые приемы преступного воздействия, опираясь на неподготовленность людей в этой сфере и их психологию.

Кроме того, низкая раскрываемость хищений с использованием ИТТ и высокая латентность исключают точность в определении криминологических свойств личности преступника в данной сфере.

Анализ статистических данных указывает на то, что потерпевшими от рассматриваемых посягательств часто становились пожилые граждане и подростки. В 2024 г. жертвами киберпреступлений стали 132,4 тыс. пенсионеров (+17 %; 23,4 % от общего количества деяний данного вида;

в 2023 г. – 22,9 %), 7 тыс. несовершеннолетних (+2,8 %; в 2023 г. – 1,4 %) [1, с. 64].

Приведенные выше статистические показатели хищений, совершенных с использованием ИТТ, свидетельствуют о том, что предпринимаемые государством усилия по предупреждению роста преступлений с использованием информационных технологий оказывались недостаточными или малоэффективными.

В связи с этим Президент Российской Федерации в Указе от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» указал в качестве одной из задач для достижения национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» необходимость создания системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, и снижения ущерба от их совершения (п. «к» ст. 8) [6].

В соответствии с Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденным Правительством Российской Федерации, для решения названной задачи необходимо создать платформы противодействия подменным номерам и организовать эффективное противодействие фишингу.

Кроме того, согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р утверждена Концепция государственной системы противодействия деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [4, с. 67], определяющая принципы, цели, задачи и функции указанной системы. Одним из элементов создаваемой системы станет специализированная цифровая платформа, обеспечивающая оперативный обмен информацией между правоохранительными органами, Центральным банком Российской Федерации, кредитными организациями, а также операторами связи о сведениях, необходимых для установления обстоятельств противоправных деяний лиц, их совершивших, с использованием средств мобильной связи, сервисов сети Интернет и иных информационных технологий. В настоящее время также функционирует интегрированный в базу данных Информационная система обеспечения деятельности МВД России сервис «Сфера Госзапросы», позволяющий осуществлять взаимодействие с рядом кредитно-финансовых организаций.

Вместе с тем, как показывает анализ хищений, совершенных с использованием ИТТ, в 60 % случаев мошенники использовали методы психологического воздействия на потерпевшего, запугивая его, вводя в заблуждение, представляясь сотрудниками специальных служб и организаций, т. е. использовали методы социальной инженерии [5, с. 18].

Потерпевшие от хищений, совершенных с использованием ИТТ, как правило, знали о распространенных случаях мошенничеств, видели и слышали о них от своих знакомых и из средств массовой информации, однако в критический момент все равно оказались в роли жертвы.

В настоящее время над защитой населения от киберпреступлений активно работает созданное в 2022 году Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России. В целях своевременного информирования граждан о новых видах и способах совершения преступлений в сфере ИТТ были созданы официальные аккаунты «Вестник Киберполиции России» в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», в мессенджере Telegram, на блог-платформе «Дзен», которых граждане могут узнать актуальную информацию о схемах дистанционных мошенничеств. На данных аккаунтах также даны рекомендации по соблюдению цифровой дисциплины, подготовлены профилактические материалы, которые опубликованы на портале «МВД МЕДИА», официальном интернет-сайте МВД России, ведомственных каналах на видеохостингах Rutube, а также направлены в территориальные органы МВД России для размещения на объектах социальной и транспортной инфраструктуры.

Думается, что максимальный эффект в целях профилактики киберхищений могут дать только системные меры противодействия, в основе которых будет лежать объединение усилий государства, банковской сферы, правоохранительных органов и гражданского общества.

Библиографический список

1. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел в 2024 году. М., 2025. 168 с.

2. Кузьмин И. А. Раскрытие мошенничеств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий : учебное пособие. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2021.

3. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий : учебник / В. В. Гончар [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023.

4. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Евтушенко И. И. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно // Юрист. 2022. № 3. С. 18–22.

6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Поезжалов В. Б., 2025

УДК 004.852

Полякова В. В. – студент II курса Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы;

Научный руководитель:

Харисова А. З. – доцент кафедры ОПИСУ Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат экономических наук, доцент

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ПРАВО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению цифровых технологий в образовании и их влиянию на организацию учебного процесса, методы обучения и развитие учащихся. Рассмотрены основные виды цифровых инструментов: электронные образовательные ресурсы, системы дистанционного обучения, виртуальные лаборатории, интерактивные технологии искусственный интеллект и т. д. Особое внимание уделено исследованиям отечественных авторов, изучающих эффективность использования цифровых инструментов, их роли в формировании исследовательских навыков, мотивации и когнитивного развития учащихся, а также трансформацию профессиональной роли педагога. Рассмотрены работы Е. С. Полат, Н. В. Дворецкой, А. А. Андреева, В. В. Гурина, О. А. Козлова, С. И. Змеева и других. Описаны потенциальные риски цифровизации. Сделан вывод о том, что эффективность цифровых технологий в образовании определяется не только их наличием, но и условиями внедрения, уровнем подготовки педагогов и обеспечением безопасной цифровой среды.

Ключевые слова: цифровые технологии, электронные образовательные ресурсы, дистанционное обучение, виртуальные лаборатории, интерактивные технологии, педагогическая компетентность, цифровая безопасность.

Abstract. The article is devoted to the study of digital technologies in education and their impact on the organization of the educational process, teaching methods and student development. The main types of digital tools are considered: electronic educational resources, distance learning systems, virtual laboratories, interactive technologies, artificial intelligence, etc. Special attention is paid to the research of Russian authors studying the effectiveness of using digital tools, their role in the formation of research skills, motivation and cognitive development of students, as well as the transformation of the professional role of the teacher. The works of E. S. Polat, N. V. Palakoy, A. A. Andreev, V. V. Gurin, O. A. Kozlov, S. I. Zmeev and others are considered. The potential risks of digitalization are described. It is concluded that the effectiveness of digital technologies in education is determined not only by their availability, but also by the conditions of implementation, the level of training of teachers and ensuring a safe digital environment.

Keywords: digital technologies, electronic educational resources, distance learning, virtual laboratories, interactive technologies, pedagogical competence, digital security.

В условиях стремительного развития цифровой среды образовательные организации вынуждены адаптировать собственные программы и методы работы к новым требованиям. Цифровизация становится неотъемлемой составляющей модернизации системы образования, поскольку она обеспечивает гибкость учебного процесса и расширяет возможности для самостоятельной учебной деятельности обучающихся.

Эффективность внедрения цифровых технологий зависит от множества факторов. В первую очередь, от доступности технических средств и надежной интернет-инфраструктуры, без которых невозможно обеспечить полноценное использование цифровых инструментов в образовательном процессе. Важен также уровень подготовки педагогов: речь идет не только о владении техническими навыками, но и о методическом понимании особенностей применения цифровых ресурсов так, чтобы технологии способствовали улучшению качества обучения, а не становились лишь внешним дополнением.

Цифровая трансформация образования влияет и на содержание учебных программ, и на организацию образовательной среды. Возникает потребность в разработке новых моделей обучения, предусматривающих сочетание традиционных и цифровых форм. Такие модели позволяют дифференцировать подходы, учитывать индивидуальные особенности учащихся, строить более гибкие траектории обучения и осуществлять системный мониторинг их учебных достижений.

Кроме того, становится актуальной задача обеспечения безопасной цифровой среды: это включает защиту персональных данных, соблюдение

этических норм использования цифровых ресурсов, а также снижение возможных негативных последствий, например, связанных с чрезмерной цифровой нагрузкой.

Таким образом, исследование цифровых технологий в образовании является важным направлением, поскольку охватывает широкий спектр преобразований, от педагогической практики до организационных структур и содержательной части учебных программ.

Детальное изучение этого феномена позволяет выявить условия, при которых цифровые технологии действительно способствуют повышению качества образования, а также помогает определить потенциальные риски и препятствия, требующие преодоления.

Истоки понятия «цифровые технологии» восходят к середине XX века, когда с развитием электронных вычислительных машин появилась возможность хранения и обработки информации в цифровой форме. Появление первых компьютеров и программируемых систем позволило сформировать основу для цифровой обработки данных и автоматизации различных процессов.

В научной литературе термин «digital technology» начал активно использоваться в 1960–1970-е годы в англоязычных публикациях в контексте вычислительной техники и автоматизации процессов.

В СССР и России термин «цифровые технологии» вошел в активное употребление в 1980–1990-е годы с распространением персональных компьютеров, локальных сетей и первых программных средств для автоматизации учебной деятельности.

Цифровые технологии – это совокупность методов, средств и процессов обработки, хранения, передачи и использования информации в цифровой форме, основанных на применении вычислительной техники, программного обеспечения и сетевых ресурсов. В образовательной сфере цифровые технологии рассматриваются как инструменты, позволяющие создавать, распространять и использовать электронные образовательные ресурсы, обеспечивать дистанционное взаимодействие педагогов и учащихся, автоматизировать учебные процессы и анализировать образовательные результаты.

Выделяют основные цифровые технологии в образовании:

1. Электронные образовательные ресурсы (далее – ЭОР): электронные учебники и пособия, мультимедийные презентации, интерактивные схемы и карты, цифровые библиотеки и базы данных.
2. Системы дистанционного и электронного обучения: платформы, онлайн-курсы, системы управления учебным контентом.
3. Виртуальные и дополненные среды: VR-лаборатории и тренажеры, AR-приложения, смешанная реальность для интерактивных занятий.

4. Цифровые лаборатории и симуляторы: виртуальные тренажеры, лабораторные комплексы для естественных наук, программные среды моделирования.

5. Интерактивные образовательные технологии: интерактивные доски, планшеты, сенсорные столы, системы опроса в реальном времени.

6. Цифровые коммуникационные технологии: видеоконференции, образовательные чаты, социальные образовательные сети [2].

7. Искусственный интеллект и адаптивное обучение: адаптивные платформы (ЯКласс), системы рекомендаций, автоматизированная проверка работ, ИИ-инструменты для анализа материалов.

8. Образовательная аналитика: анализ цифровых следов обучающихся, диагностика знаний, прогнозирование успеваемости, мониторинг результатов.

9. Геймификация и игровые технологии: образовательные игры, платформы с элементами геймификации.

10. Цифровые платформы для проектной деятельности: создание презентаций и инфографики, цифровые доски для совместной работы, платформы для моделирования и кодинга.

11. Мобильные образовательные технологии: обучающие приложения, мобильные тренажеры.

12. Технологии цифровой безопасности: защита персональных данных, кибербезопасность, цифровая идентификация обучающихся.

13. Электронный документооборот и цифровое управление образованием: электронные журналы и дневники, цифровые расписания.

В отечественной педагогической науке проблематика внедрения цифровых технологий рассматривается достаточно активно, что отражено в многочисленных исследованиях последних лет.

Так, в работах Е. С. Полат, Н. В. Дворецкой и их коллег подчеркивается ключевая роль ЭОР в расширении возможностей современного учебного процесса. Исследователи детально анализируют функции ЭОР как инструмента, обеспечивающего вариативность и гибкость обучения. По их мнению, цифровые ресурсы позволяют переходить от традиционных репродуктивных форм обучения к более активным и продуктивным, ориентированным на развитие у обучающихся универсальных учебных действий. Особое внимание в исследованиях авторов уделяется формированию навыков самостоятельного поиска, анализа и интерпретации информации, которые рассматриваются как ядро современной информационной компетентности. Е. С. Полат, Н. В. Дворецкая подчеркивают, что взаимодействие учащихся с цифровыми ресурсами способствует развитию умения критически оценивать достоверность и структуру информации, выявлять смысловые связи, отбирать релевантные данные для решения учебных и исследовательских задач [5].

Исследователи также отмечают, что использование цифровых инструментов усиливает исследовательскую направленность учебного процесса. Благодаря доступу к разнообразным источникам информации, интерактивным моделям, виртуальным лабораториям и онлайн-платформам учащиеся получают возможность включаться в исследовательские формы работы: проводить анализ данных, формулировать гипотезы, сравнивать результаты, представлять выводы в цифровом формате. Такие формы работы способствуют освоению основ научного мышления, развитию навыков аргументации и повышению уровня учебной мотивации. Кроме того, важным выводом указанных авторов является то, что цифровые технологии облегчают организацию проектной деятельности. ЭОР позволяют структурировать этапы проекта, обеспечивать доступ к информационным материалам, использовать цифровые инструменты для визуализации результатов (презентации, инфографика, мультимедийные продукты), а также реализовывать совместные формы деятельности [5].

В совокупности исследования Е. С. Полат, Н. В. Дворецкой и их коллег демонстрируют, что электронные образовательные ресурсы выполняют не только вспомогательную функцию, но и являются важным методическим инструментом, способствующим модернизации образовательного процесса, развитию самостоятельности и исследовательской активности обучающихся.

Существенный вклад в изучение цифровизации образования внесли исследования А. А. Андреева, посвященные структуре и эффективности электронного обучения. В данных работах электронная образовательная среда рассматривается как сложная система, включающая цифровые ресурсы, онлайн-коммуникацию, организационные механизмы взаимодействия и методологические принципы педагогического сопровождения. А. А. Андреев подчеркивает, что успешность внедрения электронных форм обучения определяется: четкой структурой, наличием систем обратной связи, элементами интерактивности и механизмами оценки учебных достижений. Эмпирические исследования автора показывают, что правильно организованное обучение способствует развитию самостоятельности обучающихся, формированию метакогнитивных навыков и повышению качества усвоения материала [1].

В публикациях В. В. Гурина и О. А. Козлова внимание акцентируется на проблеме цифровой компетентности педагогов. Исследователи отмечают, что большинство трудностей связано не с техническими навыками, а с методическим аспектом, то есть умением адаптировать цифровые ресурсы к целям урока, выбирать подходящие инструменты и выстраивать эффективные модели взаимодействия в цифровой среде. Исследования показывают, что высокий уровень цифровой компетентности педагога напрямую коррелирует с эффективностью образовательного процесса: учащиеся

быстрее осваивают материал, чаще проявляют инициативу и демонстрируют более высокие результаты в проектной и исследовательской деятельности. На основе этих данных обосновывается необходимость системного повышения квалификации педагогов, включающего освоение не только технологий, но и цифровых методик обучения [4].

Не менее важным направлением является изучение цифровизации в контексте профессионального образования. В работах С. И. Змеева, Н. Ф. Радионовой и других исследователей рассматривается использование цифровых симуляторов, виртуальных тренажеров и электронных практикумов для подготовки специалистов. Авторы подчеркивают, что внедрение таких инструментов позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации. Эмпирические данные показывают, что цифровые симуляторы особенно эффективны при обучении сложным операциям в медицине, инженерии, сфере обслуживания и технических специальностях, где традиционная демонстрация или практика ограничена ресурсами, безопасностью или доступностью оборудования [6].

Значимым направлением отечественных исследований является изучение влияния цифровой образовательной среды на учебную мотивацию и познавательное развитие учащихся. Например, в работах Т. А. Мануйловой и Е. И. Кравцовой последовательно анализируются когнитивные эффекты использования интерактивных обучающих платформ. Авторы показывают, что применение мультимедийных материалов, адаптивных тренировочных программ и интерактивных заданий способствует повышению внимания и устойчивой учебной вовлеченности обучающихся. Исследования демонстрируют, что цифровые средства, ориентированные на активное взаимодействие, стимулируют развитие критического мышления, формирование навыков анализа информации и увеличение глубины усвоения учебного материала благодаря многоканальным способам подачи информации.

Отдельный пласт исследований посвящен вопросам безопасности и психологических рисков, связанных с цифровизацией образования. Такие ученые как А. В. Войскунский и И. А. Федорова анализируют влияние цифровой среды на эмоциональное состояние, когнитивные процессы и социальное взаимодействие учащихся. В работах подчеркивается, что чрезмерное использование цифровых устройств может повышать уровень утомляемости, снижать глубину сосредоточенности и способствовать формированию поверхностного стиля обработки информации. Наряду с этим исследователи отмечают значимость цифровой педагогики в формировании у школьников навыков информационной безопасности и цифровой этики, то есть умения защищать персональные данные, критически воспринимать информацию и соблюдать нормы сетевого взаимодействия. Эти исследования формируют важную научную основу для разработки регламентов безопасного использования цифровых технологий в образовательном пространстве.

Российские исследователи уделяют внимание изучению влияния цифровых технологий на изменение роли педагога. В работах Е. А. Крюковой и других авторов подчеркивается, что цифровизация трансформирует профессиональные функции учителя: от транслятора знаний он переходит к роли модератора, тьютора и архитектора образовательной среды. Исследования фиксируют, что педагоги, успешно интегрирующие цифровые технологии, демонстрируют новые модели профессиональной идентичности, основанные на гибком управлении учебным процессом, развитии цифровой коммуникации и сопровождении индивидуальных учебных траекторий.

Таким образом, анализ отечественных исследований позволяет утверждать, что цифровые технологии представляют собой мощный ресурс модернизации системы образования, оказывая влияние на содержание, методы и организацию учебного процесса. Их внедрение способствует расширению дидактических возможностей, индивидуализации обучения, повышению мотивации и вовлеченности учащихся, развитию когнитивных, исследовательских и коммуникативных навыков. Вместе с тем цифровая трансформация требует комплексного подхода, учитывающего методическую подготовку педагогов, обеспечение цифровой безопасности и профилактики возможных негативных последствий. Рациональное, педагогически обоснованное использование цифровых инструментов способно повысить качество образования, однако без системной поддержки и научно выверенных подходов цифровизация может привести к ряду методических, организационных и психологических рисков. Следовательно, эффективность цифровых технологий определяется не самим фактом их внедрения, а условиями, в которых они используются, и качеством педагогического сопровождения.

Библиографический список

1. Ватутина Л. А., Злобина Е. Ю., Хоменко Е. Б. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса : современные вызовы и тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и правов». 2021. № 4. С. 545–551.
2. Черных А. А., Кролевецкая Е. Н. «Smart – обучение» как новая образовательная модель : отношение педагогов и обучающихся // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. № 4. С. 563–569.
3. Желтикова И. В. Перспективы высшего образования в ситуации избыточной доступности информации // Ноосферные исследования. 2020. № 3. С. 34–43.
4. Крюкова Е. А. Цифровизация и трансформация профессиональной роли педагога. СПб. : Питер, 2020. 192 с.
5. Лазарев А. И. Цифровая педагогика : теория и практика. СПб. : Питер, 2019. 224 с.

6. Радионова Н. Ф. Электронные практикумы и моделирование профессиональных ситуаций. СПб. : Питер, 2020. 198 с.

7. Романова О. А. Безопасность и цифровая этика в образовательной среде. СПб. : Питер, 2020. 224 с.

© Полякова В. В., 2025

УДК 342.9

Пономарева О. М. – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. Меры предупреждения являются широкой группой административных мер воздействия, которые уполномочены применить сотрудники органов исполнительной власти, в том числе и сотрудники полиции. Однако их правовая природа не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Эти меры применяются на основании норм законодательных актов, но, в отличие от мер процессуального обеспечения или наказания, единый процессуальный порядок их применения не выработан. При применении мер предупреждения, как и при применении иных принудительных административно-правовых мер, возможны нарушения прав и свобод человека и гражданина, что требует от законодателя внимания к этим мерам и детализации правовой регламентации, а от правоприменителя – строгого соблюдения правовых норм и недопущения нарушения прав и свобод участников правоотношений.

Ключевые слова: меры административного предупреждения, профилактика, государственное принуждение, правонарушение, сотрудник полиции.

Abstract. Preventive measures are a broad group of administrative measures that are authorized to be applied by employees of executive authorities, including police officers. However, their legal nature is not as clear-cut as it might seem at first glance. These measures are applied on the basis of the norms of legislative acts, however, unlike the measures of procedural support or punishment, a single procedural procedure for their application has not been developed. When

applying preventive measures, as well as when applying other compulsory administrative and legal measures, violations of human and civil rights and freedoms are possible, which requires the legislator to pay attention to these measures and detail legal regulations, and the law enforcement officer to strictly comply with legal norms and prevent violations of the rights and freedoms of participants in legal relations.

Keywords: administrative prevention measures, prevention, state coercion, offense, police officer.

Меры административного предупреждения относят к группе мер принуждения, которые уполномочены применять сотрудники полиции.

При этом отдельные авторы полагают, что эти меры по своей сущности не обладают принудительной силой, хотя направлены на предотвращение формирования обстоятельств, создающих угрозу совершения противоправного деяния [2, с. 219]. Они предназначены для профилактики совершения правонарушений, при этом применяются органами власти и их должностными лицами, которые наделены властными полномочиями.

Наличие в мерах пресечения запретов и ограничений наделяет их признаком принудительности.

Однако следует указать в то же время и факт того, что использование, в частности, мер административного пресечения выступает предупредительной мерой применительно к совершению других нарушений, более тяжкого рода.

Интерес представляет позиция Ю. Н. Старилова: говоря о чертах, которые могут главным образом охарактеризовать административно-предупредительные меры, он называет следующие:

– предупредительные меры через свое содержание предупреждают потенциального правонарушителя или нескольких нарушителей о возможных последствиях тех или иных запрещенных законом деяний, т. е. противоправный поступок еще не был по факту совершен, но предупредительные меры, как механизм, работают;

– по своей правовой природе предупредительные меры являются односторонними, регламентационными, т. е. они представляют собой определенные действия органов исполнительной власти, направленные на предписания субъектам правоотношений определенных правил, вне зависимости от их желания. Субъекту же остается выбрать: совершить противоправное действие и понести наказание за его последствия или же воздержаться от совершения;

– все меры предупредительного характера непосредственно регламентированы законодательством, т. е. их содержание раскрывается в различных нормативных правовых актах (например, ст. 4.1, п. 10 (подп. «а») Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера») [5]. Многие из них предусматривают обязательные действия либо же

устанавливают ограничения, а также запреты под угрозой использования административных санкций за исполнение таковых [3, с. 249].

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники органов внутренних дел наделены полномочиями по применению таких мер предупреждения как: проверка документов, удостоверяющих личность; входение в жилые и служебные помещения; использование транспортных средств и средств связи в служебных целях; прекращение (ограничение) движения транспорта и пешеходов; административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; производство досмотровых мероприятий и иных.

Отдельно следует упомянуть такую меру как официальное предостережение, применение которой регламентировано ведомственным нормативным актом [1].

Основанием применения административно-предупредительных мер выступает не противоправное деяние, а наличие потенциальной угрозы интересам общества и личности, причинения вреда общественным отношениям и конкретным лицам, и их интересам.

В современных условиях целью применения административно-предупредительных мер выступает профилактика совершения противоправных действий.

Административно-предупредительные меры предшествуют остальным мерам принуждения в случае реального совершения правонарушения, дисциплинарного проступка.

Меры административного предупреждения имеют следующие признаки:

- отсутствие прямой связи мер и правонарушения;
- направленность мер на профилактику потенциальных негативных последствий;
- установленные законодательством основания и определенный порядок применения мер;
- применение как в отношении конкретных лиц, так и в отношении неограниченного круга субъектов [4, с. 50].

Для предотвращения противоправных действий и их последствий применение мер предупреждения сопряжено с определенными правовыми основаниями и организационными мероприятиями.

В содержательно-организационном плане меры предупреждения и административно-правовые режимы схожи, в их рамках применяется значительное количество мер, носящих профилактический характер.

Меры предупреждения как меры административного принуждения должны применяться уполномоченными должностными лицами в установленном законом порядке и принятием административных решений.

При этом, если говорить о мерах предупреждения как мерах профилактики, то применение некоторых из них требует более детальной законодательной регламентации.

Применение мер предупреждения основано на ограничении прав граждан, которые могут быть как заложены в нормах законодательных актов, в самой природе меры, так и наиболее явно проявляться в правоприменительной практике.

При применении предупредительных мер ограничение прав граждан проявляется тогда, когда решение об ограничениях принято уполномоченным должностным лицом, по основаниям и в процессуальном порядке, предусмотренном нормами законодательных актов, и отражено в соответствующем индивидуальном правовом акте. Сам способ принудительного воздействия, который отражен в индивидуальном акте, должен быть основан исключительно на нормах законодательства.

Таким образом, правовое регулирование и процессуальный порядок применения мер административного предупреждения зависят от:

- 1) применения мер предупреждения должностными лицами сотрудников органов внутренних дел;
- 2) обеспечения прав и свобод человека и гражданина при применении мер предупреждения.

Применение ряда мер административного предупреждения не влечет за собой значимых юридических последствий.

При этом право на обжалование при применении в отношении физического или юридического лица мер предупреждения вряд ли может быть реализовано. Если лицо ничего не нарушает, то может продолжать свои действия, если же нарушает и наличие в его действиях признаков правонарушения будет установлено, то к нему будут применены меры административного процессуального обеспечения и наказания.

Исключение составляет вынесение в отношении лица представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения: если оно вынесено без соответствующих оснований, может повлечь негативные правовые последствия.

Принудительный характер мер предупреждения обуславливает возможность их применения исключительно в рамках действующего законодательства уполномоченными должностными лицами органов власти. При этом применение меры предупреждения может не иметь никаких отрицательных правовых последствий. Однако в дальнейшем при привлечении к административной ответственности правоприменителю необходимо учесть тот факт, что к нарушителю применялись меры предупреждения, которые он игнорировал и которые не принесли желаемого результата – недопущения совершения правонарушения. Такое обстоятельство может быть включено в перечень оснований, отягчающих административную ответственность.

В отечественном законодательстве отсутствует процессуальный порядок применения мер административного предупреждения. Перспектива его установления зависит от потребностей общества и государства, реализация

которых связана с охраной и защитой общественных отношений административными правовыми средствами и необходимостью обеспечения прав и свобод лиц, в отношении которых меры предупреждения применяются.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Актуальные вопросы административно-правового регулирования мер административного принуждения // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 218–222.

3. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права в 3-х т. Т. 1. М., 2002.

4. Фиалковская И. Д. Значение административного принуждения как метода государственного управления // Административное право и процесс. 2018. № 4. С. 47–52.

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Пономарева О. М., 2025

УДК 342

Прудников А. С. – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В системе конституционного права Российской Федерации, основанной на признании человека, его прав и свобод высшей ценно-

стью, деятельность органов внутренних дел занимает исключительно важное и ответственное место. Будучи неотъемлемым элементом механизма государства, призванного обеспечивать безопасность личности, общества и самого государства, органы внутренних дел наделены широким спектром властных полномочий, реализация которых носит ярко выраженный правоприменительный характер, выражающийся в необходимом обеспечении прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, деятельность органов внутренних дел, конституционно-правовой аспект, правоохранительные органы, ограничение прав и свобод.

Abstract. In the constitutional law system of the Russian Federation, based on the recognition of the individual, his rights and freedoms as the highest value, the activities of internal affairs bodies occupy an extremely important and at the same time extremely responsible place. As an integral part of the state mechanism designed to ensure the security of individuals, society, and the state itself, internal affairs agencies are vested with a wide range of powers, the exercise of which is clearly law enforcement in nature, expressed in the necessary restriction of a number of individual rights and freedoms in accordance with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: The Constitution, human and civil rights and freedoms, activities of internal affairs bodies, constitutional and legal aspects, law enforcement agencies, restriction of rights and freedoms.

Конституционно-правовое регулирование и научное осмысление обеспечения прав и свобод человека в контексте деятельности органов внутренних дел представляет собой не узковедомственную проблему, а фундаментальный вопрос состояния и развития российского конституционализма.

В Российской Федерации (далее – РФ) обеспечение прав и свобод, защиты прав и свобод человека и гражданина базируется на взаимосвязанных конституционных принципах, которые выступают в качестве основы деятельности государственных органов. Так, по нашему мнению, следует выделить следующие принципы:

1. Принцип уважения достоинства личности (статья 21 Конституции РФ). Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, носит абсолютный характер и не подлежит никаким ограничениям, будучи основой всех иных прав и свобод [1]. Из этого принципа вытекает требование недопустимости жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в процессе любого взаимодействия с государственными органами, включая органы внутренних дел.

2. Принцип законности (статья 15 Конституции РФ) в его материальном и процессуальном аспектах обязывает полицию действовать строго

в рамках предоставленных федеральным законом полномочий и установленных процедур. Любое отступление от предписаний закона, даже продиктованное «целесообразностью», является грубым нарушением конституционных прав [1].

3. Принцип соразмерности (пропорциональности), вытекающий из части 3 статьи 55 Конституции РФ, допускающей ограничения прав федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей. Применительно к деятельности органов внутренних дел это означает, что избираемые ею меры принуждения должны быть адекватны, необходимы и соразмерны тяжести правонарушения и реальной угрозе, которую оно представляет.

4. Принцип презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ) в конституционно-юрисдикционном процессе, осуществляемом органами внутренних дел, требует от должностного лица рассматривать гражданина как законопослушного, пока его вина не будет доказана в установленном порядке и подтверждена вступившим в силу решением.

5. Право на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ) – универсальная гарантия, позволяющая оспорить любое решение, действие (бездействие) органа государственной власти, включая органы внутренних дел [1]. Помимо судебного, существенное значение имеют внесудебные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, а также административную юрисдикцию, остается одним из основных инструментов выявления и пресечения нарушений.

Так, опираясь на конституционные принципы защиты прав и свобод человека и гражданина, деятельность органов внутренних дел, регламентирована Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», положения которого закрепляют приоритет обеспечения прав и свобод личности.

Однако, изучение правоприменительной практики позволило выявить ряд правовых механизмов, которые имеют выраженную ограничительную природу:

1. Применение мер государственного принуждения: административное задержание (статья 27.3 КоАП РФ), личный досмотр, досмотр вещей (статья 27.7 КоАП РФ), доставление (статья 27.2 КоАП РФ), применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (глава 5 Федерального закона «О полиции»). Каждая из этих мер представляет собой вторжение в различные права, такие как: право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ) и право на жизнь (статья 20 Конституции РФ) [2].

2. Осуществление административного надзора и контроля: деятельность в сфере обеспечения общественного порядка, безопасности дорож-

ного движения, контроля за оборотом оружия, противодействия экстремизму часто связана с проверками документов, проникновением в жилище (при строго ограниченных законом условиях, статья 25 Конституции РФ), сбором и обработкой персональных данных. Здесь на первый план выходит защита права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статьи 23, 24 Конституции РФ), а также на тайну корреспонденции (статья 23 Конституции РФ) [1].

3. Реализация миграционного законодательства: полномочия по постановке на миграционный учет, оформлению документов, выявлению и задержанию лиц, нарушивших режим пребывания, а также подготовке материалов для административного выдворения, депортации или реадмиссии в рамках международных договоров. В этом контексте особенно остро стоит вопрос обеспечения прав иностранных граждан и лиц без гражданства – уязвимой категории, чей правовой статус существенно зависит от действий и решений должностных лиц. Нарушения могут затрагивать свободу передвижения, доступ к правовой помощи, уважение семейной жизни, право на гуманное обращение и защиту от пыток.

4. Содержание лиц в местах принудительного пребывания: изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, центры временного содержания иностранных граждан. Условия содержания в этих учреждениях, доступ к защитнику, медицинской помощи, обжалование законности помещения составляют комплекс проблем, требующих постоянного независимого контроля для предотвращения нарушений, попадающих под действие статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах (гуманное обращение) [5].

Изучение правоприменительной практики показало, что наиболее актуальными в настоящее время является деятельность правоохранительных органов по введению временных ограничительных мер вводятся в отношении физических лиц, которые находятся за пределами Российской Федерации и уклоняются от исполнения назначенного им уголовного наказания либо административного наказания за правонарушения, предусмотренные частью 42 статьи 19.5, статьями 19.34, 20.32, 20.33, 20.34 и 20.33 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2].

К таким временным ограничительным мерам относятся:

- запрет на государственную регистрацию физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей;
- запрет на постановку физических лиц на учет в налоговых органах как плательщиков, использующих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»;
- приостановление осуществления кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество в порядке, установленном Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», а также иные аналогичные меры.

Данные меры ограничивают право лица осуществлять направлены на обеспечение исполнения указанного наказания и применяются к категории лиц, фактически уклоняющихся от его исполнения, находясь за рубежом.

Таким образом, конституционно-правовое регулирование обеспечения прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел представляет собой динамичную систему, интегрирующую фундаментальные принципы российского конституционализма и специальные конституционно-правовые механизмы их имплементации. Основой данной системы выступает иерархия взаимосвязанных конституционных принципов: уважения достоинства личности, законности, соразмерности, презумпции невиновности и гарантированности судебной защиты. Эти принципы формируют конституционный каркас, задающий вектор правозащитной ориентации для всей правоохранительной деятельности, что находит закрепление в законодательстве, прежде всего в Федеральном законе «О полиции». Однако правоприменительная практика демонстрирует наличие существенного массива полномочий органов внутренних дел, носящих выраженный ограничительный характер в отношении ключевых прав личности: на свободу и личную неприкосновенность, частную жизнь, свободу передвижения. Реализация таких полномочий (применение мер принуждения, административный надзор, миграционный контроль и т. д. объективно создает зоны повышенного правового риска и потенциальные коллизии с конституционными гарантиями.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. О полиции : федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 15.09.2025).

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.

6. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов

1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

© Прудников А. С., 2025

УДК 347.122.03

Рахимов Э. Х. – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ОБОРОТА ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Аннотация. Автором исследуется проблема обеспечения прав участников гражданско-правового оборота виртуальных активов в современном российском законодательстве и практике его применения. Автор анализирует сложившийся в данной сфере понятийно-терминологический аппарат, действующие нормативные правовые акты, судебную практику, предлагает комплекс мер по совершенствованию правового регулирования гражданских правоотношений, возникающих в отношении оборота виртуальных активов. Формулируются предложения по обеспечению прав участников гражданско-правового оборота виртуальных активов.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, оборотоспособность, виртуальные активы, токены, цифровые активы, цифровые деньги.

Abstract. The author examines the problem of ensuring the rights of participants in the civil turnover of virtual assets in modern Russian legislation and its application practice. The author analyzes the existing conceptual and terminological apparatus in this area, current regulatory legal acts, judicial practice, and suggests a set of measures to improve the legal regulation of civil law relations arising in relation to the turnover of virtual assets. Proposals are being formulated to ensure the rights of participants in the civil turnover of virtual assets.

Keywords: civil legal relations, circulation, virtual assets, tokens, digital assets, digital money.

Появление новых объектов гражданского права, таких как криптовалюты, токены и др. обуславливают необходимость изучения достаточности

правового регулирования их оборота в контексте обеспечения прав участников его участников. В настоящее время имеются дела, рассматриваемые судами, в которых предметом спора выступает тот или иной виртуальный актив (в том числе по делам о наследовании), что наглядно показывает ситуацию, при которой недостаточное правовое регулирование указанной области общественных отношений может приводить к нарушению прав как самих владельцев таких активов, так и контрагентов по сделкам, наследников и др.

Под виртуальными активами понимаются объекты гражданских правоотношений, созданные посредством технологий децентрализованного учета (например, блокчейна) и специализированных компьютерных протоколов. Эти активы имеют материальное выражение стоимости, допускают заключение сделок купли-продажи, переход прав владения другим субъектам и получение дохода.

Некоторыми авторами используется термин «криптоактив». По мнению А. В. Крупочкина под криптоактивом следует понимать различные цифровые активы, использующие технологию криптографии. К ним относятся не только криптовалюты, но и невалютные активы (невзаимозаменяемые токены, токены безопасности и служебные токены), а также стейблкоины и токены-права [2, с. 121].

Помимо цифровых финансовых активов, выделяются криптовалюты, токены и иные формы цифровых активов. Среди них выделяют три основных типа:

криптовалюты – цифровые средства, работающие по принципу децентрализации и конфиденциальности. Они находятся вне юрисдикции классических банков и защищены особыми шифрами (например, криптовалюты Биткойн и Эфириум);

токены – электронные записи, создаваемые фирмами для финансирования проектов или наделяющие владельцев определенными правами и преимуществами (например, цифровая форма акций предприятия).

цифровые валюты – разновидность электронной наличности, размещаемой внутри специальных платежных сервисов (таких как Яндекс.Деньги, Вебмани и аналогичных).

Кроме указанных основных типов виртуальных активов можно также выделить «цифровые товары» в компьютерных играх и социальных сетях, внутриигровую валюту, бонусы, баллы, мили в различных программах лояльности [2, с. 346]. Так, Н. А. Смирнова и В. О. Казанцева отмечают тот факт, что хоть внутриигровая валюта и является виртуальной, но она может быть приобретена за реальные средства, что требует внимания к вопросам оборота такой валюты со стороны законодателя, в том числе для обеспечения прав ее владельцев [3, с. 497].

Основные характеристики виртуальных активов включают:

цифровое представление;

отсутствие материального выражения;

наличие индивидуального идентификатора (ключа или адреса);
учет сведений о владельцах и операциях ведется в распределенной сети (особенно актуально для криптовалют и токенов);
возможность осуществления торговых операций и передачи прав другим участникам рынка.

Законодательство лишь частично охватывает природу виртуальных активов. Так, Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) определяет понятие «цифровых финансовых активов», но многие категории виртуальных активов остаются неопределенными и часто оказываются вне правового поля, что может негативно сказываться на защите прав их владельцев.

Следует подчеркнуть, что этот закон устанавливает отдельное определение понятия «цифровой финансовый актив», но оно применимо не ко всем видам виртуальных активов.

Представляется обоснованным предложенное Ю. С. Харитоновой разделение виртуальных активов на две группы – легализованные (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права), в соответствии с Законом о ЦФА и нелегализованные [4, с. 77], к которым относятся имеющиеся фактически, но не оформленные законодательно – аккаунты в социальных сетях, внутриигровое имущество и др.

По нашему мнению, главная проблема обращения виртуальных активов заключается в отсутствии надежных доказательств принадлежности этих активов определенному владельцу. Обычно единственным подтверждением является доступ к электронному кошельку с использованием ключа или пароля. Однако такая информация легко может оказаться доступной другому человеку без согласия владельца, что создает риски возникновения споров относительно правомерности сделок и возможности вынесения неверных судебных решений.

Важно учитывать, что российское законодательство допускает признание криптовалюты имуществом (а именно – имущественными правами), ввиду диспозитивности гражданского законодательства и открытого перечня объектов гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации), но юридически полноценная защита возможна только при правильном оформлении соответствующих документов, которые могли бы в дальнейшем быть приняты судом в качестве доказательств по делу.

Приведем несколько примеров судебной практики.

1. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10–573/2021 [1]. Истец перевела 1 миллион рублей на счет ответчика в банке, предполагая покупку биткоинов. Однако ответчик не исполнил свое обязательство. Иск о взыскании неосновательного обогащения был удовлетворен судом. Данный пример демонстрирует успешное разрешение спора

в пользу физического лица, столкнувшегося с нарушением обязательств по покупке криптовалюты.

2. Дело № 22-2616/2022 Санкт-Петербургского городского суда [3] стало важным прецедентом, в котором суд признал криптовалюту частью материального ущерба, причиненного потерпевшим. Это означает, что в случаях кражи или иного причинения вреда, связанного с криптовалютой, она может быть учтена как вещественное доказательство и стоимость утраченного имущества. В рамках указанного дела суд впервые признал криптовалюту (в данном случае биткойны) частью материального ущерба, нанесенного потерпевшему. Суд признал, что криптовалюта является материальным объектом, который может быть предметом хищения или причинения вреда, и, следовательно, его стоимость должна быть возмещена.

На сегодняшний день можно сделать вывод, что имеющиеся юридические конструкции недостаточны для эффективного правового регулирования оборота виртуальных активов.

Основываясь на результатах проведенного анализа, основными причинами возникновения споров и сложностей в обороте виртуальных активов являются:

1. Отсутствие адекватного юридического оформления виртуальных активов в действующем законодательстве.

2. Недостаточное развитие механизмов контроля и доказывания фактов владения виртуальными активами.

Одним из вариантов решения данной проблемы можно предложить создание специального реестра владельцев криптокошельков и иных виртуальных активов. Реестр должен будет фиксировать право собственности на виртуальные активы и обеспечивать легитимность оборота и различных правоотношений с ними. Функционал реестра будет доступен лишь тем участникам оборота виртуальных активов, которые пожелают пройти процесс идентификации. Но как известно, если субъект требует защиты у государства, то он, в свою очередь, должен играть по его правилам.

Реалии сегодняшнего дня наглядно показывают, что у виртуальных цифровых активов и технологий, лежащих в их основе, есть огромный, в том числе экономический потенциал, для реализации которого необходима взвешенная законодательная политика, грамотно сочетающая частное и публичное правовое регулирование [5, с. 135].

Регулирование виртуальных активов должно осуществляться продуманно и взвешенно, без излишней поспешности. Важно точно определить перечень объектов, нуждающихся в контроле, создать понятные и прозрачные нормы взаимодействия, следуя основному принципу свободы договоренностей участников гражданских правоотношений.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10–573/2021 // Портал ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Крупочкин А. В. Цифровые активы : классификации и определение // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2024. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-aktivy-klassifikatsii-i-opredelenie> (дата обращения: 29.10.2025).
3. Определение Санкт-Петербургского городского суда по делу № 22-2616/2022 // Портал ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 29.09.2025).
4. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом : правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 638 с.
5. Смирнова Н. А., Казанцева В. О. Игровое имущество как объект гражданского оборота // Вестник науки. 2024. № 11 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoe-imuschestvo-kak-obekt-grazhdanskogo-oborota> (дата обращения: 29.10.2025).
6. Харитонов Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов : коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 74–94.
7. Рахимов Э. Х., Морин А. В. К вопросу о правовом регулировании цифровых финансовых активов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 134–137.

© Рахимов Э. Х., 2025

УДК 349.2

Рябов С. А. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

НЕНОРМИРОВАННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования ненормированного рабочего дня. Анализируются существующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы ненормированного рабочего дня, выявляются пробелы и противоречия в законодательстве. Особое внимание уделяется вопросам компенсации за работу

в условиях ненормированного рабочего дня, включая предоставление дополнительных дней отпуска и другие формы возмещения.

Ключевые слова: работодатель, работник, работа сверх установленной законом продолжительности рабочего времени, ненормированный рабочий день, ненормированность.

Abstract. The article discusses current issues of legal regulation of the irregular working day. It analyzes existing legal acts regulating the issues of the irregular working day and identifies gaps and contradictions in the legislation. Special attention is paid to the issues of compensation for working in conditions of the irregular working day, including the provision of additional days of leave and other forms of compensation.

Keywords: employer, employee, work beyond the legal working hours, irregular working hours, irregularity.

Согласно статье 97 Трудового кодекса Российской Федерации [1] (далее – ТК РФ, Трудовой кодекс) работодатель имеет право привлекать сотрудника к выполнению работы сверх установленной законом продолжительности рабочего времени. Однако Трудовой кодекс определяет ограниченный список оснований, исходя из которых работодатель может принимать такие решения. Во-первых, это возможность привлечения к сверхурочной работе, что регламентируется статьей 99 ТК РФ. Во-вторых, это установление ненормированного рабочего дня, о чем говорится в статье 101 ТК РФ. Данное право работодателя закреплено не только в Трудовом кодексе, но и в других законодательных актах, а также может быть предусмотрено коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовыми договорами.

При этом привлекает внимание многих исследователей то обстоятельство, что законодателем по-разному трактуется подход к этим двум возможным вариантам привлечения сотрудника к работе за пределами продолжительности рабочего времени, установленной законом. Так, можно встретить справедливое утверждение, что «применение ненормированного рабочего дня на современном этапе, по сути, является узаконенной формой принудительного труда» [2] или представляет собой «легальный способ обхода норм о сверхурочной работе так называемым режимом ненормированного рабочего дня» [3]. Некоторые исследователи приходят к выводу, что работники ненормированного дня имеют явные ограничения трудовых прав, соответственно, «ненормированный рабочий день является асоциальным, поскольку позволяют работодателю без достаточных гарантий и компенсаций иметь право использовать дополнительный, сверхнормативный труд работников» [4, с. 45]. Все это в конечном итоге негативно влияет на здоровье работника и оставляет его без дополнительной оплаты и совершенно беззащитным, поскольку законом не установлены гарантии и компенсации

для него, за исключением предоставления дополнительного отпуска продолжительностью не менее трех дней.

Законодателем неоднократно предпринимались попытки по совершенствованию законодательства по регулированию процесса привлечения работника к труду в режиме ненормированного рабочего дня.

Во всех случаях законодатель преследовал конкретную цель: защиту законных прав и интересов работников на отдых и на установленную федеральным законом продолжительность рабочего времени. Для достижения данной цели, в частности, предполагались следующие меры. Во-первых, уточнить формулировку «ненормированный рабочий день». Во-вторых, ограничить права работодателя на применение режима ненормированного рабочего дня посредством установления предельного количества часов переработки. В-третьих, обеспечить организацию точного учета времени, фактически отработанного каждым работником за пределами установленной для него продолжительности рабочего дня (смены). В-четвертых, установить продолжительность предоставляемого дополнительного отпуска в зависимости от времени, фактически отработанного за пределами рабочего дня.

Среди причин, побудивших законодателей внести изменения в ТК РФ, были результаты опубликованного в мае 2021 года доклада Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда. В частности, в докладе отмечалось, что «увеличение продолжительности рабочей недели с 35–40 часов до 55 часов увеличивает риск развития инсульта на 35 %, смерти от ишемической болезни сердца – на 17 %. Особенно сильно переработка сказывается на здоровье мужчин, на которых приходится 72 % всех смертей» [5].

Однако до сих пор ни один законопроект не стал законом, несмотря на то, что его принятие не должно было повлечь за собой изменения финансовых обязательств государства и не требовало дополнительных расходов, покрываемых за счет средств федерального бюджета, а также признания утратившими силу, приостановления, изменения или принятия иных федеральных законов. Фактически принятие законопроекта позволило бы принять меры на законодательном уровне, направленные на защиту, с одной стороны, от произвола работодателей, а с другой стороны, прав работников. Это достигалось бы за счет установления ограничений для работодателя по привлечению работников к работе сверх установленной продолжительности рабочего времени.

Тем самым, несмотря на предпринимаемые усилия, проблема правового регулирования труда работников в режиме ненормированного рабочего дня до настоящего времени не получила разрешения. Сохраняются неопределенности в толковании и применении соответствующих норм трудового законодательства, что приводит к злоупотреблениям со стороны работодателей и нарушениям прав работников. В частности, отсутствует четкое

определение понятия «периодически» применительно к привлечению к работе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени. Не определен порядок ведения учета времени переработок, а также механизм контроля за его соблюдением. Размер компенсации за ненормированный рабочий день часто не соответствует объему и интенсивности выполняемой работы.

Анализ действующей ст. 101 ТК РФ позволяет выделить признаки ненормированного рабочего дня:

- трудовая функция сотрудника не подлежит нормированию; т. к. Если установлена норма выработки, то следует применять правила для сверхурочной работы, а не ненормированность [6];

- возможно только эпизодическое привлечение к работе сотрудника, причем как до, так и после окончания рабочего дня или смены. На нормативном уровне «эпизодичность» не определена, поэтому представляется весьма проблематичным отграничение ненормированного рабочего дня от замаскированной сверхурочной работы. В настоящее время Федеральная служба по труду и занятости, ориентируясь на судебную практику, установил, что эпизодическим является привлечение к работе не более 3 раз в неделю;

- для привлечения работника к работе необходимо письменное распоряжение (приказ) работодателя. Причем письменное согласие от сотрудника не требуется, что существенно упрощает процедуру привлечения к работе сверх установленной продолжительности рабочего времени;

- должность работника входит в перечень должностей с ненормированным рабочим днем. Данный перечень устанавливается с учетом мнения представительного органа работников в коллективном договоре, соглашениях или локальных нормативных актах. В случае отсутствия такого перечня или должности работника в нем, режим работы меняется на сверхурочную работу (ст. 101 ТК РФ);

- переработки в режиме ненормированности не подлежат оплате. На наш взгляд, данное положение нарушает конституционную норму, закрепленную в ч. 3 ст. 37 : «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [7]. Соответственно, предполагается обязанность каждого работодателя оплачивать труд работника;

- работнику ежегодно предоставляют дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью не менее трех дней (ст. 119 ТК РФ). Однако на законодательном уровне не установлена связь продолжительности предоставляемого работнику дополнительного отпуска и фактически отработанного времени за пределами рабочего дня. При чем «трехдневный от-

пуск может получить как работник, ни разу не привлекавшийся к работе после окончания своего рабочего времени, так и тот, который значительно «переработал» [8];

– продолжительность ненормированного рабочего дня законодательно не ограничена. Тем самым работодателю предоставляется возможность на законных основаниях ограничивать право на отдых, гарантированное Конституцией Российской Федерации (ч. 5 ст. 37) и Трудовым кодексом Российской Федерации (Раздел V. Время отдыха). Ненормированный рабочий день – это особый режим, при котором работник может быть привлечен к труду сверх установленной нормы. В таких случаях единственным обязательным видом отдыха остается ежедневный (междусменный) отдых, в то время как другие виды отдыха могут быть ограничены. Для всех иных видов законом установлены гарантии – обязательное письменное согласие работника.

Тем самым ненормированность, в отличие от общей направленности трудового законодательства, представляет возможность работодателям привлекать некоторых работников к труду во внеурочное время в упрощенном порядке и без согласия самого работника. По сути своей – это легальный способ сэкономить на оплате труда, что приводит на практике к злоупотреблению своим правом работодателем.

Однако все же имеются ограничения, установленные законом, согласно которым данный режим не представляется возможным установить для всего трудового коллектива, а только для лиц, должность которых включена в перечень должностей с ненормированным рабочим днем.

Как свидетельствует практика, основной причиной разногласий между работником и работодателем является установление не самого режима ненормированного рабочего дня, а отсутствие учета фактически отработанного времени [9, с. 17]. В законе закреплена единственная мера по компенсации за труд сверх установленной продолжительности рабочего времени – минимальная гарантия предоставления не менее трех дополнительных дней к отпуску. Поэтому работники непосредственно заинтересованы в учете числа рабочих часов сверх установленной продолжительности рабочего дня.

По нашему мнению, подход к определению длительности ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска для сотрудников, занятых в режиме ненормированного рабочего дня, нуждается в пересмотре. Существующая практика, при которой продолжительность данного отпуска полностью остается только на усмотрение работодателя, представляется не вполне справедливой. Более обоснованным и объективным полагаем будет применение метода расчета, основанного на фактическом количестве часов, отработанных сотрудником сверх установленной нормы в течение года. Предлагается вычислять длительность дополнительного отпуска путем деления общего количества этих переработанных часов на восемь,

что позволит, по сути, конвертировать фактически отработанное сверхурочное время в дни дополнительного отдыха. Данный подход, как и было предложено разработчиками в проекте Федерального закона № 134447-7 [5], представляется более «прозрачным» и учитывающим реальную нагрузку, которую несет сотрудник в условиях ненормированного графика. Он обеспечит более справедливую компенсацию за дополнительное рабочее время и позволит избежать субъективности при определении размера отпуска.

Кроме того, назрела необходимость законодательного ограничения продолжительности ненормированного рабочего дня. Ведь в конечном счете это приводит к «повышенной нагрузке на систему здравоохранения, убыли населения, разрушению института семьи и падению рождаемости» [9, с. 17]. Поэтому следует установить ограничения по максимальному количеству привлечения к работе – не более 3 раз в неделю. Именно на законодательном уровне, а не подзаконным актом Федеральной службы занятости населения.

Вместе с тем, поскольку количество часов переработки законом не ограничено, как нам представляется, необходимо ввести ограничения по продолжительности работы сверх установленной продолжительности рабочего времени. Она не должна превышать четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год, и должна оплачиваться по аналогии со сверхурочной работой.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Мертешев М. Ненормированный или безграничный? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 3. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Лютов Н. Л., Черных Н. В. Трудовое право в условиях больших вызовов : монография. М. : Проспект, 2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Хныкин Г. В. Проблемы правового регулирования режима рабочего времени // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 43–46.
5. О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного рабочего дня : проект федерального закона № 134447-7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства : приказ Роструда от 11 ноября 2022 г. № 253. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного рабочего дня : проект федерального закона № 1182849-7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Бекетова Н. А. Рассматриваются поправки в трудовое законодательство РФ // Кадровик-практик. 2024. № 7. С. 17.

© Рябов С. А., 2025

УДК 34

Самигуллин В. К. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, доктор юридических наук, профессор

ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ В ПРАВЕ И В СПЕЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье в проблемном ключе рассматривается место и роль традиции и новации в социальном развитии, особенно применительно к обеспечению прав и свобод человека и гражданина. На взгляд автора статьи, в наибольшей степени благоприятствует нормальному развитию человека и гражданина концепция о том, что необходимо приложить усилия по раскрытию концепций социального движения в направлении формирования человеческого общества, использующего для регулирования общественных отношений гуманистическое право, обеспеченное функциональными структурами демократической государственности. Предложена классификация профессиональных традиций и новаций в различии и взаимосвязи.

Ключевые слова: традиция, новация, право, развитие, классификация.

Abstract. The article examines the place and role of tradition and innovation in social development, especially in relation to ensuring human and civil rights and freedoms. In the opinion of the author of the article, the concept that is most conducive to the normal development of man and citizen is that efforts should be made to uncover the concepts of the social movement towards the formation of a human society using humanistic law provided by the functional structures of democratic statehood to regulate public relations. The classification of professional traditions and innovations in their differences and interrelationships is proposed.

Keywords: tradition, innovation, law, development, classification.

Высшей формой проявления человеческой способности интеллектуально воспроизводить действительность в мышлении, связанной с речью, идеальной стороной целеполагающей деятельности людей является сознание. Применительно к нашему предмету сознание некоторой части населения таково, что их внимание акцентируется только на какой-то одной грани традиции и/или новации. Это ведет к тому, что традиция и новация противопоставляются и рассматриваются как феномены, взаимно исключающие друг друга. При таком подходе традиция понимается как нечто косное, чуждое всякому новому, следовательно, консервативное, реакционное, неизменное. Новация же рассматривается как отметающее все традиционное и утверждающее прогрессивное, позитивное, изменчивое. Отсюда – если кто-то придерживается традиционных взглядов, то он – «тормоз», ортодокс, консерватор, реакционер; а если кто-то не признает то, что характеризуется как традиция, то он – «мотор», новатор, прогрессивно мыслящий, даже диалектик. С этой позиции получается: быть приверженцем традиции – всегда плохо, а быть сторонником новации – всегда хорошо; иной подход не принимается.

Между тем, и традиция, и новация, если мыслить философично и научно, – сложные понятия. Понимание и объяснение их усложняется еще и тем, что порой традиция не отличается от традиционализма. А в теории и на практике, наряду с понятием «новация» используется еще понятие «инновация». В языково-речевом плане оба этих понятия равно синонимичны словам «новшество», «нововведение», «обновление», «изменение». И в этом смысле различия между новацией и инновацией, по мнению филологов, минимальны. Примем во внимание еще и то, что в праве, прежде всего в гражданском праве как отрасли частного права в системе современного отечественного права, новация рассматривается как один из способов прекращения обязательств, как соглашение сторон о замене одного заключенного ими обязательства другим (статья 414 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что традиция, восходящая к латинскому слову *tradition* (предание, передача, предание, сообщение), и новация, производная от позднелатинского слова *novatio* (обновление, изменение), разнообразны, и они используются в социуме в различных контекстах. Для тех, кто использует различного рода манипуляции, традиция и новация – отнюдь не последние средства в их инструментарии игры с сознанием (индивидуальным (личностным) и общественным), а это опасно. И философы, а также ученые, специалисты, прибегая к традиции и новации для конструирования теорий и концепций, учений и доктрин, даже если они не во всем сходятся по содержанию и форме, характеру и направленности, не могут не противостоять этому зловередному явлению. И их усилия будут не напрасными, если найдут отклик в душах и сердцах сознательных и ответственных граждан, для которых отечество, историческая память,

родной язык, добро и справедливость – не пустые слова, а неотъемлемые элементы достойной жизни в свободе и порядке, счастье и благоденствии.

Право мерно в количественном и качественном отношениях, содержательно и формировано, материально и процедурно-процессуально, структурно и функционально. Главное назначение права – позитивное специально-юридическое регулирование нормально развивающихся общественных отношений; способствование социализации личности; обеспечение устойчивого развития общества и государственности, использование во благо, а не во вред нравственно оправданных методов и способов, форм и средств. А для государства главное – созидание, движение, обеспечение развития общества и государственности в режиме безопасности при активном участии в этом процессе сознательных и ответственных граждан, всего населения.

Для права и специально-юридического регулирования общественных отношений традиция и новация значимы как средства консолидации и развития общества и его государственности в определенном режиме (желательно в демократическом правовом) и в известной предметно-содержательной направленности. Отсюда – право, обеспеченное структурами, позволяющими ему надежно и эффективно воздействовать на социальное развитие, приемлет отнюдь не все традиции и новации, получившие распространение в социуме как таковом и неоднозначно оцениваемые в нем.

Однако нельзя недооценивать и охранительную функцию права, равно как и охранительную функцию государства. Д. В. Пожарский – исследователь государства, особенно российского как социально-политического института, – выдвигает и отстаивает тезис, согласно которому охранительная функция занимает в типологической модели и во всей системе его функционирования особое место и роль [1, с. 102]. С его точки зрения, «охранительная функция государства представляет собой важнейшую, сущностную функцию государства, выполняющую роль гаранта безопасности, целостности и непрерывного развития российского общества» [1, с. 285]. Он пишет, что государство охраняет не только явления, образующие правовую действительность (правовой порядок, права и свободы человека, юридические нормы и институты), но и иные не менее важные объекты и отношения, имеющие неюридическую природу, – экологию, мораль, здоровье, образование, семью и т. д. «Кроме того, – отмечает ученый, – государство нередко осуществляет деятельность в организационных (фактических формах)» [1, с. 126].

В современных условиях проблемой является следующее. Насколько оправдано использование в теоретической и практической юриспруденции понятия «правовое воздействие» в условиях существования популярной в правоведении конструкции «механизм правового регулирования», имеющей весьма развитый понятийно-категориальный инструментарий? Как

в специально-юридическом и фактическом отношении успешно использовать регулятивные возможности права в правильном соотношении с его охранительной функцией, правозащитным регулированием, правообеспечительной деятельностью? Каковы границы специально-юридического регулирования? Не ведет ли увлеченность процессуальным аспектом права под предлогом деконструкции юридического позитивизма к утрате его как целостной регулятивной системы, ориентирующей в регулировании общественных отношений на социально полезную деятельность активной и добросовестной личности, на свободу и порядок, добро и справедливость?

В каждое историческое время право признает лишь определенные традиции и новации, избирательно подходя к их источникам, оценивая степень их пригодности для решения тех или иных задач в плане специально-юридического регулирования общественных отношений. Выбор может быть удачным или неудачным, но нередко это осознается не сразу, а лишь со временем.

Существуют определенные традиции, которые не могут ни в коем случае быть отчуждены от права. Иначе право, утратив связь времен, преемственность в своем развитии, просто перестанет быть правом. Оно не может не принимать в расчет и новации, которые сформировались в социуме и позволяют ему адекватно реагировать на социальное развитие. Иначе оно не сможет осуществлять необходимое и должное воздействие на социум и его развитие, где хаос и порядок находятся в сложных и противоречивых отношениях. Оба возможных варианта развития событий, если с ними не считаться, игнорировать их, грозят обрушением и распылением общества и его государственности.

Однако и не любая традиция для права имеет глубинное значение. Все же некоторые традиции не могут противостоять новациям, уживаться с ними. Вместе с тем то, что является новацией в одно время, со временем может стать традицией, конкурентная способность которой подвергается испытанию практикой, временем.

В определенном смысле к правовой новации может быть отнесена проблематика обеспечения прав и свобод человека и гражданина, поскольку она по историческим меркам актуализировалась сравнительно недавно, с принятием и провозглашением резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека.

Сегодня на планете Земля в целом 8, 25 миллиарда человек, люди проживают в 240 государствах, из которых 193 являются членами ООН. И вышеназванный значимый правовой документ, обращаясь к разуму и совести всего человечества, в качестве важнейшей задачи рассматривает, чтобы все народы и государства стремились содействовать путем просвещения и образования уважению прав и свобод человека и гражданина; обеспечивать их путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их среди народов государств – членом ООН, а также среди народов территорий, находящихся под

их юрисдикцией. Это в высшей степени гуманное и демократичное требование важно и ценно, если принять во внимание те огромные жертвы, которые понесло человечество, особенно во время Второй мировой войны 1939–1945 годов, и то, что и ныне существуют очаги напряженности, представляющие угрозу, опасность для мира на планете, для всеобъемлющей безопасности.

В современных условиях гуманистические и демократические ценности, принципы и нормы, заключенные во Всеобщей декларации прав человека, для индивидов, народов и государств – уже не столько правовая новация, сколько правовая традиция. Причем она распространяет свое значение на все более широкий круг участников общественных отношений. На сегодня имеется несколько вариаций этой декларации, адаптированных к определенным сообществам и территориям. Показательны: Американская конвенция о правах человека, Африканская хартия прав человека и народов, Каирская декларация о правах человека в исламе, Азиатско-Тихоокеанская декларация прав человека и народов [2, с. 8–15].

Для Российской Федерации проблематика традиции и новации актуальна, и она возрастает. В. В. Путин, выступая на дискуссионном клубе «Валдай» в Сочи, отметил, что люди живут в эпоху перемен и они все глубже, что мир столкнулся с одновременными системными изменениями по всем направлениям. И в этих условиях, убежден Президент Российской Федерации, умеренный консерватизм есть самая разумная линия поведения. А это, если вдуматься, по существу есть вопрос о мере соотношения и сочетания традиции и новации. На этом форуме В. В. Путин высказался и по вопросу более общего формата. На его взгляд, дикий капитализм не работает, он исчерпал себя [3, с. 2]. Если рассматривать сказанное как факт, то возникает необходимость поиска новых путей социального развития. Пороки капитализма замечены давно, и уже которое поколение философов и ученых предлагает разные концепции их преодоления. Крупные мыслители, ученые, уже не почитаемые столь, как в недалеком прошлом, в советское время, отмечали, что даже гражданское общество – уже прошлое, а будущее – человеческое общество. И идея правового государства при ее неверном понимании и толковании ведет к бюрократизму и связанным с ним не очень привлекательным явлениям и процессам. В этой связи, на наш взгляд, в плане отдаленной перспективы в наибольшей степени благоприятствует нормальному развитию человека и гражданина концепция о том, что необходимо прилагать усилия по раскрытию потенциалов социального движения в направлении формирования человеческого общества, использующего для регулирования общественных отношений гуманистическое право, обеспеченное функциональными структурами демократической государственности.

Традиция и новация занимают определенное место и выполняют важную роль в системе специально-юридического регулирования общественных отношений в профессиональной среде, в том числе судебной системы

и системы правоохранительных органов (органов внутренних дел, полиции и др.), которые масштабны и структурно сложны и функционально ориентированы на обеспечение законности и правопорядка. Традиция и новация, сказываясь на качестве и эффективности деятельности лиц, входящих в эту среду, а также на выстраивании ими отношений вне профессиональной среды с другими лицами в повседневном общении, играют немаловажную роль в формировании профессиональных сообществ, приверженных соответствующим ценностям, принципам и нормам.

Профессиональные традиции и новации в различии и взаимосвязи в аналитических целях в интересах теории и практики могут быть классифицированы по разным основаниям. Так, по признаку происхождения, с точки зрения генезиса, и традиция, и новация могут быть разделены на те, что инициированы вышестоящим начальством, и на те, что сформировались стихийно в профессиональной среде сотрудников правоохранительных органов в процессе их государственной службы и в повседневной жизни во внеслужебное время. По содержанию возможна классификация и традиций, и новаций на общегосударственные, ведомственные и локальные – в смысле характерности только для какого-то одного подразделения всей системы профессионального образования и сообщества, например, для МВД России.

Профессиональные традиции могут быть подразделены на традиции общения и ритуалы. Как традиции, так и новации в профессиональной среде могут быть позитивными и негативными.

В технико-технологическом отношении роль и значение традиции и новации неоднозначны. Одни из них ведут к формированию в профессиональной среде сотрудников правоохранительных органов атмосферы конструктивных, доверительных, доброжелательных отношений, а другие – к образованию обстановки недоверия, отчужденности, тревожности, нездоровой конкуренции.

Приведенная классификация – не исчерпывающая, а больше гипотетическая. Надо сказать, что в теоретической и практической юриспруденции проблемы и вопросы профессиональной традиции в связке с новациями исследованы недостаточно, хотя в теоретическом плане они чрезвычайно интересны, а в практическом отношении важны и востребованы.

Библиографический список

1. Пожарский Д. В. Охранительная функция государства (вопросы теории) : монография. Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания России, 2014. 292 с.

2. Самигуллин В. К. Всеобщая декларация прав человека и гражданина: корни и ответвления // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 68-й го-

довщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 8 декабря 2016 года : в 5 ч. Ч. III / под общ. ред. Р. В. Нигматуллина. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 263 с.

3. Латухина К. Источники русской традиции // Российская газета. 2021. 25 октября. № 243 (8594).

© Самигуллин В. К., 2025

УДК 341.231.14

Сибгатуллин Ф. Ф. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского ЮИ МВД России

СТАТЬЯ 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный межотраслевой анализ ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») в свете обеспечения прав и свобод человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. Исследуется правовая природа административной преюдиции в уголовном праве, анализируются проблемы соответствия данной нормы принципам соразмерности, справедливости и гуманизма. На основе изучения судебной практики и доктринальных подходов выявляются системные противоречия, связанные с квалификацией деяния, процессуальным положением потерпевшего и обвиняемого, а также дифференциацией ответственности. Особое внимание уделяется критическому осмыслению модели частного обвинения по делам данной категории и ее влиянию на эффективность судебной защиты. Предлагается концепция реформирования законодательства, направленная на поиск баланса между публичными интересами в безопасности и частными интересами личности, с учетом современных международных стандартов в области прав человека.

Ключевые слова: уголовная ответственность, побои, административная преюдиция, Всеобщая декларация прав человека, право на личную неприкосновенность, принцип соразмерности, частное обвинение, дифференциация ответственности, бытовое насилие, правоприменительная практика.

Abstract. This article provides a comprehensive cross-sectoral analysis of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Beatings by a person subjected to administrative punishment") in the light of ensuring human rights

and freedoms proclaimed in the Universal Declaration of Human Rights. The legal nature of administrative prejudice in criminal law is investigated, the problems of compliance of this norm with the principles of proportionality, justice and humanism are analyzed. Based on the study of judicial practice and doctrinal approaches, systemic contradictions related to the qualification of the act, the procedural status of the victim and the accused, as well as the differentiation of responsibility are identified. Special attention is paid to the critical understanding of the model of private prosecution in cases of this category and its impact on the effectiveness of judicial protection. In conclusion, the concept of legislative reform is proposed, aimed at finding a balance between public interests in security and private interests of the individual, taking into account modern international standards in the field of human rights.

Keywords: criminal liability, beatings, administrative prejudice, Universal Declaration of Human Rights, right to personal integrity, principle of proportionality, private prosecution, differentiation of responsibility, domestic violence, law enforcement practice.

Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году заложило фундамент современной системы международно-правовой защиты фундаментальных прав и свобод личности. Ст. 3 Декларации [1], провозглашающая право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, имплементирована в конституционное законодательство Российской Федерации, где в ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы признаны высшей ценностью. Уголовное законодательство, выступая в качестве максимального соотношения государственного принуждения, призвано обеспечивать эффективную защиту этих ценностей от преступных посягательств. Однако поиск оптимального баланса между безусловной охраной личности от насилия и принципами гуманизации уголовной политики порождает комплекс сложных правовых коллизий. Как отмечает О. С. Капинус, «в последние годы российский законодатель проявляет достаточно высокую активность в сфере уголовного правотворчества. В поиске эффективных инструментов уголовно-правового противодействия преступности он конструирует новые нормы, корректирует традиционные институты, «реанимирует», казалось бы, позабытые уголовно-правовые конструкции. К числу последних относятся составы преступлений с административной преюдицией, посредством которых устанавливается ответственность за повторное совершение административного правонарушения лицом, административно наказанным за ранее совершенное аналогичное правонарушение» [2, с. 79].

Данная уголовно-правовая норма, введенная Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ одновременно с декриминализацией «простых» побоев, представляет собой уникальный гибридный институт, в котором переплетаются элементы административного и уголовного права, частного и

публичного начала. Конструкция административной преюдиции, при которой уголовная ответственность за нанесение побоев наступает не в связи с повышенной общественной опасностью деяния, а в связи с характеристикой субъекта, ставит перед наукой уголовного права ряд фундаментальных вопросов, требующих глубокого теоретического осмысления.

Фундаментальной проблемой, требующей глубокого теоретического осмысления, является вопрос о природе и характере общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). С формально-юридической точки зрения объективная сторона данного преступления полностью идентична административному правонарушению, предусмотренному ст. 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Криминализирующим признаком выступает исключительно характеристика субъекта – наличие административного наказания за аналогичное деяние в течение одного года. Такой законодательный подход порождает серьезные вопросы о соответствии принципу виновной ответственности, поскольку основной акцент смещается с общественной опасности самого деяния на личность правонарушителя. В контексте философско-правовой дискуссии о пределах уголовной репрессии возникает закономерный вопрос: может ли факт предыдущего привлечения к административной ответственности служить достаточным основанием для коренного изменения юридической природы деяния?

Особую сложность представляет анализ соответствия рассматриваемой нормы принципу соразмерности (пропорциональности) [3, с. 193], занимающему центральное место в системе конституционных ценностей. Санкция ст. 116.1 УК РФ включает такие виды наказаний, как штраф, обязательные работы, исправительные работы и арест до трех месяцев. При этом необходимо учитывать, что уголовное осуждение влечет за собой целый комплекс негативных социально-правовых последствий, выходящих далеко за рамки собственно наказания. Судимость становится серьезным препятствием для реализации целого ряда гражданских прав и возможностей.

В рамках уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации производство по делам о побоях (ст. 116.1 УК РФ) отнесено к категории дел частного обвинения (ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Данная процессуальная модель предполагает, что функции по сбору доказательств, формулированию обвинения и его поддержанию в суде возлагаются на потерпевшего, выступающего в роли частного обвинителя. Подобное построение процесса объективно создает ситуацию процессуального неравенства, поскольку частный обвинитель, не обладая властными полномочиями и специальными юридическими знаниями, противостоит профессиональным участникам судопроизводства. Ситуация усугубляется в случаях, когда межличностные отношения между потерпевшим и обвиняемым осложнены факторами психологической или

материальной зависимости, что характерно для дел, связанных с бытовыми конфликтами. Реализация права на доступ к правосудию и эффективную судебную защиту для потерпевших по данной категории дел сопряжена с существенными практическими трудностями, поскольку механизм частного обвинения в его текущем виде не всегда обеспечивает им необходимый уровень процессуальной и институциональной поддержки со стороны государства.

Серьезную теоретическую проблему представляет отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от обстоятельств совершения деяния. Действующая редакция ст. 116.1 УК РФ не содержит квалифицирующих признаков, что приводит к уравнительному подходу при оценке общественной опасности различных видов побоев. Между тем с криминологической точки зрения нанесение побоев в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины или лица, находящегося в беспомощном состоянии, представляет существенно более высокую степень общественной опасности, чем аналогичные действия в отношении физически крепкого человека, способного оказать сопротивление [4, с. 66]. Отсутствие соответствующей дифференциации противоречит фундаментальным принципам индивидуализации ответственности и справедливости наказания, закрепленным в ст. 6 УК РФ.

Важным аспектом научного анализа является оценка соответствия ст. 116.1 УК РФ международным стандартам в области прав человека. Всеобщая декларация прав человека в ст. 3 провозглашает право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в ст. 3 устанавливает абсолютный запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. В практике Европейского суда по правам человека неоднократно подчеркивалась позитивная обязанность государств обеспечивать эффективную защиту лиц от любых форм насилия. В этом контексте модель частного обвинения по делам о побоях вызывает серьезные сомнения с точки зрения выполнения государством своих международных обязательств, поскольку она не обеспечивает реального и эффективного доступа к правосудию для жертв насилия.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ст. 116.1 УК РФ, будучи концептуально направленной на усиление защиты права на личную неприкосновенность, содержит внутренние системные противоречия, снижающие ее эффективность и порождающие новые проблемы в сфере прав человека. Существующая модель «административная ответственность и уголовная репрессия через частное обвинение» перекладывает основную тяжесть борьбы с повторным насилием на самого потерпевшего, не обеспечивая ему при этом адекватной государственной поддержки, и в то же время устанавливает чрезмерно суровое наказание за малозначительное деяние.

Только комплексный подход, сочетающий адекватную уголовно-правовую реакцию с эффективными профилактическими мерами и процессуальными гарантиями, сможет обеспечить подлинную реализацию права на личную неприкосновенность.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6 (270). С. 78–86. DOI 10.12737/jrl.2019.6.8. EDN BIVMRG.

3. Абдуллина Л. Р. Теоретические основы требования разумности в уголовном судопроизводстве // Российское государство и вызовы XXI века : сборник статей Международной научно-практической конференции. К 95-летию профессора Р. С. Мулукаева, Москва, 6 декабря 2024 года. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 192–196. EDN JATKNC.

4. Сердюк Л. В., Сердюк П. Л. Семейно-бытовое насилие (криминологический аспект). Уфа : Уфимский ЮИ МВД Российской Федерации, 2020. 80 с. ISBN 978-5-7247-1035-0. EDN AHMMIY.

© Сibaгатуллин Ф. Ф., 2025

УДК 340

Смирнов С. В. – доцент кафедры публичного и частного права факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Аннотация. В статье обозначаются некоторые тенденции эволюции системы прав и свобод человека и гражданина в современном мире. На основе авторского понимания государственного суверенитета сделан вывод о том, что современное государство должно системно противостоять рискам, вызовам и угрозам государственному суверенитету, выстраивать си-

стемы прав и свобод человека и гражданина, гарантий государственного суверенитета, соответствующие глобальным мировым изменениям, своевременно их совершенствовать.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, глобализация, государственный суверенитет, суверенитет формально-юридический, суверенитет фактический, финансовый суверенитет, факторы ослабления государственного суверенитета, угрозы государственному суверенитету, гарантии государственного суверенитета.

Abstract. This article outlines some trends in the evolution of the system of human and civil rights and freedoms in the modern world. Based on the author's understanding of state sovereignty, it is concluded that a modern state must systematically counter risks, challenges, and threats to state sovereignty, build systems of human and civil rights and freedoms, and guarantees of state sovereignty that correspond to global changes, and promptly improve them.

Keywords: human and civil rights and freedoms, globalization, state sovereignty, formal-legal sovereignty, actual sovereignty, financial sovereignty, factors weakening state sovereignty, threats to state sovereignty, guarantees of state sovereignty.

Современный мир стремительно трансформируется. Казалось бы, еще совсем недавно произошел в основном всеми молчаливо признанный переход от биполярной (с оговорками) международной системы государств к «однополярному господству» мирового гегемона – Соединенных Штатов Америки [6, с. 274–275], основанному, как презюмировалось, на исключительно прогрессивных демократических изменениях, в том числе в сфере построения системы прав и свобод человека и гражданина. Однако через исторически непродолжительный период стало самоочевидной интенсивная экономическая эксплуатация ресурсов земного шара в пользу стран «золотого миллиарда», лишь прикрываемая мнимой заботой о правах и свободах человека и гражданина стран-доноров. В государствах, подвергшихся экономическому поглощению, все еще сохранявших формально-юридический суверенитет [1, с. 90], происходили процессы эрозии, «размывания» вплоть до полной утраты фактического суверенитета [1, с. 90], в том числе с применением внешними силами частных военных компаний [7], технологий цветных революций [8] и др. Более того, в сжатые сроки в странах «глобального Запада» произошло критическое переосмысление ранее в целом гармоничного равновесия системы прав человека и гражданина, с одной стороны, и «прав общества» – с другой, когда поступательное движение преодоления крайностей тоталитарных и авторитарных режимов привело к доведению до абсурда прав меньшинств и их агрессивному продвижению, насаждению в цивилизационных ареалах обитания сообществ традиционной культуры.

Фантастическая скорость технологических изменений и иных особенностей современного этапа глобализации, развитие средств связи, носимых гаджетов, систем контроля перемещений и биометрического контроля, криптовалют [5], «революция искусственного интеллекта» и др. создали беспрецедентную новую макросреду для взаимодействия индивидов и изменили принципы человеческого общежития.

Современная система прав и свобод человека и гражданина, очевидно, нуждается в юридической формализации происходящих изменений. Обозначим, как представляется, ключевые тенденции эволюции указанной сферы.

Во-первых, создание и использование технологически развитыми государствами социальных сетей, носимых гаджетов и других научно-технических достижений для массового вторжения в частную жизнь человека, формирование его «цифрового двойника», сбор глобальной статистики формируют общественный запрос на формирование новых прав человека: на цифровую приватность, повышенную защиту личных данных, «право быть забытым» в цифровом мире, «цифровое равенство», равный доступ к передаче и приему данных.

Во-вторых, появление новых финансовых инструментов, их использование в ущерб общественным и личным интересам актуализировали дискуссию о технологическом и финансовом суверенитете [9] и «цифровом следе» индивида в интернет-пространстве.

В-третьих, продолжающийся рост населения некоторых экономически и социально бедных стран, хищническая эксплуатация ресурсов, негативные климатические изменения, с одной стороны, стимулируют научный поиск в сфере расширения «экологических прав» человека, с другой стороны, беспринципно используются в международной политической борьбе для обоснования ликвидации целых отраслей экономики страны-конкурента под благовидным предлогом «заботы о природе».

В-четвертых, «доведение до абсурда» в большинстве стран глобального Запада прав меньшинств в ущерб интересам общества угрожающим образом изменили саму сущность западной цивилизации в широком смысле. Она во многом перестала быть эталоном, образцом для подражания для всего остального мира, как еще несколько десятилетий назад. Соответственно, поиск пределов личной свободы индивида в соотношении с общественными интересами, в том числе в вопросах смены пола и понимания семьи в контексте трансформации системы прав и свобод человека и гражданина, также находится в центре политической повестки ряда государств.

В-пятых, особое внимание, в том числе на уровне международных документов по правам человека, уделяется правам мигрантов и беженцев. Вместе с тем страны Европы и не только столкнулись с ранее невиданным миграционным кризисом, вызванным, по сути, бесконтрольным приемом мигрантов, их практически безусловным социальным обеспечением.

В условиях экономического кризиса это привело к беспрецедентному падению уровня гарантированности основных прав и свобод коренного населения, тревожной тенденции замещающей миграции.

В-шестых, пандемия коронавирусной инфекции высветила ужасающую неравномерность доступности медицины в глобальном масштабе, неспособность многих государств справляться с подобными вызовами,кратно усилила дискуссию об объемах и приоритетах бесплатной медицинской помощи, в том числе экстренной, и о праве различных категорий физических лиц на ее оказание.

В-седьмых, бурное развитие автоматизации, искусственного интеллекта объективно уменьшают количество рабочих мест в некоторых отраслях, провоцируя безработицу и социальные потрясения, что, в свою очередь, вызывает к жизни экспертные мнения о праве на безусловный базовый доход, принципах занятости, условиях оплаты труда и соответствующих правах и свободах.

В-восьмых, прокатившаяся волна смены неугодных политических режимов при помощи отработанной технологии «цветной революции» [8] и последовавшее в ряде стран упорядочение законодательства о проведении митингов и собраний, свободе слова также затрагивают весьма чувствительную сферу системы прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, в настоящий момент мы наблюдаем беспрецедентное выборочное использование повестки прав человека в деструктивном ключе для оказания политического воздействия на конкретное государство.

Представляется, в современном мире, несмотря на все попытки дискредитации, государства остаются надежными гарантами защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты государственного суверенитета [2]. Современное государство должно системно противостоять рискам, вызовам и угрозам государственному суверенитету [1; 4], выстраивать системы прав и свобод человека и гражданина, гарантий государственного суверенитета, соответствующие глобальным мировым изменениям, своевременно их совершенствовать.

Библиографический список

1. Арзамаскин Н. Н., Смирнов С. В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации : вопросы теории и практики. Ульяновск : УлГУ, 2012. 198 с.

2. Красинский В. В. Защита государственного суверенитета : монография М. : Норма, 2018. 608 с.

3. Направления достижения технологического суверенитета экономических систем различного уровня в странах ЕАЭС : монография / О. Н. Киселева, А. П. Плотников, В. В. Бехер [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Киселевой. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2024. 258 с.

4. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Инфра-М, 2024. 423 с.

5. Смирнов С. В. Криптовалюты как вызов государственному суверенитету современного государства в условиях глобализации // Проблемы статуса современной России : историко-правовой аспект : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Уфа, 5–6 апреля 2018 года. Часть 2. Уфа : Башкирский государственный университет, 2018. С. 29–35.

6. Смирнов С. В. Некоторые аспекты современного этапа глобализации как фактора трансформации государства и права // Государство и право : эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.

7. Смирнов С. В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство : проблемы понимания и реализации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию журнала «Правовое государство : теория и практика» / отв. ред. Ф. Х. Галиев. Уфа, 2015. С. 98–102.

8. Смирнов С. В. «Цветная революция» как угроза государственному суверенитету в условиях глобализации // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96). С. 13–16.

9. Финансовый суверенитет государства : теория и правовая реальность : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М. : Норма, 2024. 344 с.

© Смирнов С. В., 2025

УДК 343.2

Соловьев Д. Н. – доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье говорится о том, что исторический аспект развития уголовного законодательства Российской Федерации демонстрирует эволюцию от традиционного, основанного на обычном праве и личных интересах, к более централизованному и формализованному, с акцентом на об-

пественные и государственные интересы. Современное уголовное законодательство стремится к гуманизации и гармонизации с международными стандартами, защищая права и свободы человека и гражданина с учетом опыта предшествующих эпох. История российского уголовного законодательства отражает сложные политические, социальные и экономические процессы, которые сформировали его современный вид.

Ключевые слова: закон, нормы права, обычаи, история отечественного уголовного законодательства, правовая система государства.

Abstract. The article says that the historical aspect of the development of the criminal legislation of the Russian Federation demonstrates the evolution from a traditional one based on customary law and personal interests to a more centralized and formalized one, with an emphasis on public and state interests. Modern criminal legislation strives to humanize and harmonize with international standards, protecting human and civil rights and freedoms, taking into account the experience of previous eras. The history of Russian criminal law reflects the complex political, social and economic processes that have shaped its modern form.

Keywords: law, norms of law, customs, history of domestic criminal legislation, legal system of the state.

Уголовное законодательство является важным инструментом обеспечения правопорядка и защиты общества от преступности. В Российской Федерации оно прошло через значительные трансформации, отражающие изменения в социально-экономической и политической жизни страны. Можно выделить четыре больших периода в развитии российского уголовного законодательства: I – период древней истории (1016–1800 гг.); II – период существования Российской империи (дореволюционный период) (1800 г. – октябрь 1917 г.); III – период существования Советского государства (октябрь 1917 г. – 1991 г.); IV – период современного Российского государства (1991 г. – настоящее время).

Древняя история отечественного уголовного права. Уголовно-правовые нормы содержались уже в первых правовых памятниках России — договорах с Византией (907, 911 и 944 гг.), Русской Правде Ярослава Мудрого и Ярославичей (XI в.). По своей сути они являлись узаконенными нормами обычного раннесредневекового права — преступления расценивались в качестве нарушения («обиды») не столько государственных, сколько личных интересов. В частности, это выражалось в возможности выкупа ущерба практически за любое преступление («виры»), санкционировании кровной мести, а также в возможности применения наказания по принципу талиона.

Новгородская и Псковская судные грамоты (конец XIV в. — середина XV в.), содержавшие уголовно-правовые нормы, явились единственными средневековыми памятниками русского городского корпоративного права,

на которые серьезное влияние оказало городское право германских государств. Примечателен тот факт, что в грамотах отсутствует упоминание о кровной мести, а ряд преступлений признается направленным против государственных институтов.

Серьезная кодификация законодательства связана с централизацией Российского государства и отражена в Судебнике 1497 г. Ивана III. Для обозначения преступления Судебники 1497 и 1550 гг. используют термины «лихое дело», «татьба», «душегубство», что свидетельствует о материальном взгляде на преступление. Именно в Судебниках впервые получили широкое применение телесные наказания: кнутом, батогами и палками [1, с. 254, 257, 273]. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. стало первым общим сводом законов Русской земли [2, с. 6].

Эпоха Петра I (1682–1725 гг.) отличалась многочисленными преобразованиями в государственном управлении, экономике и военном деле, которые не могли не отразиться на законодательстве. Важными документами петровского времени, содержащими уголовно-правовые нормы, были Военский устав 1715 г. и Морской устав 1720 г., применявшиеся не только к военнослужащим, но и к гражданским лицам [3, с. 730].

В царствование Елизаветы (1741–1761 гг.) Указами 1753 и 1754 гг. отменялась смертная казнь, которая заменялась смертью политической. Последняя заключалась в лишении прав состояния и в ссылке на каторгу, сопровождаемой сечением кнутом, вырезанием ноздрей и клеймением. Указом 1757 г. было отменено клеймение женщин. Гуманизм в сфере уголовного права выразился в неподписании императрицей проекта карательного устава, в котором преобладали наказания в виде лишения жизни и особо жестокие казни.

Екатерина II, будучи императрицей с 1762 по 1796 г., решила составить новое уложение не только по формальному содержанию, но и по духу, для чего в 1767 г. была создана специальная комиссия. Несмотря на то, что уложение не было создано, большое значение для уголовного права имел Наказ императрицы 1767 г.

В царствование Екатерины II было сокращено применение телесных наказаний, в частности в 1765 г. было ограничено применение таких наказаний к малолетним, в 1785 г. отменили телесные наказания в отношении дворян. Кроме дворян были отменены телесные наказания в отношении купцов первой и второй гильдии, священнослужителей и почетных граждан.

Манифестом от 17 марта 1775 г. в русское право был введен институт давности: если со времени совершения преступления прошло 10 лет, лицо не подвергалось наказанию при условии, что преступление не сделалось гласным и по отношению к нему не было начато производство. Действие срока давности распространялось на все преступления.

В царствование Павла I (1796–1801 гг.) Указом 1798 г. от телесных наказаний освобождались преступники старше 70 лет; апрельским Указом

1799 г. исключалось применение смертной казни даже в тех губерниях, в которых она ранее сохранялась; июльским Указом 1799 г. применение каторжных работ было ограничено убийством, тяжкими случаями воровства и грабежом.

Период Российской империи. 1800–1823 гг. Законом 1800 г. было отменено нещадное наказание кнутом, а в 1817 г. – вырывание ноздрей. Уставом о банкротах 1800 г. определялось как само понятие уголовно наказуемого банкротства, так и наказания за него.

19 января 1833 г. Госсвет одобрил Свод законов Российской империи, а 31 января этого же года был издан Манифест с указанием Сенату обнародовать Свод, вступающий в действие с 1 января 1835 г. За время своего существования Свод выдержал еще два полных издания (в 1842 и 1857 гг.), а также ряд неполных изданий [4, с. 118].

В 1844 г. проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных был внесен в Госсвет и получил его одобрение. 15 августа 1845 г. Николай I утвердил Уложение, вступающее в действие с 1 мая 1846 г. Рассматриваемое Уложение представляло собой объемный (около 2000 статей) и во многом казуистичный нормативный акт. Крайне сложной была его структура: оно делилось на разделы, главы, отделения и статьи, в некоторых отделениях выделялись дополнительные группы преступлений.

В 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, выдержавший три редакции: 1864, 1883 и 1885 гг. Принятие данного акта было связано с судебной реформой и введением института мировых судей, к подведомственности которых относилось рассмотрение менее важных преступлений и проступков. Уложение 1845 г. и Устав соотносились как общее и специальное, поскольку мировые судьи руководствовались Общей частью Уложения, если иное не предусматривалось Уставом.

На территории России, помимо Уложения о наказаниях, действовал ряд специальных уголовных законов, в том числе: Военский устав о наказаниях и Военно-морской устав 1875 г., Уложение Великого княжества Финляндского 1734 г., а позднее – 1890 г. В Царстве Польском, входившем в состав Империи, первоначально действовал Уголовный кодекс Царства Польского 1818 г., а затем для него было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1847 г. В 1876 г. на территорию Варшавского судебного округа было распространено действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 г. с некоторыми изменениями.

Весной 1898 г. в Госсвет был представлен окончательный проект нового Уголовного уложения; летом этого же года для предварительного обсуждения проекта при Госсвете было образовано особое совещание, в которое вошел сенатор Н. С. Таганцев. В октябре 1901 г. доработанный проект поступил в особое присутствие Госсвета, в которое вошли все министры,

главноуправляющие, сенатор Н. С. Таганцев и госсекретарь. Особому присутствию надлежало согласовать проект с другим законодательством, а также уточнить некоторые составы преступления. Исправленный проект Уголовного уложения был утвержден 22 марта 1903 г. Этот документ можно назвать высшей точкой в развитии уголовно-правовой науки и законодательной техники дореволюционного периода. Его высокий научный уровень и техническое совершенство отмечают и современные ученые [5].

Период советского государства. 1917–1922 гг. После Октябрьской революции 1917 г. законы Российской империи были фактически отменены, хотя Декреты о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. и № 2 от 7 марта 1918 г. разрешали судам применять прежнее уголовное законодательство, если оно не противоречило «революционной совести».

В юридической литературе отмечается, что «с 26 октября 1917 г. до 1 июня 1922 г. было принято более 400 уголовно-правовых норм». Уже в первых декретах Советской власти содержались уголовно-правовые нормы. Согласно Декрету о земле от 26 октября 1917 г. любая порча конфискованного имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявлялась тяжким преступлением. Декретом Совнаркома от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» устанавливалась строгая ответственность за сбыт, скупку или хранение с целью сбыта хлеба, мяса, молока и других продуктов питания. Эти действия наказывались лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества.

В первые два года существования нового государства отсутствовала единая система уголовных наказаний, которые устанавливались либо применительно к конкретным преступлениям, либо для созданных судебных органов. Так, в Инструкции Наркомюста от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, о делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» давался перечень 8 видов наказаний, среди которых были штраф, лишение свободы, удаление из столицы и Российской республики, объявление врагом народа, общая и частичная конфискация имущества и др. Однако сроки и размеры наказаний не определялись. В ноябре 1919 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет утвердил Положение о революционных военных трибуналах, предусматривавшее в качестве наказания расстрел.

12 декабря 1919 г. были изданы Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, включавшие 8 разделов: «Об уголовном праве», «Об уголовном правосудии», «О преступлении и наказании», «О стадиях осуществления преступления», «О соучастии», «Виды наказания», «Об условном осуждении», «О пространстве действия уголовного права». Во введении к документу подчеркивалась классовая природа уголовного права и определялись задачи нового пролетарского уголовного законодательства.

Руководящие начала 1919 г. не могли заменить кодифицированный источник уголовно-правовых норм, поэтому после их выхода продолжали

издаваться акты об ответственности за конкретные преступления или о применении наказаний. Так, 16 апреля 1920 г. был издан Декрет Совет народных комиссаров (далее – СНК) «О реквизициях и конфискациях», 2 февраля 1921 г. – Декрет СНК «О борьбе с дезертирством», 5 мая 1921 г. – Декрет СНК «Об ограничении прав по судебным приговорам» и др.

Новый Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу с 1 июня 1922 г. Это был самый краткий из всех известных мировой истории Кодекс: всего 218 статей. Одну четверть (ст. 1–56) занимали нормы Общей части.

После образования СССР и принятия его Конституции началась разработка общесоюзного уголовного законодательства. В 1924 г. были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, включавшие помимо введения 39 статей.

Основные начала 1924 г. предоставили союзным республикам право устанавливать в собственных Уголовных кодексах отдельные виды преступлений и их наказуемость, за исключением государственных и воинских преступлений. Кроме того, законодательные органы Союза ССР могли указывать союзным республикам отдельные роды и виды преступлений, в отношении которых необходимо осуществление единых уголовно-правовых мер.

После принятия Основных начал 1924 г. республиканские уголовные кодексы подлежали приведению в соответствие с ними. Эта работа продолжилась до 1940 г. В 1926 г. был принят Уголовный кодекс Узбекской ССР, в 1927 г. – Уголовный кодекс Украинской, Азербайджанской, Армянской ССР, в 1928 г. – Белорусской, Грузинской, Туркменской ССР, в 1935 г. – Уголовный кодекс Таджикской ССР.

В ноябре 1926 г. была принята новая редакция Уголовного кодекса РСФСР, вступившая в силу с 1 января 1927 г. Уголовный кодекс 1926 г. был преемником Уголовного кодекса 1922 г. и во многих положениях с ним совпадал.

В 1927 г. общесоюзное уголовное законодательство пополнилось двумя важными законодательными актами: Положением о преступлениях государственных, утвержденным Постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г., и Положением о воинских преступлениях, утвержденным ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 г. Оба положения позднее были включены во все союзные Уголовные кодексы. Положением о преступлениях государственных были введены составы измены Родине, дополненные впоследствии общесоюзным законом 1934 г.

В 30–40-х гг. XX в. был принят ряд союзных документов, усиливших уголовную ответственность за различные виды преступлений: 7 августа 1932 г. было издано Постановление ЦИК и СНК «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [6, с. 41]; 22 августа 1932 г. – Постановление ЦИК и СНК «О борьбе со спекуляцией»; 14 марта

1933 г. – Постановление ЦИК «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты»; 8 декабря 1933 г. – Постановление ЦИК и СНК «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции». Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. был установлен 12-летний возраст уголовной ответственности за кражу, телесные повреждения, убийство и др. Указанные лица могли быть привлечены к ответственности как за умышленные, так и за неосторожные преступления. Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. максимальный срок лишения свободы был повышен с 10 до 25 лет. Перечисленные акты существенно изменили положения Уголовного кодекса 1926 г.

Уголовное законодательство военного периода (1941–1945 гг.) шло по пути усиления уголовной ответственности, связанного с тяжелым положением страны в те годы. Эта тенденция отразилась в Указах Президиума Верховного Совета СССР: от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»; от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»; от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну».

В послевоенный период 26 мая 1947 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни». В начале 1950 г. были изданы указы, допускавшие применение смертной казни к шпионам, изменникам Родины и подрывникам-диверсантам. В 1954 г. применение смертной казни было распространено на лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В конце своего действия, т. е. к 1961 г., Уголовный кодекс 1926 г. содержал 42 статьи, которые в качестве наказания предусматривали смертную казнь [7, с. 123].

С 1958 г. наступил новый этап в развитии советского уголовного законодательства. В указанном году 25 декабря были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, после чего началась реформа республиканских уголовных кодексов, продолжавшаяся в течение 1959–1961 гг. Кроме Основ общесоюзного уголовного законодательства существовали Закон об уголовной ответственности за государственные преступления (1958 г.) и Закон об уголовной ответственности за воинские преступления (1958 г.).

Новый Уголовный кодекс РСФСР был принят 27 октября 1960 г. Положения Общей части данного Уголовного кодекса повторяли Основы уголовного законодательства. Кодекс закрепил основание уголовной ответственности: уголовной ответственности и наказанию подлежало «только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по не-

осторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Кроме того, законодатель указывал: «Уголовное наказание применяется только по приговору суда» (ст. 3 Уголовного кодекса).

Период современного Российского государства. Работа над созданием нового уголовного законодательства фактически была начата в первой половине 1980-х гг., когда силами научного сообщества в Институте государства и права АН СССР была подготовлена теоретическая модель Общей части Уголовного кодекса [8, с. 161]. Впоследствии данная модель оказала сильное влияние на разработку проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, который в 1988 г. был опубликован в «Известиях» для всенародного обсуждения. В течение последующих двух лет проект Основ дорабатывался в Верховном Совете СССР и был принят 2 июля 1991 г. [9, с. 121]. Планировалось, что после их принятия будут разработаны федеральный Уголовный кодекс СССР и уголовные кодексы союзных республик. Но в связи с распадом СССР Основы не вступили в силу. 24 мая 1996 г. Государственной Думой Российской Федерации был принят Уголовный кодекс Российской Федерации в согласительной редакции («за» – 381 депутат, «против» – 2, воздержались – 4), одобрен Советом Федерации и 13 июня 1996 г. подписан Президентом Российской Федерации [10].

Процесс появления и развития российского уголовного законодательства был сложным, постепенным и продолжительным. Уголовное законодательство имеет богатую историю, тесно связанную с историей становления российского государства в целом. Построение российского законодательства формировалось на протяжении многих веков, пройдя путь от обычая уголовного права, который был в устной форме, до Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. С течением времени право становилось все более систематизированным и адаптированным к реалиям времени и требованиям общества, что подчеркивает его динамичную природу. Развитие российского уголовного закона демонстрирует сложный процесс адаптации правовых норм к меняющимся историческим, социальным и политическим условиям. Каждая эпоха оставила свой след в правовой системе страны, отражая динамику общества и его потребности в правосудии. Исторические аспекты развития российского уголовного закона представляют собой важный контекст, в рамках которого формировались и изменялись нормы уголовного права.

Библиографический список

1. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 254.
2. Соборное уложение 1649 г. : текст. Комментарии / рук. авт. колл. А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 6.

3. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 730.
4. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. С. 118.
5. 90 лет Уголовному уложению (материалы конференции) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1983. № 5.
6. Курс уголовного права : учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть. С. 41.
7. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь : за и против / под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 123.
8. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 161.
9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб., 2005. С. 121.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012.

© Соловьев Д. Н., 2025

УДК 141

Сухоплюев П. А. – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат философских наук

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема личности в контексте социально-экономической и культурной жизни общества. Уточняются дефиниции понятий «общность», «общество», имеющиеся подходы к пониманию общества и его структуры. Особое внимание уделяется социально-экономическому аспекту вопроса формирования личности, а также пониманию антропологического характера производственных отношений. Автор делает вывод о важной роли культуры и духовности в формировании личности и ее нравственных идеалов.

Ключевые слова: человек, личность, общество, экономика, культура, духовность, ценности.

Abstract. The article examines the problem of personality in the context of socio-economic and cultural life of society. The definitions of the concepts of

"community", "society", and the available approaches to understanding society and its structure are being clarified. Special attention is paid to the socio-economic aspect of the issue of personality formation, as well as understanding the anthropological nature of industrial relations. The author concludes that culture and spirituality play an important role in the formation of personality and its moral ideals.

Keywords: man, personality, society, economy, culture, spirituality, values.

В современном мире в эпоху информационно-цифрового общества актуальной проблемой является определение роли и места человеческой личности, обладающей необходимыми знаниями, умениями, компетенциями. В числе главных проблем выступает понимание личности, ее взаимодействие с обществом, смысла жизни, выбора ценностей, от которых зависит не только ее жизнь и деятельность, но и всего общества. Рассмотрение этих и других вопросов имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое значение в различных областях социальной жизни людей, включая воспитание, образование, правопорядок.

В литературе, посвященной проблеме личности, смысл и значение данного понятия раскрывается различными способами. Подобная многозначность свидетельствует о разных подходах к пониманию личности, прежде всего, в области философского знания. Личность как социально-философское понятие отличают от понятий «индивид», «индивидуальность». Если под индивидом понимают отдельного представителя человеческого рода, то индивидуальность включает, на наш взгляд, как индивидуализирующие природно-биологические признаки отдельного человека, так и отличающие человека социальные, следовательно, личностные признаки.

Понятие «общество» также раскрывается в учебной и научной литературе по-разному. В отечественной философской традиции общество рассматривается как понятие, применяемое к определению обособившейся от природы части материального мира. С точки зрения логики, это скорее отрицательное определение общества, которое указывает на то, чем оно не является, т.е. общество – это не природный мир.

Общество является по сути «второй природой», т.е. духовно-материальным миром, созданным человеком. Общество рассматривается как объединение индивидов, социальных групп, общностей, являющихся результатом взаимодействия и совместной деятельности людей. В российской историко-культурной традиции общество рассматривается через такие понятия как «община», «общий» и представление о соборном характере русского народа. Отсюда и характерное для российского государства-цивилизации собственное понимание личности и общества, нашедшее свое отражение в отечественной философии и классической русской литературе. В то время как в европейской традиции Нового времени осмысление понятия «общество» (также, как личность и государство) происходит через призму таких идей как «механическое соединение индивидов» (Т. Гоббс), «социальная солидарность» (О. Конт), «классовая борьба» (К. Маркс).

Формирование личности человека, его мировоззрения, жизненных принципов и духовно-нравственных идеалов происходит в контексте вовлеченности в основные сферы общественной жизни, такие как материально-производственная, политическая и духовная, которые исследуются в рамках социальной философии. В качестве задачи изучения социальной философии курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России выступает создание у сотрудников органов внутренних дел общей картины социальной реальности, понимания сущности общества и смысла правоохранительной деятельности.

Сферу материально-производственной жизни общества К. Маркс считал основной, определяющей все остальные сферы. «В общественном производстве своей жизни, – пишет К. Маркс, – люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [2, с. 6–7].

Главное содержание материальной жизни общества составляет производство материальных благ, которое предполагает наличие таких элементов, как субъекта труда, средств труда и предмета труда, образующих производительные силы общества.

В качестве субъекта труда как правило выступает человек, но может быть также трудовой или научных коллектив, или даже человечество в целом. Труд рассматривается как осознанная деятельность, направленная на достижение определенной цели. Труд всегда предполагает целеполагание, и именно этим деятельность человека отличается от действий животных и насекомых. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [3, с. 189].

При этом отдельно встает вопрос о происхождении сознания. Ведь если считать, как полагают К. Маркс и Ф. Энгельс, что причиной возникновения сознания является трудовая деятельность человека (людей), то, как мы видим, здесь (с точки зрения логики) присутствует «круг в определении», поскольку труд (трудовая деятельность) уже предполагает наличие

у субъекта труда сознания. Как бы там ни было, субъекту труда противостоит объект труда, который в отечественной литературе обычно называют предметом труда.

Посредством труда человек не только изменяет окружающий его мир, но, что имеет более важное значение, изменяется сам, он формирует свою личность. В процессе труда человек «переплавляет» свою личность в другую, более совершенную, а небрежное отношение к труду не поднимает человека вверх, а ведет его вниз, как сказали бы буддисты, опускает на низшие уровни бытия, где доминирует страдание.

Наряду с понятием «производительные силы» в отечественной социальной философии рассматривается понятие «производственные отношения». Они являются важным средством формирования и изменения личности, поскольку действия, которые человек совершает в течение рабочего дня и отношения между людьми, которые при этом возникают, не проходят для человека бесследно. Они постепенно проникают в него, становятся его существенной характеристикой, превращаясь в меру отношений с людьми также в непроизводственной сфере. Так, нездоровые формы отношений между людьми в сфере материального производства являются матрицей для «выплавки» патологических форм отношений между ними в других сферах. Как справедливо отмечает Р. Ю. Рахматуллин: «Корни большинства проблем, связанных с нарушением норм права и морали, думается, следует искать именно в патологии производственных отношений» [4, с. 185].

Тем не менее, бытие человека как личности не исчерпывается его связью с материально-производственной сферой общественной жизни, соответственно, деятельность человека не сводится только к тому, что он делает по необходимости, для удовлетворения своих природно-биологических потребностей. Как справедливо отмечают представители экзистенциальной философии, бытие человека является подлинным только там, где его деятельность носит свободный характер. Речь идет главным образом о сферах культуры, творчества, искусства. Подлинность человеческого бытия, по мнению К. Ясперса [5, с. 442], проявляется именно в том, «что» и «как» человек делает свободно, иначе говоря, избыточно по отношению к какой-либо природной, материальной или экономической необходимости.

В завершении можно сделать вывод о том, что личность человека имеет множество граней, среди которых важнейшими являются социально-экономическая, культурно-историческая, практическая и духовно-нравственная. Материальное благополучие и достаток сами по себе не имеют значения, это только средства для обеспечения жизни, но не ее цель. Духовная жизнь личности требует формирования нравственных идеалов и ценностей, поисков ответов на вопросы о цели и смысле человеческой жизни, ведь, как справедливо полагал Ф.М. Достоевский, «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить» [1, с. 215].

Библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Великий инквизитор // Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Элиста : Джангар, 1993.
2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.
4. Рахматуллин Р. Ю. Философия : курс лекций. Уфа, 1998.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. (Мыслители XX века).

© Сухоплюев П. А., 2025

УДК 340.1:342.7

Тепляшин И. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ФОРМЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В механизме защиты прав человека и гражданина особое место занимает система правил и форм правовой деятельности, реализуемая со стороны государственных учреждений и общественных структур. Правозащитная деятельность выступает значимым звеном в механизме защиты основополагающих прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. В статье рассматриваются формы правозащитной деятельности с непосредственным участием субъектов гражданского общества.

Ключевые слова: правозащита, права человека, гражданское общество, формы деятельности, правовая помощь, общественные объединения.

Abstract. The system of rules and forms of legal activity implemented by state institutions and public structures occupies a special place in the mechanism of protection of human and civil rights. Human rights activities are an important link in the mechanism for the protection of fundamental human rights enshrined in the Universal Declaration of Human Rights. The article examines the forms of human rights activities with the direct participation of civil society actors.

Keywords: human rights, human rights, civil society, forms of activity, legal aid, public associations.

Современная юриспруденция корректирует правовую деятельность негосударственных субъектов в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Правозащитная деятельность выступает одним из видов правовой работы в области прав человека и характеризуется принятием правовых решений со стороны государственных органов и учреждений, негосударственных структур и субъектов гражданского общества.

Правозащитная деятельность в онтологическом измерении представляет собой систему правовых средств и инструментов, выраженных в правовой деятельности субъектов права, необходимых для формирования условий беспрепятственного претворения прав и свобод человека и гражданина в правовой жизни общества, обеспечивающих надлежащее, в соответствии с требованиями закона, функционирование государственного механизма, выполнение органами управления своих легальных задач и полномочий.

В свою очередь, правозащитная деятельность выступает косвенным отражением системы средств и методов установления, гарантирования, защиты основополагающих прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Декларация констатирует всем людям право, без всякого различия, на равную защиту закона (ст. 7); возможность создания профессиональных союзов и право входить в них для защиты своих интересов (ч. 4 ст. 23). В этой связи специалисты отмечают прямую коррелирующую связь между концепцией Декларации как наивысшего стандарта в институте прав человека и совершенствованием контрольного механизма в сфере реализации и защиты социально-экономических и культурных прав человека и гражданина [2, с. 72–73].

В юридической науке сложились различные подходы к институту правозащитной деятельности, что подчеркивает актуальность и одновременно неопределенность природы рассматриваемого явления. Основываясь на репрезентативности действующей юридической научной мысли, современные исследователи правозащитную деятельность рассматривают в различных аспектах. Так, в широком смысле правозащитная деятельность – это правовая деятельность государственных, прежде всего правоохранительных, органов, а также негосударственных структур, направленная на укрепление законности и правопорядка в обществе, защиту граждан от произвола самого государства и государственной власти [1, с. 111–112]; в узком понимании правозащитная деятельность – это демократическая правовая деятельность институтов гражданского общества, негосударственных структур преимущественно в лице правозащитных организаций и движений при определенном участии всей системы органов публичной власти, которые обеспечивают и гарантируют в своей совокупности права и свободы человека и гражданина [5, с. 83–84]. При этом к субъектам гражданского общества, которые активно участвуют в правозащитной деятельности, относят общественные

советы, созданные и действующие при правоохранительных органах, общественные объединения правоохранительной направленности [4, с. 246–248]. Такими субъектами может быть адвокатура, нотариат, независимые эксперты, частные правозащитники, прочие социальные группы и специалисты в области политико-правовых отношений. Тем не менее отмечается, что государство также участвует в правозащитной деятельности, оно формирует стратегию и правовую политику в данной области [8, с. 98–113], обеспечивает комплексную работу всех публичных структур, организует их взаимодействие с обществом, что усиливает эффективность правовой деятельности по защите прав человека и гражданина [3, с. 12–13].

В специальной литературе предлагаются варианты соотношения данной категории со смежными категориями: правоохранительной деятельностью, охраной и защитой законных интересов и прав гражданина, гарантированием прав человека. Так, отмечается, что правозащитная и правоохранительная деятельность могут выступить тождественными понятиями, но только если их содержание наполнено такими формами обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина, как охрана и защита. При этом охрана понимается как деятельность соответствующих субъектов, характеризующаяся постоянным, но пассивным характером правовой деятельности, направленная на всестороннее обеспечение прав человека, тогда как защита может быть, как пассивной, так и активной формой правовой деятельности, она реализуется с использованием общих и специальных правовых средств [9, с. 41–42]. Из этого следует, что правоохранительная и правозащитная деятельность являются однопорядковыми категориями, их различия касаются целей, задач и предмета воздействия, субъектного состава, объема используемых правовых средств.

В пределах материала следует исходить из того, что правозащитная деятельность – это система организационно-правовых, управленческих, информационно-коммуникативных средств и форм, реализуемых на условиях комплексного сотрудничества между органами государства и учреждениями гражданского общества, которые в процессуальной контрольной деятельности выявляют, устраняют, осуществляют профилактику противоправных деяний, совершаемых в отношении человека и гражданина, а также способствуют реализации права граждан на доступ к правосудию, защите и восстановлению прав и свобод личности. Правозащитная деятельность направлена на охрану и защиту прав и законных интересов человека, способна имплементировано вносить свой вклад в правоохранительную систему, содействовать механизму обеспечения безопасности личности, оказывать правовую помощь лицам, в ней нуждающимся.

Основными формами правозащитной деятельности, которая осуществляется общественными структурами, являются:

– деятельность общественных палат и советов, созданных при органах государственной власти, в системе которых особое положение занимает Об-

палата Российской Федерации, способная не только обеспечивать гражданский контроль в отношении правительственных структур, но и проводить общественные экспертизы в отношении соответствующих законопроектов, выдвигать и поддерживать гражданские инициативы, имеющие общероссийское значение, привлекать граждан и общественные объединения к обсуждению вопросов, касающихся соблюдения свободы слова и распространения информации законным путем, формировать предложения общественного назначения [6, с. 147–148];

- формирование и деятельность общественных объединений правоохранительной направленности, обеспечивающих защиту нарушенных прав человека, содействующих профилактическим мероприятиям в противодействии дисциплинарных поступков, коррупции и иных нарушений государственного управления;

- общественный контроль, осуществляемый субъектами, наделенными данным правом (общественными советами, общественными палатами, группами общественного контроля, общественными экспертами и иными субъектами), обеспечивающими мониторинг и выявление нарушений со стороны должностных лиц, государственных органов и учреждений, что напрямую или косвенно позволяет создавать условия для беспрепятственной реализации гражданами своих прав и законных интересов;

- антикоррупционная независимая экспертиза, осуществляемая на первичных стадиях правотворческой деятельности, в рамках правоприменения или в иных необходимых случаях, что способно обеспечивать дополнительное технико-юридическое сопровождение правотворческого и правоприменительного механизма реализации прав человека;

- самозащита, осуществляемая главным образом в отношении частных прав граждан путем реализации собственной инициативы на правомерные действия для защиты нарушенных прав и свобод и принадлежащих гражданину законных интересов [7, с. 113–114];

- участие в деятельности органов правосудия, где граждане вправе приобретать статус присяжных и арбитражных заседателей, участвовать в работе органов судейского сообщества, осуществлять иную правозащиту прав человека в рамках организационного взаимодействия с судебной системой;

- правовая помощь в отношении беженцев, соотечественников, добровольно переселившихся в Российскую Федерацию, иностранных граждан, прибывших на территорию России, иных лиц, стремящихся сформировать позитивные социальные связи с российским обществом;

- просветительская деятельность, реализуемая в рамках конференций, форумов, семинаров, направленных на обсуждение вопросов развития института прав человека и осуществляемая религиозными организациями, национально-культурными автономиями, индивидуальными предпринимателями, волонтерами, иными заинтересованными субъектами;

– публицистическая деятельность, реализуемая в словесно-музыкальном, кинематографическом, художественном, аналитическом порядке и направленная на укрепление духовно-нравственных ценностей и правовой культуры, формирование общественного мнения относительно значимости прав и свобод человека;

– научно-исследовательская деятельность, позволяющая формировать предложения и идеи относительно совершенствования правоохранительной деятельности органов власти, механизма профилактики и предупреждения преступности, восстановления нарушенных прав граждан с участием институтов гражданского общества, а также популяризировать возможности граждан в обеспечении законности и правопорядка, допустимости вовлечения общественности в профилактические мероприятия с участием правоохранительных и иных органов власти.

Данный перечень форм правозащитной деятельности не является исчерпывающим и выступает достаточной основой для формирования общей модели правовой деятельности общественного сектора в сфере обеспечения, гарантирования, восстановления прав и свобод человека и гражданина, создания устойчивой модели диалога государства и общества. Правозащитная деятельность как правовой институт способен выступить предметом не только юридической науки, но междисциплинарной системы знаний, что подтверждается практической значимостью и перспективностью исследования представленного направления теории личности и правопорядка.

Библиографический список

1. Дроздова А. М. Правозащитная деятельность на современном этапе : понятие и значение // Теория государства и права. 2021. № 4 (25). С. 110–121.

2. Дроздова А. М. Всеобщая декларация прав человека и ее влияние на правовую систему России // Теория государства и права. 2022. № 3 (28). С. 69–81.

3. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Правозащитная и правоохранительная деятельность государственных и негосударственных институтов : учебник. М. : КНОРУС, 2025. 220 с.

4. Зырянов С. М., Федорова И. В. Правозащитная деятельность общественных советов при органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 246–248.

5. Казьмин В. Н., Казьмина М. В. Правозащитная деятельность в Российской Федерации в 60-х гг. XX в. – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 77–85.

6. Огнева Е. А. Общественная палата как правозащитный институт в системе общественного контроля современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (13). С. 146–151.

7. Петров А. Я. Самозащита прав человека : фундаментальные подходы // Вестник ВГУ. Серия : Право. 2023. № 1 (52). С. 111–117.

8. Чечельницкий И. В. Формирование стратегии государственной правозащитной деятельности как актуальная задача // Государство и право. 2025. № 3. С. 98–113.

9. Януш Е. В. О соотношении понятий «юридическая деятельность», «правоохранительная деятельность» и «правозащитная деятельность» // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 38–46.

© Тепляшин И. В., 2025

УДК 343.1

Тингаева И. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского ЮИ МВД России;

Имаева Ю. Б. – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Использование цифровых технологий реализуется в различных процессах жизнедеятельности общества. Исключением не являются и отношения, связанные с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности, включая стадию досудебного производства. А самым значимым и важным является то, что без применения цифровых технологий становится невозможно должным образом расследовать совершение отдельных преступлений, осуществлять сбор и фиксацию доказательственной информации, производить различные процессуальные и следственные действия, эффективно использовать трудозатраты должностных лиц органов предварительного расследования.

Ключевые слова: цифровые технологии, законодательное регулирование, регламентация, органы предварительного расследования, оптимизация.

Abstract. The use of digital technologies is implemented in various processes of society's life. Relations related to the implementation of criminal procedural activities, including the stage of pre-trial proceedings, are no exception. And

the most significant and important thing is that without the use of digital technologies, it becomes impossible to properly investigate the commission of individual crimes, collect and record evidentiary information, perform various procedural and investigative actions, and effectively use the labor costs of officials of the preliminary investigation bodies.

Keywords: digital technologies, legislative regulation, regulation, preliminary investigation bodies, optimization.

Анализ рассмотрения законодательного регулирования, а также научных источников о проблематике использования цифровых технологий в деятельности органов предварительного расследования позволил определить необходимые направления совершенствования.

Следует заметить, что основные направления совершенствования названных общественных отношений следует осуществлять через обязательное процессуальное закрепление в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) необходимых категорий, к числу которых относится и сам термин «цифровые технологии». Сегодня в положениях УПК РФ регламентирована только возможность использования технических средств, и то не во всех сферах деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений.

Вместе с тем в уголовном судопроизводстве существует тенденция к расширению сферы применения цифровых технологий, что можно проследить по изменениям законодательства. Таким образом, сегодняшняя модель уголовно-процессуального регулирования рассматриваемых общественных отношений определена следующим образом. В действующей редакции имеется указание на возможность использования технических средств, в том числе в процессе проведения следственных действий с их помощью. Поэтому в совокупности с разрешением применения при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ) логически возникает понимание наличия правового дозволения использования технических средств, однако его нет в отношении применения цифровых технологий.

В связи с тем, что в уголовно-процессуальном законе имеются нормы общего характера, определяющие задачи применения технических средств, и в то же время нормы частного характера, которые в своей совокупности формируют перечень допустимых к применению в уголовном судопроизводстве технических средств, отсутствие общей нормы, регламентирующей правила и принципы применения технических средств, приводит к ограничению возможности использования современных технических средств, а также иных цифровых технологий.

Одним из специфических признаков цифровых технологий является присущее им качество совершенствования и расширения их возможностей, что связано с постоянным развитием науки и техники, благодаря

чему появляются новые, более совершенные цифровые технологии. Именно поэтому многие авторы считают, что правовое регулирование не способно успевать за развитием цифровых технологий, из-за чего тормозится введение новых средств доказывания в уголовное судопроизводство [1, с. 214–229]. Кроме того, названный процесс осложняется и тем, что внедрение современных цифровых технологий, как правило, осуществляется на базе тех, которые уже апробированы и используются. Таким образом, чтобы внедрять современные цифровые технологии, необходимо сначала провести работу по внедрению тех, которые уже разработаны и современными не являются, так как активно используются в иных отраслях общественных отношений.

Проведенный анализ дает основания заключить, что при фактически сложившихся обстоятельствах назрел вопрос о необходимости выделения в УПК РФ комплексной группы норм, которые регулировали бы способы и правила использования цифровых технологий в процессе осуществления предварительного расследования. При этом необходимо учитывать имеющийся в законе порядок определения технических средств через перечень процессов их использования (обнаружение, изъятие и фиксация следов, копирование материалов дела, фотографирование, кино съемка, аудио- и видеозапись и т. д.). Кроме того, указанные нормы должны допускать возможность формирования доказательств на основе сведений, полученных с помощью не только технических средств, но и цифровых технологий, при производстве следственных действий, зафиксированных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, проведенных с применением технических средств, а также из представленных третьими лицами предметов и документов, полученных с помощью технических средств.

Таким образом, приоритетное направление совершенствования рассматриваемых общественных отношений должно быть связано с необходимостью выработки эффективной модели уголовно-процессуального регламентирования применения использования цифровых технологий, включая технические средства, в деятельности органов предварительного расследования, целью чего является создание единого цифрового пространства уголовно-процессуальной деятельности.

В качестве следующего приоритетного направления совершенствования рассматриваемых отношений следует выделить необходимость решения проблем, связанных с повышением эффективности расследования с помощью цифровых технологий. Указанная проблема является комплексной и может быть решена только путем системной работы, связанной с должным материально-техническим снабжением подразделений органов предварительного расследования, обучением их должностных лиц пользованию такими технологиями, разработкой специального программного обеспечения и программных комплексов, в том числе на основе искусственного интеллекта [2, с. 62–66].

В заключение следует отметить, что применение цифровых технологий в процессе предварительного расследования следует считать острой необходимостью. Анализ законодательных актов и научной литературы показывает, что названные отношения необходимо развивать, что позволит обеспечить эффективность деятельности органов предварительного расследования, произвести их оптимизацию. Реализацию совершенствования названных отношений важно осуществлять с должного регламентирования названных отношений в УПК РФ. Кроме того, нельзя забывать и о проблемах, которые уже возникают, в том числе из-за невозможности использования современных цифровых технологий, а также из-за неумения ими пользоваться отдельными должностными лицами, которые осуществляют предварительное расследование.

Библиографический список

1. Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе : проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229.

2. Чурикова А. Ю. Цифровая трансформация уголовно-процессуальной деятельности // Законность. 2024. № 2 (1072). С. 62–66.

3. Геворкян С. Т. Совершенствование процессуальной деятельности следователя в условиях цифровизации уголовного процесса // Цифровая среда как инструмент модернизации и инновационного развития : сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 103–106.

4. Абушаев Т. Н., Авясов М. А. Проблемы внедрения цифровых технологий в процесс предварительного расследования в Российской Федерации // Экономика и общество: перспективы развития : сборник докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 2024. С. 109–113.

5. Сибилев Я. И. Проблемы и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов : теория и практика : материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. С. 89–93.

© Тингаева И. В., 2025

© Имаева Ю. Б., 2025

Толкачев К. Б. – Председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье изучаются проблемы повышения эффективности законотворчества на федеральном и региональном уровнях. Основное внимание уделяется координации законопроектной деятельности и учету мнений субъектов Российской Федерации при принятии федеральных законов. Предлагается разработать федеральный конституционный закон о статусе субъектов Российской Федерации и уточнить нормы надзора прокуратуры за региональными законами. Также рассматривается проблема учета мнения регионов при принятии федеральных актов, затрагивающих их интересы. Для решения этих вопросов рекомендуется усилить координацию законотворческой деятельности и внедрить более эффективные механизмы участия регионов в разработке федеральных законов.

Ключевые слова: законотворческая деятельность, межпарламентское сотрудничество, регионы, федеральный центр, субъекты Российской Федерации, публичная власть, региональные законы, правовой статус.

Abstract. The article examines the problems of improving the efficiency of lawmaking at the federal and regional levels. The main focus is on coordinating legislative activities and taking into account the opinions of the constituent entities of the Russian Federation when adopting federal laws. It is proposed to develop a federal constitutional law on the status of the constituent entities of the Russian Federation and to clarify the norms of the prosecutor's supervision over regional laws. The article also addresses the issue of taking into account the opinions of regions when adopting federal acts that affect their interests. To address these issues, it is recommended to strengthen the coordination of legislative activities and implement more effective mechanisms for involving regions in the development of federal laws.

Keywords: legislative activity, inter-parliamentary cooperation, regions, federal center, constituent entities of the Russian Federation, public authority, regional laws, legal status.

Для эффективного развития системы права на современном этапе важна мобилизация в процесс законотворчества институтов всех уровней. Эффективными площадками развития межпарламентского сотрудничества

и вовлечения субъектов в совершенствование федерального законодательства являются Совет законодателей Российской Федерации, окружные советы. В значительной степени повышению эффективности взаимодействия всех властных институтов и вовлечения регионов, муниципалитетов в федеральную повестку способствовал Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [1].

С течением лет формируются новые общественные отношения, которые ждут своего решения, а именно правовой регламентации. В сфере законодательства ярким тому подтверждением является тот факт, что около 30 процентов всех принимаемых в субъектах Российской Федерации законов обусловлены необходимостью приведения региональной правовой базы в соответствие с федеральными новеллами, и это не лучшим образом сказывается на стабильности региональных законов.

Оптимальным представляется состояние, когда не только четко прописана юрисдикция федерального центра, но и определен правовой статус субъектов и муниципий. Речь в данном случае о предметах исключительного ведения субъектов. Есть уже подобный положительный опыт в отношении органов местного самоуправления – принятый 20 марта 2025 года Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2].

Разрешение сложившейся ситуации во многом видится путем разработки и принятия федерального конституционного закона о правовом статусе субъектов Российской Федерации. Кроме того, в настоящее время практически отсутствуют схемы защиты региональных законов со стороны правоохранительных органов, их реализация фактически не обеспечивается практикой прокурорского надзора. В связи с этим целесообразно было бы прописать в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3] нормы, обязывающие прокуратуру осуществлять надзор за осуществлением региональных законов.

Следующий момент, на который необходимо обратить внимание, связан с защитой ключевых конституционных ценностей, обеспечивающих неприкосновенность личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров. Сегодня, когда интернет и информационные технологии проникли во все сферы жизни, мы все являемся свидетелями того, как эти конституционные положения из фундаментальных превращаются в декларативные, практически нереализуемые на практике.

Также особого внимания заслуживает вопрос учета мнения субъектов Российской Федерации при принятии на федеральном уровне нормативных правовых актов, затрагивающих интересы и полномочия регионов, в частности федеральных законов, наделяющих субъекты Российской Федерации полномочиями по законодательному регулированию тех либо иных правоотношений.

Несмотря на наличие в регламентах Государственной Думы [4] и Правительства Российской Федерации [5] системы гарантий, обеспечивающих согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов при разработке и принятии федеральных нормативных правовых актов, механизмы обеспечения учета позиций субъектов при их принятии остаются недостаточно эффективными. В то время как консолидированная позиция большинства субъектов Российской Федерации позволила бы избежать принятия нормативных правовых актов, реализация которых на практике вызывает у регионов определенные трудности. Как пример можно привести федеральный закон, который меняет порядок перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории.

В статье 26 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» предусмотрены полномочия Правительства в области законодательной деятельности, одним из которых является направление в обязательном порядке в органы государственной власти субъектов Российской Федерации разрабатываемых Правительством Российской Федерации проектов федеральных законов по предметам совместного ведения России и ее субъектов [6]. Располагая точными данными, констатируем, что в Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан соответствующие законопроекты не поступали, то есть норма федерального конституционного закона не реализуется. Можно выдвинуть предположение, что с аналогичными проблемами сталкиваются и законодательные органы иных субъектов Российской Федерации.

Анализ ситуации приводит к выводу о необходимости усиления координации законопроектной деятельности федеральных государственных органов с органами государственной власти субъектов. Одним из возможных решений данной проблемы могло бы стать внедрение более эффективных механизмов участия регионов в процессе разработки проектов федеральных законов, способствующих учету интересов и потребностей субъектов, что, в свою очередь, повысит качество принимаемых решений и их соответствие условиям и требованиям на местах.

Приведем еще один пример, на наш взгляд, разбалансированности полномочий органов публичной власти. Согласно абзацу второму части 6 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов, составляются должностными лицами органов внутренних дел в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между МВД России и органами исполнительной власти субъектов о передаче осуществления части полномочий [7].

Практика показывает, что процедура заключения данных соглашений длится годами, их положения не носят стабильный характер, и региональ-

ный законодатель вынужден подстраивать материальные нормы и статьи законов об административной ответственности под данные соглашения, хотя логика правового регулирования должна исходить из того, что исполнительные органы призваны реализовывать волю законодателей как представителей народа, а не наоборот.

Говоря о взаимодействии региональных парламентов с палатами Федерального Собрания нельзя умолчать и о проблемах рассмотрения законодательных инициатив. При их разработке парламент Республики Башкортостан (эта проблема затрагивает и иные региональные законодательные органы) сталкивается с нехваткой статистических данных и иных аналитических материалов по Российской Федерации, необходимых для качественной подготовки прилагаемых к проектам пояснительных записок. Нередко именно это становится единственной или основной причиной дачи отрицательных заключений рассматривающими органами либо отклонения законопроекта. Данное обстоятельство затрудняет и даже сдерживает процесс подготовки законопроекта, при этом поднимаемые в обществе проблемы, требующие законодательного регулирования, остаются по-прежнему не озвученными на федеральном уровне и не разрешенными.

В связи с этим в целях обеспечения своевременного и качественного законодательного регулирования имеется настоятельная потребность проработать механизм получения законодательными органами субъектов Российской Федерации информации, необходимой для обоснования разработки проектов федеральных законов.

Одним из основных свойств любого закона является его стабильность. Конституционный Суд Российской Федерации в 2003 году на основании запросов Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан исключил из ведения судов общей юрисдикции вопросы, связанные с конституциями республик, уставами краев, областей [8]. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Дмитриевич Зорькин тогда лично поддержал соответствующую позицию, и с тех пор основные законы регионов находятся исключительно в ведении Конституционного Суда. Это конструктивно повлияло на стабильность всего регионального законодательства, сформировало его конституционно-правовую устойчивость. И это яркий пример того, что федеральный центр слышит голоса регионов. Хочется надеяться, что данная тенденция сохранится и при решении уже тех вопросов, которые возникают в правовом поле сегодня. В частности, это отмеченная выше необходимость определения более четкого правового статуса полномочий субъектов и совершенствование механизмов их вовлечения в решение правовых вопросов федеральной повестки.

В заключение отметим, что необходимо искать пути повышения эффективности как существующего порядка, так и новые формы, методы взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 28.10.2025).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения : 28.10.2025).
3. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 28.10.2025).
4. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 28.10.2025).
5. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/49012/>(дата обращения : 28.10.2025).
6. О Правительстве Российской Федерации : федерального конституционного закона от 06 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения : 28.10.2025).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (дата обращения: 28.10.2025).
8. По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. № 13-П // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30269.pdf> (дата обращения : 29.10.2025).

Топилина А. В. – доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета, кандидат философских наук, доцент

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА И СВОБОДЫ ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию дискриминации в цифровой среде – начиная с неравномерности доступа жителей планеты к цифровым ресурсам, ущемляющей их право на культурное, экономическое и политическое развитие, заканчивая феноменом алгоритмической предвзятости, закрепляющим уже существующие дискриминирующие стереотипы в процессе анализа больших баз данных и воспроизводящим эти стереотипы в новых выборах искусственного интеллекта.

Ключевые слова: справедливость, равенство, искусственный интеллект, цифровое неравенство, алгоритмическая предвзятость, дискриминация.

Abstract. The article is devoted to the study of discrimination in the digital environment, starting with the uneven access of the inhabitants of the planet to digital resources, infringing on their right to cultural, economic and political development, ending with the phenomenon of algorithmic bias, which perpetuates existing discriminatory stereotypes in the process of analyzing large amounts of data and reproducing these stereotypes in new artificial intelligence elections.

Keywords: justice, equality, artificial intelligence, digital inequality, algorithmic bias, discrimination.

Фантасты XX века видели будущее по-разному. Писатели капиталистических стран создавали антиутопии, в которых социальное неравенство доведено до абсурда, либо в абсурд были возведены идеи социалистического равенства. Советские писатели-фантасты изображали мир сбывшегося социализма, в котором равенство и недискриминация позволяют людям свободно реализовывать себя независимо от пола, возраста или расы.

Международные организации, особенно Организация Объединенных Наций (далее – ООН), следовала идеям скорее социалистически утопичным, утверждая в своих основных документах необходимость установления полного социального равенства и защиты от дискриминации. Так, первая статья Всеобщей декларации прав человека гласит: «Все люди рождаются свобод-

ными и равными в своем достоинстве и правах» [2], а вторая: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [2].

Принцип равенства всех людей в их правах и достоинстве утверждается и другими международными документами: Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международными пактами о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах, принятыми в 1966 году под эгидой ООН, Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1979 года) и Факультативным Протоколом к ней, Декларацией тысячелетия ООН, которую в 2000 году подписало большинство стран мира, делающей упор на расширении возможностей женщин. Декларирование необходимости уравнивания в правах всех людей, восстановления в правах уязвимых категорий и обеспечения реализации прав определенных групп населения является целью работы большого количества международных организаций.

В то же время объективные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, ставят новые вызовы перед наукой о правах человека. В частности, речь идет об обеспечении принципа равенства в цифровой сфере. Проблемы заключаются не только в неравномерности доступа жителей Земли к цифровым ресурсам, но и в установках на неравенство, заложенных внутри самих программных продуктов.

По данным ООН на 2024 год, 2,6 млрд человек, то есть 32 % населения мира, не имело доступа к сети Интернет [3]. Это означает ограничение возможности культурного, экономического, политического и социального развития, снижение уровня здравоохранения, образования и социальной интеграции. При этом 96 % людей, не имеющих доступа к интернету, проживает в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, что затрудняет процесс развития этих стран и, следовательно, ставит население этих регионов в заведомо уязвимое положение по сравнению с теми, кто обеспечен доступом к информационным ресурсам в сфере образования, здравоохранения, экономики и т. п. Эта ситуация описывается термином «цифровое неравенство».

Цифровое неравенство определяется в научной литературе как «неравномерный и неравный доступ стран, социальных групп и отдельных пользователей к сетевой телекоммуникационной инфраструктуре, цифровым устройствам, услугам и контенту, что является следствием комплекса разных причин технологической, экономической, социально-политической, индивидуальной природы, ограничивающих возможности людей во всех сферах их жизни» [1, с. 4]. Еще три десятилетия назад весь мир существовал

в офлайн-режиме, однако стремительная цифровизация произошла неравномерно, предоставив части населения планеты быстрый и удобный доступ к разнообразным услугам и знаниям и лишив другую часть этих возможностей. На борьбу с цифровым неравенством брошены силы как международного сообщества, так и национальных правительств, пытающихся выровнять цифровые возможности населения, однако, неравенство в цифровой сфере существует и для тех, для кого доступ к сети Интернет является повседневной рутинной.

Современное общество (прежде всего речь идет о развитых странах) цифровизовано во всех областях: люди покупают и продают, обращаются за медицинской помощью, устраиваются на работу, учатся, бронируют путешествия и просто общаются на многочисленных интернет-платформах. Стремительно развившиеся в последние десятилетия технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) на основе анализа предыдущих предпочтений помогают подобрать товары и услуги, музыку, книги, новости, дают ответы на практически любые вопросы пользователей (ограниченные лишь политикой платформы), способствуют решению рутинных задач при анализе резюме работодателями, подборе страховых программ и протоколов лечения и т. д.

Однако современные специалисты указывают на то, что даже в тех сферах жизни, где люди имеют равный доступ к интернету, технологии ИИ рождают неравенство, обусловленное предыдущим опытом, легшим в основу машинного обучения, – алгоритмическую предвзятость.

Алгоритмическая предвзятость – это систематические и повторяющиеся ошибки в системе ИИ, которые приводят к несправедливым или дискриминационным результатам. Суть данного явления заключается в следующем: система обучения ИИ основана на анализе больших баз данных, которые уже содержат в себе определенный контекст. Например, рекрутинговое агентство при подборе работников использует ИИ, в который загружены миллионы резюме, при этом известно, кандидатам с какими характеристиками отдавалось предпочтение в прошлом. На основе анализа предпочтительных характеристик кандидата ИИ составляет представление о том, каким должен быть нанимаемый сотрудник, на какие качества следует обратить внимание. При этом огромный массив загруженных данных содержит в себе статистические сведения о том, что для определенных профессий при отборе кандидатов работодатели предпочитали выбирать мужчин, тогда ИИ будет содержать в себе схожую статистическую установку и также чаще отбирать резюме мужчин, а не женщин, что будет дискриминировать последних.

Другой пример – алгоритмическая предвзятость в системе COMPAS, которая применяется в США для составления прогноза о возможном преступном рецидиве. Эта система в два раза чаще маркировала чернокожих обвиняемых как относящихся к группе риска, что основывалось на введен-

ных в базу данных сведениях о количестве арестов и рецидивов среди различных групп населения, которые, как сегодня утверждается, носили дискриминирующий характер в отношении чернокожих [5].

Алгоритмическая предвзятость часто не является последствием злого умысла разработчиков программного обеспечения, а представляет собой результат нескольких косвенных причин: исторических, связанных с устоявшимися стереотипами, отраженными в данных, которыми «кормят» базу данных; статистических, в которых вторичные признаки, такие как почтовый индекс (соответствующий малообеспеченному району города), указывают на население с определенными характеристиками, например, с низкими доходами, и это влияет на результат принятия решения нейросетью банка о выдаче кредита человеку с этим индексом.

Кроме того, дискриминирующая несправедливость может быть следствием умысла или установок разработчиков программного обеспечения, прямо или косвенно предоставляющих программным сервисам возможность ущемлять в правах определенные группы населения. Так, в 2016 году в результате журналистского расследования было установлено, что платформа Facebook¹ дает возможность таргетировать (определять целевую аудиторию) рекламу, исключая определенные категории населения, например, людей, схожих с афроамериканцами, латиноамериканцами, людьми с азиатской внешностью, инвалидами и пр. В частности, это позволяло исключить из категории арендонанимателей указанные категории людей. Подобное исключаящее таргетирование являлось встроенным инструментом настроек платформы, что означало заранее предусмотренную возможность дискриминации, созданную разработчиками [5, с. 495].

Дискриминационные механизмы могут внедряться разработчиками не только в настройках платформ, но и неявно, в результате воздействия подсознательных установок на выбор того или иного контента для загрузок или совершенно помимо желания разработчиков, а в силу объективных причин, связанных с количеством существующего контента, предлагаемого для анализа нейросети глубокого обучения. Так, учитывая частоту загрузок в сеть Интернет фотографий европеоидных мужчин, нейросеть научилась лучше распознавать лица белых европеоидов мужского пола, и намного хуже – лица темнокожих людей, особенно женщин. Такой непреднамеренный эффект обусловлен содержанием уже существующих баз данных и искажениями, которые неизбежно приводят к формированию закономерных выводов ИИ, усугубляя дискриминацию в дальнейшем.

Таким образом, развитие цифровых технологий, которое могло бы потенциально приблизить население планеты к реализации идеи равенства в доступе к разнообразным возможностям, на данный момент усугубляет неравенство не только в части, касающейся доступа к технологиям, но и для

¹ Принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской организацией.

тех, кто свободно имеет этот доступ, однако встроенные в технологию алгоритмы закрепляют уже существующие предрассудки, подкрепляя укоренившиеся формы дискриминации.

Разработчикам программных продуктов известно о феномене алгоритмической предвзятости, выработано несколько инструментов борьбы с ней, которые активно внедряются в технологический процесс при разработке программных продуктов и обучении ИИ. Несомненно, большой проблемой является непрозрачность ИИ, так называемый «черный ящик» программного обеспечения, что до сих пор является непреодолимым и затрудняет объяснение, почему ИИ дает те или иные рекомендации или делает выводы. Поэтому в настоящее время применяются такие механизмы борьбы с дискриминацией, вызванной алгоритмической предвзятостью, как очистка и балансировка обучающих данных (дебиасинг), разработка алгоритмов, которые изначально учитывают параметры справедливости, разработка методов, которые сделают работу алгоритмов более прозрачной и объяснимой. Помимо этого, внедряются корпоративные, национальные и международные этические стандарты для ИИ, к разработке алгоритмов привлекаются команды экспертов, в том числе в отношении справедливого распределения и защиты от дискриминации.

Таким образом, принципы равенства и недискриминации, основополагающие для международного права, остаются проблемными в своей реализации даже в сфере высоких технологий в силу сложившихся установок, тем или иным образом проникающих в сферу разработки программного обеспечения. В своей речи «У меня есть мечта» Мартин Лютер Кинг говорил о равенстве и недискриминации, когда для людей станет неважным цвет кожи. Существующая дискриминация в сфере ИИ является следствием сложившейся системы приоритетов и привилегий. Работа над принятием принципа равенства как основы социального взаимодействия продолжает оставаться ключевой задачей науки о правах человека.

Библиографический список

1. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность : динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29.

2. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.07.2025).

3. Глобальное число пользователей интернета растет, но неравенство сохраняется // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458816> (дата обращения: 12.07.2025).

4. Платонова С. И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 139–149.

5. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 488–515. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-488-515.

© Топилина А. В., 2025

УДК 34

Хусаинов Р. Р. – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы оказания квалифицированной юридической помощи объектам оперативно-розыскной деятельности, порядок приглашения и участия адвоката (защитника) в проведение оперативно-розыскных мероприятий. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы и способы их решения, возникающие при участии адвоката в проводимых оперативно-розыскных мероприятиях.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокат, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативные подразделения.

Abstract. This article discusses the issues of providing qualified legal assistance to objects of operational investigative activities, the procedure for inviting and participating a lawyer (defender) in conducting operational investigative activities. Some problematic issues and ways to solve them, which arise with the participation of a lawyer in the ongoing operational search activities, are considered.

Keywords: qualified legal assistance, lawyer, operational investigative activities, operational investigative measures, operational units.

В современных условиях без реализации одной из важных форм борьбы с преступностью – оперативно-розыскной деятельности (далее –

ОРД) с использованием ее главных преимуществ – конспирации и негласности – практически невозможна успешная борьба с общественно опасными противоправными деяниями. Особенно актуально использование данных, полученных оперативным путем при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных организованными преступными группами террористической и экстремистской направленности, коррупционного характера и новых видов противоправных деяний, совершаемых с применением современных технологий [1]. Существующий оперативно-розыскной инструментарий позволяет субъектам ОРД проникнуть в глубь преступной среды и способствует не только получению ценной оперативной информации, но и дает возможность негласно документировать противоправные деяния криминальных элементов, вести за ними неявный контроль.

В процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) гласными и негласными способами добываются фактические данные, необходимые для сбора доказательственной базы. Борьба с преступностью требует непрерывного осуществления ОРД, которая связана с возникновением многочисленных оперативно-розыскных правоотношений, в том числе связанных с ограничением конституционных прав граждан. Последнее обстоятельство довольно часто требует необходимости решения проблем, связанных с обеспечением их участников (субъектов) квалифицированной юридической помощью, а именно предоставление им права воспользоваться услугами адвокатов (защитников). Указанное право закреплено в Конституции Российской Федерации, что придает ему особую значимость, требующую обязательного обеспечения возможности его реализации. К сожалению, в оперативно-розыском законодательстве порядок реализации оказания квалифицированной юридической помощи не закреплен. В связи с этим в оперативно-розыскной практике довольно часто возникают вопросы о необходимости разъяснения и реализации права, указанного в ст. 48 Конституции Российской Федерации. Для разрешения возникшей ситуации необходимо обратиться к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1419-О, где отмечено, что лицу, в отношении которого проводятся ОРМ в связи с подозрением его причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката (защитника), если таковая, как это следует из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 14 июля 1998 г. N 86-О, не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 г. N 327-О).

Слово «возможность» обозначает средство, условие, необходимое для осуществления чего-нибудь, в нашем случае условие, необходимое для получения квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника).

Наверное, вполне логично будет утверждение, что для выполнения этих условий объекты ОРМ (лица, в отношении которых проводятся эти мероприятия) в первую очередь должны знать о такой возможности и о наличии таких прав могут предупредить лиц, проводящих данные мероприятия. Таким образом, при осуществлении своей деятельности субъекты ОРД должны не только дать возможность воспользоваться услугами адвоката (защитника), но и обязаны разъяснять наличие таких прав у лиц, в отношении которых проводятся гласные ОРМ. Однако необходимо также разъяснить заинтересованной стороне, что юридическая помощь может быть оказана лишь при наличии у них какой-либо договоренности с определенным адвокатом (защитником) и предоставить возможность вызвать последнего к месту проведения мероприятия. Также необходимо предупредить об отсутствии у оперативных сотрудников обязанности предоставлять бесплатных адвокатов объектам оперативно-розыскного воздействия, они должны лишь предоставить возможность реализовать право на получение квалифицированной юридической помощи, т. е. обеспечить возможность уведомить адвоката о факте и месте проведения ОРМ. При этом необходимо отметить, что защитники (адвокаты) могут принять участие только при проведении гласных ОРМ, при негласных мероприятиях это невозможно, т. к. все это привело бы к расшифровке методов, сил и средств ОРД (разглашение государственной тайны).

Как ранее указывалось, в нормативных правовых актах не предусмотрен порядок участия адвоката (защитника) в проведении ОРМ, но их участие при соответствующем оформлении этого факта в служебных документах может быть оценена как дополнительная гарантия соблюдения законности.

В вопросе участия защитника важное значение имеют сроки его оповещения доверителем о времени и месте проведения ОРМ. По мнению автора, практически в большинстве случаев последний должен быть оповещен только после начала ОРМ, иначе проводимые мероприятия не имеют смысла, но в некоторых случаях возможен вариант их раннего оповещения. Например, проведение опроса подозреваемого (обвиняемого) лица с разрешения дознавателя или следователя, особенно, если опрашиваемое лицо содержится в следственном изоляторе или изоляторе временного содержания, то вполне возможно обеспечить прибытие и участие адвоката (защитника). При такой ситуации в полном объеме будут соблюдены права объекта ОРМ на получение квалифицированной юридической помощи, а также обеспечивается соблюдение законности субъектами ОРД.

Приглашение адвоката к месту проведения ОРМ является первым этапом реализации прав в получении квалифицированной юридической помощи. Следующий этап (основной) состоит в участии адвоката (защитника) в проведении каких-либо мероприятий. К сожалению, опять возникает неопределенность формы участия адвоката в проводимых ОРМ, т. к. его права и обязанности не регламентированы в законодательных актах в отличие

от конституционного, гражданского и административного судопроизводства или при его участии в качестве представителя или защитника (доверителя) в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях. Учитывая изложенное, следует рассматривать процедуру предоставления квалифицированной юридической помощи в ходе проведения оперативно-розыскных действий с учетом полномочий, предоставленных адвокатам законом.

В соответствии с законодательством адвокаты имеют право собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки и иные документы от субъектов ОРД. При этом хотелось бы напомнить ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 5 июля 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которым лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении него нет уголовного дела или оно прекращено, и оно располагает фактами проведения в отношении него ОРМ и полагает, что при этом были нарушены его права, имеет право истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны [2]. Таким образом, адвокат с помощью своего доверителя может получить сведения уже о проведенных в отношении последнего ОРМ и оценить наличие законных оснований, возможных нарушений законодательства в процессе их проведения. Далее адвокат может опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь. В связи с изложенным адвокат может опросить и тех лиц, которые были опрошены субъектами ОРД и уточнить интересующие его детали (время, место, условия проведения, оказания на них психологического давления, искажение некоторых фактов и т. д.), возможные нарушения, допущенные последними, а также получить дополнительные сведения.

Следующее право адвокатов связано со сбором и представлением вещественных и иных доказательств. Это обозначает, что адвокаты, как и оперативные сотрудники при проведении ОРМ тоже имеют право собирать доказательства еще до возбуждения уголовного дела. Наличие такого права у адвокатов позволяет реализации принципа состязательности, уравнивает положение обеих сторон, защиты и обвинения.

Адвокаты также могут беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности. Исходя из смысла данного права можно утверждать, что адвокаты могут в период проведения ОРМ беспрепятственно консультировать своих доверителей, в том числе наедине, без присутствия оперативных сотрудников. И наконец, есть право фиксировать

(в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну. Например, могут зафиксировать оперативно-служебные документы, в которых могут быть отражены основания проведения ОРМ; данные лиц, утвердивших соответствующие документы, с целью проверки у последних полномочий на это; данные участников мероприятия с возможностью дальнейшего их опроса или правомерности их участия или же наличия фактов фальсификации и т. д.

Таким образом, все вышеизложенное существенно способствует соблюдению законности при осуществлении ОРД, защите прав и свобод лиц, в отношении которых проводятся ОРМ. Возможность приглашения и участия адвоката в проведении ОРМ обеспечивает реализации права получения квалифицированной юридической помощи и существенно снижается риск нарушения законодательства субъектами, осуществляющими ОРД. Поэтому будет обоснованно утверждать, что участие адвоката в процессе осуществления ОРД является одним из основных направлений обеспечения законности в рассматриваемой области правоохранительной деятельности.

Библиографический список

1. Хусаинов Р. Р. Соблюдение законности при использовании результатов ОРД в процессе расследования уголовных дел // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию Всеобщей декларации прав человека) : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа 5 декабря 2024 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2024. С. 277–280.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Хусаинов Р. Р., 2025

Хуснутдинова Р. Р. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России;

Амиров Р. З. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДИГМЕ «СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ»: СОВЕТСКАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье анализируется противоречивая природа советской правоприменительной практики 1920-х годов через призму концепции «созидательного принуждения». На материалах Башкирской АССР исследуется, как в деятельности правоохранительных и пенитенциарных органов сочетались элементы социального созидания с методами административного принуждения. Особое внимание уделяется реализации политики «коренизации» в милиции и воспитательной функции пенитенциарной системы в контексте обеспечения прав человека.

Ключевые слова: права человека, созидательное принуждение, советская милиция, пенитенциарная система, коренизация, НКВД, Башкирская АССР, 1920-е годы.

Abstract. The article analyzes the contradictory nature of the Soviet law enforcement practice of the 1920s through the prism of the concept of «creative coercion». Based on the materials of the Bashkir ASSR, it is investigated how the elements of social creation were combined with the methods of administrative coercion in the activities of law enforcement and penitentiary bodies. Special attention is paid to the implementation of the policy of «korenization» in the police and the educational function of the penitentiary system in the context of ensuring human rights.

Keywords: human rights, creative coercion, Soviet police, penitentiary system, korenization, NKVD, Bashkir ASSR, 1920s.

Ранняя советская государственность 1920-х гг. представляла собой сложный сплав, где идеи освобождения общества уживались с практиками усиленного государственного принуждения. Это было время грандиозного социального эксперимента, когда утопические проекты переустройства общества сталкивались с суровой реальностью послереволюционной разрухи,

многоукладной экономики и разнородного социального состава населения. В свою очередь, выбранная нами концепция «созидательного принуждения» позволяет анализировать этот феномен, раскрывая диалектику взаимоотношений между государством и личностью. Суть этой диалектики проявлялась, в частности, в формировании принципиально нового правового поля и иного отношения к человеку и его правам. Государство позиционировало себя как «воспитатель» и «перевоспитатель» общества, что создавало идеологическое обоснование для широкого вмешательства в частную жизнь граждан. Постепенно создавалась новая, советская реальность со своим собственным понятийным аппаратом, который исключал «буржуазные» понятия тюрьмы, преступления и наказания. Основу исследуемой парадигмы составляла идея перевоспитания человека через принудительный труд и идеологическое воздействие. Эта концепция уходила корнями в марксистско-ленинскую теорию, рассматривавшую преступность как социальную болезнь, порожденную классовым обществом и подлежащую искоренению в новых социалистических условиях. Так, в исправительно-трудовых домах заключенных «лечили» от пороков, приобретенных ими благодаря несовершенству бывшего капиталистического общества [1, с. 178]. Эта установка принципиально меняла подход к правам человека. Личность рассматривалась как объект государственного воздействия, а гарантии прав подменялись «заботой» о перевоспитании.

В этой связи следует отметить, что сама концепция прав человека претерпела значительную трансформацию. Если в либеральной традиции права понимались как естественные и неотчуждаемые гарантии индивидуальной автономии, то в советской интерпретации они стали рассматриваться как дарованные государством и обусловленные социально-экономическим контекстом. Такой подход создавал теоретическую основу для оправдания широкомасштабного государственного вмешательства в жизнь граждан под предлогом их «освобождения» от пережитков прошлого.

В правовом поле это выразилось в замене понятия «наказание» на «меры социальной защиты», что законодательно закрепил Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. [2]. Формально это означало отказ от кары, однако на практике создавало почву для произвола под видом «исправления». Как справедливо отмечает В. А. Чашников, «в демократическом обществе государственное принуждение носит правовой характер и выполняет функцию позитивного фактора социального развития» [3, с. 15]. Однако в условиях 1920-х гг. это принуждение часто выходило за правовые рамки.

Рассмотрим исследуемый вопрос в нескольких ипостасях. Так, реализация национальной политики в Башкирской АССР демонстрирует сложное переплетение созидательных и принудительных элементов. Провозглашенный курс на развитие национальных кадров в милиции проходил под жестким административным контролем. Политика «коренизации» была частью

более широкой стратегии «национального строительства». Она признавала право народов на самоопределение, но стремилась интегрировать их в единое советское государство.

Как свидетельствует статистика, к 1926 г. в башкирской милиции было лишь 26,8 % башкир, а в уголовном розыске – еще меньше [4, с. 115]. Низкая эффективность «коренизации» объяснялась несколькими факторами. Отметим самые важные. Во-первых, это исторически сложившееся недоверие местного населения к власти. Во-вторых, отсутствие системы профессионального образования. В-третьих, сложность внедрения башкирского языка в делопроизводство. Кроме того, серьезной проблемой была языковая политика. Башкирский язык за 1920–1930-е гг. пережил три реформы письменности: сначала переход от арабской графики к «яналифу» (новому тюркскому алфавиту), затем к латинской графике, и только с 1939 г. – к кириллице. Каждая реформа требовала переобучения кадров, издания новой учебной литературы, что значительно осложняло процесс подготовки национальных кадров для милиции.

При этом сама политика «коренизации» осуществлялась директивными методами. Созданная при СНК БАСССР Центральная комиссия по языку, которую возглавлял народный комиссар внутренних дел, жестко контролировала процесс внедрения башкирского языка во все сферы государственного управления [4, с. 116]. Данный факт весьма показателен: карательный орган становился проводником национально-культурной политики, что демонстрирует органическое единство принудительных и созидательных элементов в советской государственной практике. Этот процесс можно рассматривать как проявление «созидательной функции государства», которая, по определению Д. В. Пожарского, представляет собой «комплексную, сложноорганизованную деятельность государства, обусловленную целью обеспечения социального благополучия и поступательного развития общества» [5, с. 97].

В свою очередь, анализ деятельности исправительно-трудовых учреждений БАСССР также демонстрирует противоречивую картину реализации прав заключенных. С одной стороны, законодательство предусматривало широкую программу культурно-воспитательной работы, включая школы, библиотеки и кружки. Так, в Уфимском исправительном доме издавался журнал «Новые пути ИсправДома», ставились спектакли, работали драматические и хоровые секции [6, с. 22]. Однако этим замыслам мешали суровые реалии. Содержание заключенных происходило в крайне тяжелых материально-бытовых условиях, а слабая охрана приводила к массовым побегам. В итоге культурно-просветительская работа в исправительных учреждениях представляла собой классический пример «созидательного принуждения». Образование и культурные мероприятия сочетались с жестким идеологическим контролем. Школы в исправительных домах делились на

три типа: для неграмотных, малограмотных и грамотных, что формально создавало возможности для получения образования. На деле, как свидетельствуют отчеты, школьной работой не были охвачены полностью ни группа неграмотных, ни группа малограмотных. Библиотечные фонды были недостаточны, а средства на культурно-просветительскую работу выделялись нерегулярно и в незначительных объемах [6, с. 23].

Труд заключенных, провозглашенный средством воспитания, на практике становился источником дешевой рабочей силы. Заключенные привлекались к работе в мастерских, к лесозаготовкам, сельскохозяйственным работам. Однако недостаток финансирования и кадровые проблемы значительно ограничивали производственные возможности исправительных учреждений. В итоге в условиях отсутствия надлежащей охраны, конвоя, надзирателей среди заключенных увеличивалось число побегов [1, с. 180]. Это приводило к тому, что заключенных переставали выводить на работы вне исправительных домов, превращая их в «безработных сидельцев, живущих за счет государства». Данная ситуация демонстрирует фундаментальное противоречие между идеологическими установками и практическими возможностями. Первоначально труд рассматривался как важнейшее средство перевоспитания, но отсутствие ресурсов для организации охраны делало его применение невозможным.

Итак, правоприменительная практика 1920-х гг. в советском государстве демонстрирует сложный синтез созидательных и принудительных элементов. С одной стороны, государство провозглашало цели перевоспитания и социальной защиты, с другой – использовало для их достижения методы, существенно ограничивающие права личности. Это противоречие проявлялось на нескольких уровнях: в декларативном признании прав при отсутствии механизмов их защиты; в провозглашении гуманных целей при использовании принудительных методов; в стремлении к национальному развитию через административное давление.

Парадигма «созидательного принуждения» позволяла советской власти легитимировать ограничение прав человека необходимостью построения нового общества. Однако, как показывает опыт Башкирской АССР, разрыв между провозглашаемыми целями и реальными возможностями их реализации был значительным. Недостаток финансирования, кадровые проблемы и административные перегибы превращали многие благие начинания в формальность или в инструмент дополнительного контроля.

Исторический контекст 1920-х гг. – период нэпа – создавал дополнительные противоречия. С одной стороны, провозглашалась относительная либерализация, а с другой – усиливался партийный контроль над всеми сферами жизни. В пенитенциарной системе это выражалось в сочетании элементов «прогрессивной» пенитенциарной политики с ужесточением политического контроля. Этот исторический опыт имеет важное значение для

понимания природы прав человека в переходные периоды, когда масштабные социальные преобразования могут сопровождаться существенным ограничением индивидуальных свобод.

Таким образом, советская правоприменительная практика 1920-х гг. представляет собой уникальный пример синтеза принуждения и созидания, где гуманистические идеи перевоспитания сочетались с жесткими административными практиками. Как отмечает Д. В. Пожарский, «диктатура – это не только и не столько подавление и насилие, сколько организация новых форм жизнедеятельности общества» [5, с. 98]. Именно в этом заключается суть парадокса «созидательного принуждения», где насилие оправдывалось созидательными целями, а ограничение свобод – заботой о «перевоспитании». В этой связи исторический пример Башкирской АССР особенно показателен, и в первую очередь тем, что здесь общероссийские тенденции накладывались на специфику национального региона, создавая сложную мозаику взаимоотношений между властью и обществом. Исторический опыт 1920-х гг. заставляет задуматься о природе прав человека в переходные эпохи, когда масштабные социальные преобразования могут сопровождаться временным ограничением индивидуальных свобод. Как показывает практика, ключевой вопрос заключается в том, является ли такое ограничение временной мерой или превращается в перманентную практику. В случае с советской правоприменительной практикой 1920-х гг. мы видим, что изначально провозглашавшиеся как временные меры принуждения постепенно институционализировались и становились неотъемлемой частью государственной системы.

Библиографический список

1. Олейник Р. Р. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики (по материалам Башкирской АССР) // Материалы международной научно-теоретической конференции «Советское государство и право в период Новой экономической политики». СПб., 2022. С. 178–182.
2. Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Чашников В. А. Государственно-правовое принуждение : общетеоретические вопросы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 15–18.
4. Олейник Р. Р., Бикчурина Э. З., Косых Е. С. Политика «коренизации» кадрового аппарата советской милиции в 1920–1930-х гг. // Право и государство : теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 115–118.
5. Пожарский Д. В. Развитие конституционных основ созидательной функции Советского государства // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1 (21). С. 97–103.

6. Олейник Р. Р. Режим содержания и воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Башкирской АССР (1921-1928 гг.) // Проблемы востоковедения. 2021. № 4 (94). С. 20–24.

© Хуснутдинова Р. Р., 2025

© Амиров Р. З., 2025

УДК 342.7

Чернова Э. Р. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ конституционного права на благоприятную окружающую среду, закрепленного в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Рассматриваются его концептуальные основы и юридическая природа как сложного, многоаспектного правового феномена, сочетающего черты личного и социально-экономического права. Исследуются механизмы реализации данного права и выявляются ключевые проблемы, препятствующие эффективной реализации этого права в современных условиях.

Ключевые слова: конституционное право, благоприятная окружающая среда, экологические права, экологическое законодательство, экологическая информация, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, право на достоверную информацию.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the constitutional right to a favorable environment, which is enshrined in Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. It examines the conceptual foundations and legal nature of this right as a complex, multifaceted legal phenomenon that combines elements of personal and socio-economic rights. The article explores the mechanisms for implementing this right and identifies key challenges that hinder its effective implementation in today's context.

Keywords: constitutional law, favorable environment, environmental rights, environmental legislation, environmental information, environmental safety, environmental protection, and the right to reliable information.

Право на благоприятную окружающую среду относится к категории естественных прав человека, возникающих одновременно с появлением человечества, но осознанных в качестве неотъемлемого права личности лишь во второй половине XX века в условиях нарастающего экологического кризиса. Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила право на благоприятную окружающую среду в качестве одного из основных прав человека, что подчеркивает его высокую социальную значимость и приоритетность для государства. В современных условиях, характеризующихся обострением экологических проблем, усилением антропогенного воздействия на природу и глобальными изменениями климата, обеспечение реализации данного конституционного права приобретает особую актуальность. Несмотря на достаточно развитое экологическое законодательство, существует значительный разрыв между формальным закреплением этого права и его практической реализацией.

Ст. 42 Конституции Российской Федерации содержит три взаимосвязанных правомочия: право на благоприятную окружающую среду, право на достоверную информацию о ее состоянии и право на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением [2, с 67]. При этом содержание понятия «благоприятная окружающая среда» непосредственно в тексте Конституции не раскрывается, что требует обращения к системному толкованию совокупности ст.ст. 9, 42 и 58 Основного закона.

Конституционное право на благоприятную окружающую среду обладает сложной правовой природой, сочетая черты личного права (поскольку направлено на обеспечение экологической безопасности человека) и социально-экономического права (поскольку предполагает определенные стандарты качества жизни). Кроме того, это право имеет выраженный публичный характер, так как его реализация зависит от эффективной деятельности государства по охране окружающей среды и рациональному природопользованию.

Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» дает определение понятия «благоприятная окружающая среда» как «окружающей среды, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». Однако, как справедливо отмечают эксперты, в этом определении отсутствуют юридические критерии благоприятности окружающей среды, что создает трудности в правоприменительной практике.

Как отмечает М. М. Бринчук, данное понятие не «осознано ни в науке..., ни в природоохранной практике правоприменения» [3, с. 4]. Это создает трудности в процессе доказывания нарушения данного права и взыскания компенсации за причиненный вред.

Неотъемлемой составляющей конституционного права на благоприятную окружающую среду и одновременно важным механизмом его реализации является право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Это право гарантировано не только ст. 42 Конституции Российской Федерации, но и ст. 24, обязывающей органы государственной власти и местного самоуправления обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы.

Эффективная реализация права на экологическую информацию предполагает:

- создание государственной системы экологического мониторинга;
- обеспечение свободного доступа к экологической информации;
- установление ответственности за сокрытие или искажение экологической информации;
- обеспечение участия общественности в принятии экологически значимых решений.

Право на возмещение вреда, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, составляет третью важнейшую составляющую конституционного права на благоприятную окружающую среду. Согласно ст. 79 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», вред, причиненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды, подлежит возмещению в полном объеме [4, с. 162].

Для возмещения вреда и наступления ответственности необходимо установить: наличие вреда; противоправность поведения лица; наличие причинной связи между действиями лица, причинившего вред, и наступившими вредными последствиями; форму вины. При этом законодательство предусматривает возможность возмещения не только имущественного, но и морального вреда, причиненного экологическим правонарушением.

Несмотря на достаточно развитую нормативную базу, в сфере реализации права на благоприятную окружающую среду сохраняется ряд серьезных проблем. Как уже было отмечено, одной из основных является отсутствие четких юридических критериев понятия «благоприятная окружающая среда».

Другой важной проблемой является несовершенство законодательства об экологической информации. Несмотря на конституционное закрепление права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, в России до сих пор не принят специальный федеральный закон «О доступе к экологической информации».

В правоприменительной практике также существует множество проблем, препятствующих эффективной реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду. Как отмечается в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, эко-

логическая ситуация в стране близка к катастрофической. По оценкам экспертов, в России в экологически неблагоприятных условиях проживает более 70 млн человек, а ежегодно по экологическим причинам умирает более 350 тыс. человек.

Среди основных проблем правоприменительного характера можно выделить:

- низкую эффективность государственного экологического контроля;
- коррупцию в сфере природопользования и охраны окружающей среды;
- слабое участие общественности в принятии экологически значимых решений;
- несовершенство судебных механизмов защиты экологических прав;
- недостаточное финансирование природоохранных мероприятий.

Современные вызовы и угрозы, связанные с глобальными экологическими проблемами, также создают серьезные препятствия для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду. Среди таких проблем можно выделить: загрязнение атмосферного воздуха в крупных городах и промышленных центрах; загрязнение водных объектов, достигшее в 45 субъектах России критической отметки; накопление опасных отходов производства и потребления; радиационное загрязнение на отдельных территориях; утрата биологического разнообразия и деградация естественных экологических систем.

Особую озабоченность вызывает рост числа чрезвычайных ситуаций экологического характера, ущерб от которых, по оценкам экспертов, превосходит возможности экономики страны.

Для преодоления выявленных проблем и обеспечения эффективной реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду необходима комплексная реформа экологического законодательства и правоприменительной практики. В качестве первоочередных мер следует рассматривать:

1. Разработку и принятие специального федерального закона «О доступе к экологической информации», который законодательно закрепит понятие «экологическая информация», гарантирует право общественности на доступ к такой информации и установит ответственность за отказ в ее предоставлении.

2. Закрепление в законодательстве четких юридических критериев понятия «благоприятная окружающая среда», включая не только санитарно-гигиенические, но и экосистемные показатели.

3. Разработку и принятие Экологического кодекса России, который систематизирует и кодифицирует экологическое законодательство, устранит существующие противоречия и пробелы.

21 октября 2025 года Глава Росприроднадзора С. Г. Радионова в рамках встречи с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным инициировала вопрос о разработке Экологического кодекса России, аргументируя

это необходимостью кодификации более 300 нормативных актов, принятых в области охраны окружающей среды в период 2020–2025 годов, с целью унификации и структурирования экологического законодательства.

Для обеспечения реальной защищенности права на благоприятную окружающую среду необходимо усиление гарантий и совершенствование механизмов защиты этого права. Важными направлениями такой работы являются:

1. Развитие процедур общественного участия в принятии экологически значимых решений, включая проведение общественных экологических экспертиз.

2. Совершенствование судебных механизмов защиты экологических прав, в том числе путем введения специализированных экологических судов или коллегий.

3. Усиление роли органов прокуратуры в надзоре за соблюдением экологических прав граждан.

4. Создание эффективной системы возмещения экологического вреда, включая механизмы страхования экологических рисков.

4. Развитие системы экологического образования и просвещения, повышение экологической культуры населения и должностных лиц.

Таким образом, конституционное право на благоприятную окружающую среду представляет собой сложный многоаспектный правовой феномен, занимающий центральное место в системе экологических прав граждан. Несмотря на его законодательное закрепление в Конституции Российской Федерации и отраслевом законодательстве, реализация этого права сталкивается с серьезными проблемами как законодательного, так и правоприменительного характера.

Преодоление этих проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление гарантий и механизмов защиты, развитие общественного участия в принятии экологически значимых решений, повышение эффективности государственного экологического контроля и управления. Особое значение имеет восприятие этого права как конституционной ценности, определяющей основы взаимодействия человека, общества и государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Балакирева А. Р., Алихаджиева А. С. Конституционное право на благоприятную окружающую среду // Научные высказывания. 2024. № 7 (54). С. 66-69.

3. Бринчук М. М. Многофункциональная роль природы и право собственности на природные ресурсы // Экологическое право. 2021. № 2. С. 3–10.

4. Голиченков А. К., Петрова Т. В. Экологическое право России : учебник. М. : Проспект, 2024. 892 с.

© Чернова Э. Р., 2025

УДК 343.535

Ширгазина Г. Э. – студент III курса Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В данной статье проводится анализ актуальных проблем института банкротства физических лиц в Российской Федерации. Несмотря на свою социальную значимость и постоянное реформирование, данный правовой механизм продолжает сталкиваться с рядом трудностей. В работе обозначены некоторые проблемы, которые возникают при признании физического лица несостоятельным, подчеркнута коллизия между необходимостью защиты прав добросовестных должников и предотвращением злоупотреблений со стороны недобросовестных заемщиков.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, физическое лицо, должник, кредитор.

Abstract. This article analyzes the current problems of the institution of bankruptcy of individuals in the Russian Federation. Despite its social importance and constant reform, this legal mechanism continues to face difficulties. The paper identifies some of the problems that arise when an individual is declared insolvent, and highlights the conflict between the need to protect the rights of bona fide debtors and the prevention of abuse by unscrupulous borrowers.

Keywords: insolvency, bankruptcy, individual, debtor, creditor.

Институт банкротства в России в современном мире находится на этапе развития и регулярного реформирования, отражая баланс между интересами кредиторов, должников и государства. Согласно статистическим данным банкротства через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в 2024 г. было подано в 3,5 раза больше заявлений, чем в 2023 г., что говорит о росте количества граждан,

находящихся в тяжелом финансовом состоянии и не могущих справиться с долговыми обязательствами [1].

Однако так было не всегда, поскольку лишь в 2015 году в России появилась возможность объявить гражданина финансово несостоятельным в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что является важным шагом в защите прав граждан, как являющихся должниками, так и кредиторами. Подобный подход законодателя говорит о нацеленности государства на формирование цивилизованного института банкротства в России.

Имеются некоторые затруднения, на которые справедливо указывает О. М. Свириденко, акцентируя внимание на назревшую необходимость усовершенствования законодательства о банкротстве физических лиц. Она подчеркивает, что правовой механизм должен, с одной стороны, гарантировать гражданам-должникам судебную защиту от произвола кредиторов и коллекторских агентств, а с другой – предоставлять кредиторам реальные шансы на частичное возмещение задолженности [2, с. 9]. Это означает, что перед законодателем стоит сложная задача по оптимизации правового механизма, по поиску этого «баланса», где с одной стороны, необходимо обеспечить «право на второй шанс» для добросовестных должников, оказавшихся в трудной жизненной ситуации не по своей вине, с другой – не допустить злоупотреблений со стороны недобросовестных заемщиков, которые могут использовать процедуру банкротства для списания долгов без реальных попыток их погашения.

Рассмотрим некоторые проблемы, которые возникают на пути развития института банкротства в России.

Во-первых, сложность процедуры связана с установлением ст. 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» четких критериев признания несостоятельности. Несмотря на то, что закон формально предоставляет гражданину право на банкротство, реальное вступление в процедуру сопряжено с существенными препятствиями.

Во-вторых, одной из наиболее дискуссионных проблем являются долгосрочные правовые последствия признания гражданина банкротом. Признание физического лица банкротом может иметь как положительные стороны, так и негативные. Как отмечают Е. Ю. Жога, А. Ю. Васенин, Л. Ю. Тхаровская, возникают ограничения прав в рамках установленных Законом о банкротстве сроках:

- 1) право занимать определенные должности (ограничение свободы труда);
- 2) прав управления юридическим лицом;
- 3) право заключения кредитного договора или договора займа [3, с. 91].

Данные ограничения, по сути, представляют собой существенное ограничение правоспособности гражданина. В этом заключается правовая коллизия. Согласно п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», будучи неcodифицированным актом, устанавливает ограничения, которые носят не столько охранительный, сколько карательный характер и выходят за рамки цели защиты прав иных лиц.

В-третьих, Е. С. Роднова проблемным назвала вопрос, связанный с правами арбитражного (финансового) управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина. Можно отметить, как и отсутствие достаточных прав у последнего, так и избыток данных прав [4, с. 473]. Данная проблема является следствием фундаментальной коллизии в конструкции института банкротства физических лиц. В отличие от процедур банкротства юридических лиц, где управляющий обладает широкими полномочиями, финансовый управляющий в деле о банкротстве физического лица не имеет права самостоятельно проводить обыски, получать детализированные банковские выписки без санкции суда или эффективно противостоять сокрытию активов должником (перевод имущества на родственников, офшоры и т. д.). Его роль часто сводится к констатации отсутствия имущества, а не к его активному розыску. Кроме того, если должник недобросовестно уклоняется от предоставления информации или сокрыл имущество, у финансового управляющего практически нет возможностей для принудительного воздействия, кроме как ходатайствовать перед судом, что затягивает процесс и делает его менее эффективным. Это означает, что проблема заключается в качественной несбалансированности прав.

Таким образом, институт банкротства физических лиц в Российской Федерации, будучи относительно молодым правовым механизмом, имеющим социальную значимость, имеет некоторые проблемы, требующие незамедлительного законодательного реагирования.

Библиографический список

1. Статистика банкротства физических лиц. URL: <https://fpa.ru/info/statistika-bankrotstva-fizicheskikh-lic/> (дата обращения: 11.10.2025).
2. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах правового регулирования банкротства граждан // Юрист. 2019. № 2. С. 9–15.
3. Жога Е. Ю., Васенин А. Ю., Тхаровская О. Ю. Банкротство физических лиц : проблемы теории и практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 89–92.

4. Роднова Е. С. Банкротство гражданина : проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2025. № 22 (573). С. 473–475.

© Ширгазина Г. Э., 2025

УДК 174(470)

Янбухтин Р. М. – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского ЮИ МВД России

ПРОФИЛАКТИКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается проблема профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма. С позиции междисциплинарного подхода рассматриваются актуальные вопросы разработки ценностно ориентированной модели профилактики идеологии экстремизма в современном российском обществе с учетом тенденций развития гражданского общества и российского законодательства. Автором также поднимается вопрос о построении многоуровневой комплексной системы эффективного противодействия экстремизму и терроризму, где главным элементом выступает проведение целенаправленной профилактической работы, направленной на предупреждение проявлений радикальных и деструктивных идей, пропаганды исключительности той или иной нации, религиозного верования или политического, социально-экономического устройства.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, противодействие, профилактика, гражданское общество, традиционные ценности.

Abstract. The article discusses the problem of preventing and countering the ideology of extremism and terrorism. From the perspective of an interdisciplinary approach, the current issues of developing a value-based model for preventing the ideology of extremism in modern Russian society are considered, taking into account the trends in the development of civil society and Russian legislation. The author also raises the issue of building a multi-level integrated system for effectively countering extremism and terrorism, where the main element is conducting targeted preventive work aimed at preventing manifestations of radical and destructive ideas, promoting the exclusivity of a particular nation, religious beliefs or political, socio-economic structure.

Keywords: extremism, ideology of extremism, counteraction, prevention, civil society, traditional values.

В настоящее время, выступая в качестве сложного социально-психологического феномена, идеология экстремизма и терроризма представляет собой актуальную угрозу развития современной цивилизации и культуры. Деструктивные и радикальные идеи оказывают негативное воздействие на сознание граждан, порождают не только отрицательные мысли и чувства, но и выступают в качестве причин противоправного поведения отдельных лиц или социальных групп, угрожая устоям общественной жизни, стабильности и государственного порядка.

Анализ литературы, посвященной проблеме экстремизма, позволяет отметить, что в этой области исследований имеются проблемы теоретического и практического характера (М. В. Авакьян, А. М. Айгузина, Т. С. Волчецкая, А. В. Еськов, Л. А. Кодзоков, А. В. Кузьмин, Т. З. Мисроков, К. А. Ольховский, А. А. Протасевич, О. В. Тепляков, Л. К. Сафина, П. Е. Сулонов и др.).

Несмотря на многообразие научных исследований, посвященных различным аспектам экстремизма, следует учитывать, что здесь имеется немало проблем в части определения природы и сущности идеологии экстремизма, раскрытия его видов и форм, профилактики и противодействия радикальным и деструктивным идеологиям. В связи с этим требуется вновь поднять вопросы, связанные с пониманием природы и сущности идеологии экстремизма, раскрытием его структуры, выявлением условий его возникновения и трансформации, определением основных путей, форм и методов осуществления эффективной профилактики и противодействия проявлениям радикальной и деструктивной идеологии.

Важно отметить, что рассмотрение вопросов построения системы профилактики и противодействия идеологии экстремизма, проведения эффективной профилактической деятельности, определения перспективных направлений, форм и методов антитеррористической (антиэкстремистской) деятельности, требуют своего нового изучения и осмысления.

В этой связи необходимо вновь затронуть проблемные вопросы, касающиеся теоретико-методологических аспектов профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма, построения эффективной системы противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях.

Вне всякого сомнения, такие негативные социальные явления как экстремизм и терроризм в своей основе имеют идеологические основы и поэтому требуется создание эффективной системы профилактики идеологии экстремизма и терроризма, главной целью которой выступает формирование у граждан критического мышления, антиэкстремистских мировоззренческих установок, развитие у них правовой и нравственной культуры.

Исследователи, осмысливая современные теоретические положения и имеющийся отечественный опыт деятельности по организации и реализа-

ции мероприятий профилактической направленности, выделяют определенные модели профилактики экстремизма, в которых основное внимание уделяется информированию населения о действиях экстремистской направленности, формированию психологических способностей ощущать и понимать переживания других людей, развитие деятельности, альтернативной экстремистским формам поведения [2, с. 110].

Кроме того, накоплен и имеется достаточно богатый опыт по противодействию терроризму и экстремизму в подростково-молодежных или образовательных средах, где основной упор делается на проведении групповых профилактических мероприятиях в виде лекций, бесед, тематических интеллектуальных игр, образовательных лагерей или летних школ, встреч с экспертами, участия в разработке и реализации проектов антитеррористической направленности [1, с. 15–16].

В литературе также отмечается значение и роль индивидуально-профилактической работы среди молодежи и подростков в форме индивидуальных бесед или бесед в малых подгруппах, предполагая формирование у конкретного лица антиэкстремистского сознания, неприятия любых проявлений экстремизма и терроризма [1, с. 21–23].

Можно констатировать, что в настоящее время система профилактики экстремизма и терроризма в российском обществе решает свои задачи по формированию модели антитеррористического (антиэкстремистского) поведения личности.

Между тем, сохраняют свою актуальность вопросы теоретико-методологического характера, от рассмотрения которых в значительной степени зависит дальнейшее совершенствование и развитие системы противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации.

В свою очередь считаем необходимым определить исходные методологические и теоретические основы построения модели профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма, отвечающей современным вызовам и угрозам.

В Указе Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» дается определение понятию «экстремистская идеология», под которым понимается совокупность взглядов и идей, пропагандирующих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов и противоречий [4].

В действующем российском законодательстве мы также находим определение целому ряду таких понятий как «идеология насилия», «радикализм», «ксенофобия», «руссофобия», что позволяет четко и ясно определить экстремистские по характеру и направленности идеи, взгляды, действия, формы девиантного поведения и взаимодействия людей. В частности, идео-

логия насилия определяется как совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей, а под радикализмом понимается приверженность идеологии насилия, характеризующейся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации [4].

Также в данном указе Президента Российской Федерации дефиниции понятий «ксенофобия» и «русофобия» также содержат экстремистские по смыслу и характеру признаки. Термин «ксенофобия» определяется как проявление ненависти, неприязни или нетерпимости в отношении определенных социальных групп и общностей людей, а также в отношении их отдельных представителей, а под русофобией понимается неприязненное, предвзятое, враждебное отношение к гражданам России, русскому языку и культуре, традициям и истории России, выражающееся в том числе в агрессивных настроениях и действиях политических сил и их отдельных представителей, а также в дискриминационных действиях властей недружественных государств в отношении России [4].

Таким образом, можно утверждать, что основой экстремизма является радикальная идеология, представляющая собой комплекс идей, взглядов или установок, для которых характерна непримиримая и деструктивная позиция, направленная против существующих групп, общностей, организаций, институтов государственной власти посредством оказания давления и применения силы в решении имеющихся социально-экономических, социально-политических, культурных противоречий.

Что касается возникновения радикальных и деструктивных идей, то они обусловлены многообразными социокультурными факторами, противоречиями и поэтому можно только ставить вопрос о минимизации проявления идеологии экстремизма в современном обществе.

Радикальные и деструктивные идеи являются неотъемлемой частью общественных отношений, поскольку имеют тесную связь с социальной жизнью людей, их поведением и взаимодействиями, многообразными интересами, установками и ценностями, предполагающими не только кооперацию, сотрудничество, но и конкуренцию, а также противоборство, противоречия, конфликты. По своему существу они имеют социально-культурную природу, эволюционируя и трансформируясь в определенных политических, социально-экономических и культурных условиях общественной жизни людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства.

Также следует отметить, что идеология экстремизма и терроризма тесным образом связана с политикой, проводимой определенными политическими кругами, спецслужбами, целью которых выступает дестабилизация

общественного и конституционного порядка, свержение неугодных политических лидеров, глав государств. Кроме того, идеология экстремизма и терроризма связана с деятельностью террористических организаций, идеологов, которые осуществляют целенаправленную деятельность, направленную на пропаганду радикальных идей среди населения, разжигания национальной розни, обострения социальных противоречий, конфессиональных конфликтов.

Раскрытие природы и сути идеологии экстремизма и терроризма имеет важное значение в осуществлении эффективной деятельности государственных и общественных субъектов в направлении противодействия проявлениям радикальным и деструктивным идеям, пропаганды исключительности той или иной нации, религиозного верования или политического, социально-экономического устройства.

Важное значение имеет определение перспективных направлений и механизмов в проведении эффективной деятельности по противодействию и профилактики террористической (экстремистской) деятельности области обеспечения государственной и общественной безопасности.

В основе современной политики Российского государства заложены концептуальные идеи, главной целью которых выступает создание необходимых условий для удовлетворения потребностей граждан, защиты их прав и законных интересов, обеспечения национальной безопасности и бесконфликтного развития общественной жизни в России. Современная государственная политика в стране направлена на защиту и реализацию национальных интересов, защиту демократических ценностей и соответствующих институтов, включая сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

На наш взгляд, можно выделить следующие основные модели противодействия идеологии экстремизма и терроризма:

- 1) целенаправленное осуществление государственной информационно-пропагандистской работы;
- 2) проведение профилактических мероприятий, направленных на повышение общей и правовой культуры граждан, сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- 3) конструктивное взаимодействие государственных органов и институтов гражданского общества в решении многообразных социально-политических, экономических и культурных вопросов.

В заключение следует сделать вывод о том, что в современном российском обществе требуется выстраивать многоуровневую комплексную систему эффективного противодействия экстремизму и терроризму, где главным элементом выступает проведение целенаправленной профилактической работы, направленной на предупреждение проявлений радикальных и деструктивных идей, пропаганды исключительности той или иной нации, религиозного верования или политического, социально-экономического

устройства. В построении ценностно-ориентированной модели противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации в качестве ключевых идеалов и ценностей общественной жизни выступают базовые традиционные российские духовно-нравственные ценности. При этом важно использовать богатый культурный опыт как нашей страны, так и зарубежных государств, у которых имеются позитивные результаты в вопросах национальной идентичности.

Библиографический список

1. Авакьян М. В., Болвачев М. А., Волчецкая Т. С., Осипова Е. В. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма : учебное электронное издание. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с.

2. Старостин А. Н., Суслонов П. Е., Шиллер В. В. Профилактика экстремистских проявлений : теоретические основания и практические модели // Журнал : Дискур-Пи, Издательство : Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург). 2019. Том 16. № 2 (35). С. 107–116.

3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Янбухтин Р. М., 2025